

# ВЕСТНИК МГЛУ

**СЕРИЯ 1**

**№ 3 (124) / 2023**

**ФИЛОЛОГИЯ**

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

О. В. Луцинская (*главный редактор*),  
Л. А. Тарасевич (*зам. главного редактора*),  
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. П. Иванова,  
И. К. Кудрявцева, Т. В. Поплавская,  
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»  
включен Высшей аттестационной комиссией  
в перечень научных изданий Республики Беларусь  
для опубликования результатов диссертационных исследований*

---

## СОДЕРЖАНИЕ

### **Проблемы общего и типологического языкознания**

- Аникеева Т. В.* Прецедентные матрицы как способ структурной организации средств выражения межтекстовых связей ..... 7
- Ню Вэньцзюань.* Тактико-стратегическая организация новостного комментария (на материале неблизкородственных языков)..... 16
- Рудько Т. В.* Особенности выражения собирательного количества в белорусском и английском языках ..... 27
- Сажина Е. В.* Коммуникативно-прагматические признаки полемиического компонента дискурса печатных СМИ (на материале неблизкородственных языков)..... 35
- Самусевич Д. Е.* Дискурс развлечений: терминологическая вариативность и неоднозначность толкования ..... 44
- Сысоева Т. А.* Прагматические функции фразеологических единиц в юмористическом описании семейного мероприятия ..... 53

### **Исследования славянских языков**

- Лапицкая И. А.* Роль языков-посредников в процессе фонетической ассимиляции немецких заимствований в белорусском языке ..... 60

### **Литературоведение**

- Іконнікава Л. У.* Гістарычная рэальнасць і мастацкая выдумка ў прасторы літаратурнага твора (“Імя ружы” У. Эка і “Хрыстос прызямліўся ў Гародні” У. Караткевіча) ..... 69

<i>Серова А. С., Минина В. Г.</i> Элементы антиутопии в романах К. Исигуро «Не отпускай меня» и «Клара и Солнце» .....	77
<i>Судлянкова В. А.</i> Месца і роля экфрасіса ў рамане Л. Рублеўскай “Дагератып” .....	86
<i>Чарота К. М.</i> Праўда пра вайну ў аповесці “Дні і ночы” К. М. Сіманавы і рамане “Смутах белых начэй” І. Я. Навуменкі .....	95

## CONTENTS

### General and Typological Linguistics

- Anikeyeva T.* Precedent Matrices as a Means of Structural Organization  
of Language Inter-Textual Means..... 7
- Niu Wenjuan.* The Tactical-Strategic Organization of the News Commentary  
(in Non-Closely Related Languages)..... 16
- Rudzko T.* Peculiarities of Expressing the Collective Amount  
in the Belarusian and English Languages ..... 27
- Sazhyna A.* Communicative-Pragmatic Features of the Polemic Component  
of the Discourse of the Print Media  
(in Non-Closely Related Languages)..... 35
- Samusevich D.* Entertainment Discourse: the Terminological Variability  
and the Ambiguity of the Interpretation..... 44
- Sysoyeva T.* Pragmatic Functions of Phraseological Units  
in Humorous Stories About Family Events ..... 53

### Slavonic Languages

- Lapitskaja I.* Influence of the Mediator Languages on the Process  
of the Phonetic Assimilation of German loan Words  
in the Belarusian Language..... 60

### Literary Studies

- Ikonnikava L.* Historical Reality and Fiction in the Context of a Literary Work  
("The Name of the Rose" by Umberto eco  
and "Christ Landed in Gorodnya" by Uladzimir Karatkievich)..... 69

<i>Serova A., Minina V.</i> Elements of the Dystopian Genre in K. Ishiguro’s Novels “Never Let Me Go” and “Clara and the Sun” .....	77
<i>Sudliankova V.</i> The Place and Role of Ekphrasis in Lyudmila Rublevskaya’s Novel the Daguerreotype .....	86
<i>Charota K.</i> The Truth About the War in the Story Days and Nights by K. M. Simonov and the Novel the Sadness of White Nights by I. Y. Navumienka.....	95

## ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 811.161.1'42

**Аникеева Татьяна Владимировна**  
старший преподаватель кафедры фонетики  
английского языка  
Минский государственный  
лингвистический университет  
г. Минск, Беларусь

**Tatsiana Vladimirovna**  
Senior lecturer, Department of English Phonetics  
Minsk State Linguistic University  
Minsk, Belarus  
tatsiana.anikeeva@gmail.com

### ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ МАТРИЦЫ КАК СПОСОБ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МЕЖТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ

#### PRECEDENT MATRICES AS A MEANS OF STRUCTURAL ORGANIZATION OF LANGUAGE INTER-TEXTUAL MEANS

В статье рассматриваются критерии структурной организации прецедентных матриц современного русскоязычного художественного текста и описываются структурные связи между компонентами матриц сфер-источников «Религия», «Мифология». Раскрываются принципы внутрима матричной организации и интерпретации отдельных прецедентных явлений сфер-источников «Религия» и «Мифология».

Ключевые слова: *прецедентный феномен; прецедентная матрица; сфера-источник; структурный принцип организации матрицы; ядерный признак; периферийный признак.*

The article deals with the criteria of structural organization of modern Russian literary text precedent matrices and describes the structural connections between the components of several matrices belonging to the thematic sources “Religion”, “Mythology”. It unveils the principles of intra-matrix organization and interpretation of several precedent phenomena belonging to the sources “Religion”, “Mythology”.

Key words: *precedent phenomenon; precedent matrix; thematic source; structural principle of matrix organization; key semantic feature; peripheral semantic feature.*

Современный художественный текст выступает полем реализации единиц, раскрывающих тексто- или дискурсивно релевантные семантико-прагматические характеристики, при помощи которых обеспечивается трансляция знания. Среди данных единиц одними из наиболее кумулятивных по содержанию и вариативных по синтагматической реализации выступают средства объективации межтекстовых связей, обеспечивающие преемственность знания и текстовой диалог. Актуальными языковыми средствами вербализации межтекстовых связей в рамках настоящей статьи выступают прецедентные феномены, которые определяются как значимые для сознания

языковой личности явления, отражающие на синтагматическом уровне комплексность семантико-структурной организации представлений о персоналиях, фактах и событиях, релевантных для языкового сообщества [1, с. 216].

Прецедентный феномен в современном дискурсивном пространстве предстает в качестве образования, которое актуализирует разнотипные характеристики, включающие инвариантность восприятия, эталонность, воспроизводимость в рамках различных контекстов интерпретации, клишированность и аксиологическую маркированность, воспринимаемую реципиентом [2]. Определяющими для структурной репрезентации феномена предстают признаки инвариантности и воспроизводимости. Инвариантность хранения феномена и его текстовой репрезентации создает основу воспроизведения единицы в силу ее именного характера, а воспроизводимость указывает на возможность вариативного выстраивания связей между феноменом и его актуальным (реализуемым в контексте) признаком.

Прецедентные феномены современного художественного текста представляют собой комплексные образования, обладающие устойчивостью и вариативностью синтагматического развертывания. Тем не менее, каждый контекст употребления прецедента указывает на закрепление в синтагматической реализации ограниченного набора «дифференциальных признаков и присущих ему атрибутов, остальные же отбрасываются как несущественные» [2]. Данный факт обращает внимание не только на первостепенность актуализации отдельных признаков прецедента, которые выступают дифференциальными, но и их связь с атрибутами [3, с. 198], которые отстоят дальше от ядра его совокупных дифференцирующих признаков. Указанные признаки имеют возможность формировать внешние и внутригрупповые связи, устанавливать их взаимодействие на межтекстовом уровне и предопределять их взаимосвязь. Для описания данного взаимодействия на внутригрупповом и межтекстовом уровне используется термин прецедентных матриц, который акцентирует внимание на многочисленности и воспроизводимости связей, формируемых в пространстве инотекста, а также свидетельствует о неоднородности репрезентации данных феноменов и их сложном многоуровневом взаимодействии. Таким образом, под прецедентной матрицей понимается структура, состоящая из ядерных и периферийных семантических признаков и отражающая на внутригрупповом уровне соотношенность феноменов одной тематической сферы между собой, а также особенности взаимодействия ядерных и периферийных признаков в рамках семантики одного и того же прецедентного явления.

Прецедентные матрицы представляют собой структурный способ выстраивания взаимосвязей между именем как стимулом и совокупностью определяющих его семантических реализаций текста и дискурса. Прецедентные матрицы современного русскоязычного художественного текста выстраиваются на основе сфер-источников «Религия», «Мифология». Под сферой-источником понимается тематическое объединение феноменов на

основе апелляции к единой текстовой, семиотической или дискурсивной совокупности, функционирующей на основе многовекторных связей между составляющими ее частями. Материал современных художественных текстов XXI века и Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) позволяет обратить внимание на указанные выше тематические сферы в силу частотности репрезентации их феноменов, а также особой лингвокогнитивной значимости явлений для русскоязычного пространства. Традиционность исследуемых сфер и возможность построения схемы их реализации подчеркивается не только экспериментальными исследованиями единиц межтекстового взаимодействия на современном этапе развития лингвистики, но и общностью культурных текстов, к которым апеллируют данные единицы, что позволяет выявить частные и общие внутригрупповые схемы взаимодействия признаков, репрезентирующих данные феномены.

Матрицы русскоязычного текста сферы-источника «Религия» указывают на интеграцию двух основных типов феноменов в рамках данной сферы: текстовых, источником апеллирования к которым выступают исключительно текстовые документы (книги Ветхого и Нового заветов, апокрифические предания и иные типы фактологических источников), а также дискурсивные, основанные на переосмыслении признаков, принадлежащих к лексическому фону прецедентных феноменов. Присоединение явлений второго типа к матрице осуществляется при помощи апеллирования к периферийным признакам феномена, далее соотносимых с первичными для его идентификации характеристиками. Получаемая в результате выявления данных взаимодействий схема носит структурно-семантический характер, поскольку опирается на особенности определяющих синтагматических реализаций прецедентного феномена, их соотношенность со вторичными для идентификации признаками и взаимодействие признаков обеих групп между собой.

Признаки, выделенные при анализе сферы-источника «Религия» и их иерархия определялись на основе контекстуальных метаязыковых комментариев прецедента, которые непосредственно эксплицируют свойство или характеристику, реальную или приписываемую персонажу. Ключевыми компонентами данной реализации выступают имена, функционирующие в качестве места центрации интегральных и дифференциальных признаков феномена [3, с. 198]. Вычленение именных компонентов, извлекаемых из художественных текстов, осуществлялось на основе непосредственных реализаций прецедентного имени *‘Иисус’*, а также апелляций к полной форме *‘Иисус Христос’* через совокупность компаративных метатекстовых реализаций компаратива *‘как Иисус’*, *‘словно Иисус’*, *‘будто Иисус’*. Выбор данного имени в качестве первичного для выстраивания прецедентной матрицы обусловлен первостепенностью и ключевым характером для представлений, связанных с христианской религиозностью. Помимо традиционных реализаций, вариативность актуализации прецедентных имен связана с возможностью трансформативного переноса именных компонентов, формирования коллокаций, их перехода в иные семиотические системы и вариативного языкового отражения, что выражает их динамику, в соот-

ветствии с которой «стереотип ритуала может войти в поговорку, а потом превратиться во фразеологизм» [4, с. 35], в то время как сущность прецедентной единицы состоит в фиксации когнитивного описания интеллектуальных и жизненных способностей человека [5, с. 222]. Совокупность выявленных эксплицитных свойств и характеристик прецедентного феномена 'Иисус', установленных на основе художественного текста и данных Национального корпуса русского языка (рис. 1 и табл. 1), свидетельствует об отсутствии однозначного доминирования ядерных либо периферийных признаков контекстуальной интеграции феномена, что предполагает его развертывание по горизонтали и выявление нескольких основных и дополнительных семантических компонентов, через которые происходит присоединение. В качестве ядерных признаков выступают реализованные синтагматически текстовые апелляции, которые указывают на события из биографии лица или персонажа, при помощи которых устанавливается динамическая сема деятеля: «*В середине лета по тихому Енисею плыл плотик, на нем стоял крест, **ко кресту, как Иисус Христос, был прибит ржавыми гвоздями тощий, нагой мужичонка***» [7] / «*На малой верхней перекладине надпись: «**Иисус Назорей, Царь Иудейский**»*» [8]. Периферийными признаются свойства и характеристики, описывающие при помощи метатекста условия протекания события или явления в коммуникации: «*Иисус **пришёл** сделать то же самое: **разрушить рациональное мышление, выбить у человечества все возможные табуретки из-под ног, отнять все костыли, подпорки***» [9]. Окказиональность репрезентации отдельных типов выражается при помощи выстраивания разнотипных связей между прецедентным именем либо наименованием, а также характеризующим его же именем либо наименованием иного прецедента или компонента семиотического кода: «*Лунатик, наконец, – с поджарым станом, долговязый, жилистый, с простым латунным крестиком на прочной золотой цепочке: **Иисус Назарей, Царь Иудейский, тощий, изможденный, как узник Бухенвальда, с торчащими сквозь кожу ребрами, но смерть поправший – видите в ногах распятого Спасителя черепушку и кости «веселого роджера»?***» [10].

Установление признаков, лежащих в основе прецедентной матрицы, осуществляется на основе контекстуальных реализаций феномена и связано с языковой формой его представления. Таким образом, матрица внутригрупповой организации прецедентного имени 'Иисус' представляет собой двухуровневую совокупность феноменов, среди которых выделяются явления первого и второго порядков. Семы первого порядка, выделяемые на основе контекстуального анализа метаязыковых комментариев, выступают конкретизаторами семы деятеля и представляют собой связанные с деятельностью характером репрезентации персонажа семы 'спаситель', 'учитель', 'страдалец на кресте'. Вторичными по отношению к указанным характеристикам предстают эксплицитированные семы второго порядка, указывающие на периферийные, окказиональные либо контекстуально обусловленные характеристики указанного лица или персонажа.

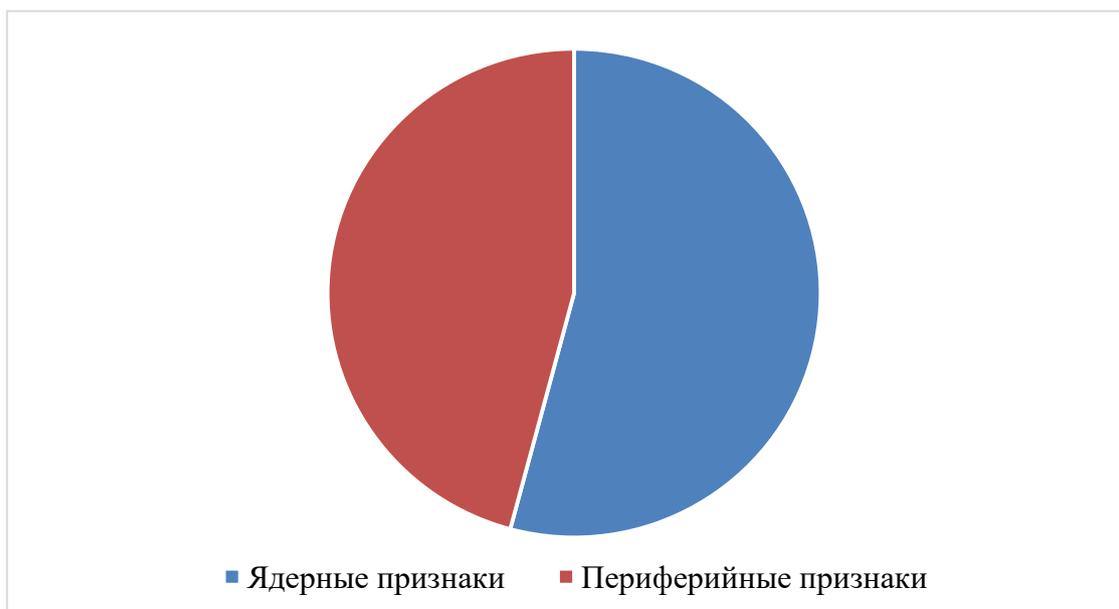


Рис. 1. Типология распределения ядерных и периферийных признаков precedentного имени (ПИ) 'Иисус'

Т а б л и ц а 1

Количественные данные распределения ядерных и периферийных признаков precedentного имени (ПИ) 'Иисус' (в %)

Типология признака присоединения	Количественные данные (в %)
Ядерные признаки	54,17
Периферийные признаки	45,83

Внутриструктурная организация метаязыковых комментариев к отдельным precedentным именам сферы-источника «Мифология» демонстрирует тенденцию к изоморфной реализации отдельных свойств и качеств, где наблюдается тенденция доминирования ядерных изоморфных признаков в рамках художественного текста. Так, для precedentного имени *'Афродита'* основным апеллятом предстает реализация ядерных компонентов значения, группирующихся вокруг представлений о появлении богини на свет (*'рождение Афродиты из пены морской'*), что, в частности, предопределяется формированием образа на основе произведений искусства, полотен известных мастеров, их тиражированием в современном художественном дискурсе. Данное прочтение обуславливает актуализацию атрибутов и символическое прочтение указанных имен, принадлежащих сфере-источнику «Мифология», что соответствует положению об отличности символа в его текстовом понимании от «непосредственного бытия символа» [6, с. 23]. Как представлено на рис. 2, для имен, репрезентирующих классическую античную мифологию, семантически первичными выступают ядерные признаки, связанные с интерпретацией имен как символов мужской и женской красоты, благообразия, привлекательности и воспроизведения отдельных черт их

биографий (*рождение Афродиты из пены морской*). Имена, носящие фольклорно-мифологический характер, имеют тенденцию к доминированию периферийных представлений, частично соотносимых с определяющими их ядерными признаками. Типология признаков и количественные данные указанных реализаций основных имен представлены на рисунке 2 и в таблице 2.

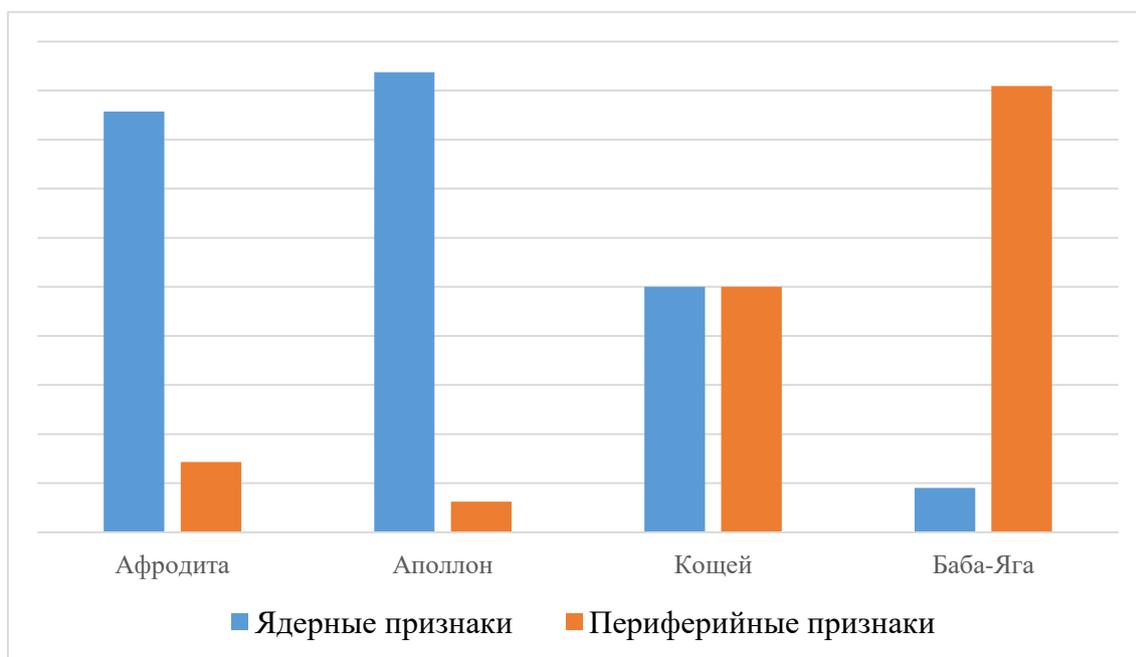


Рис. 2. Прецедентные имена сферы-источника «Мифология» и их ядерная и периферийная репрезентация

Т а б л и ц а 2

Количественные данные частотности репрезентации имен сферы-источника «Мифология», их ядерной и периферийной репрезентации (в %)

Тип прецедентного имени сферы-источника «Мифология»	Количественные данные (в %) без усреднения	
ПИ «Афродита»	85,71	14,28
ПИ «Аполлон»	93,75	6,25
ПИ «Кощей»	50	50
ПИ «Баба-Яга»	9	90,9

Для иных прецедентных имен сферы-источника «Мифология» характерны актуализации периферийных признаков. В частности, прецедентные имена *Пан*, *Артемиды*, *Персей*, *Харон* указывают на доминирование периферийных представлений при минимизации ядерных (рис. 3 и табл. 3), что указывает на альтернативные способы актуализации периферийных представлений. Их структурирование и репрезентация указывают на различия в соотношении ядерности и периферийности данных признаков.

С опорой на лексикографическое описание мифологических имен определено, что ядерные представления соотносятся с актуализацией минимизированных описаний прецедентных мифологических наименований в лексикографических источниках, отражающих инвариантность их описания, в то время как периферийными предстают признаки, связанные с фактами либо особенностями биографии персонажей, атрибутами внешнего вида или периферийными представлениями о свойствах их личности. Помимо них, к числу периферийных относятся признаки переосмысления имени либо наименования, привносящие в описание персонажа черты и свойства, изначально ему не присущие (*'управлять словопрениями, словно Харон'*, *'пропивший лодку Харон'*, *'чуткая к времени Мельпомена'*, *'утонуть безукоризненно, словно Атлантида'*, *'Голем-антисемит'*) и др.

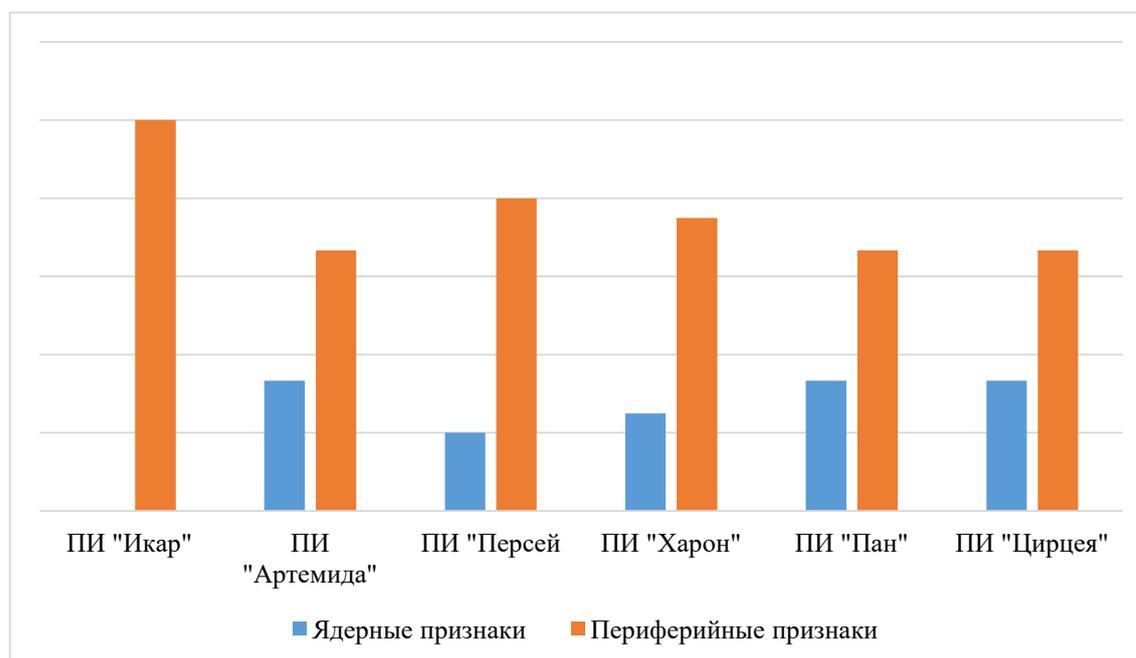


Рис. 3. Прецедентные имена сферы-источника «Мифология» и их ядерная и периферийная репрезентация (2)

Т а б л и ц а 3

Количественные данные репрезентации прецедентных имен сферы-источника «Мифология» (2)

Прецедентное имя сферы-источника «Мифология»	Количественные данные признаков различных типов (в %)	
	Ядерные признаки (%)	Периферийные признаки (%)
ПИ «Икар»	0	100
ПИ «Артемида»	33,33	66,66
ПИ «Персей»	20	80
ПИ «Харон»	25	75
ПИ «Пан»	33,33	66,66
ПИ «Цирцея»	33,33	66,66

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы относительно структурной организации средств выражения межтекстовых связей современного художественного текста. Способом системного представления вариативных контекстуальных реализаций прецедентных феноменов выступают прецедентные матрицы, понимаемые как структурные схемы, указывающие на взаимодействие признаков в рамках одной сферы-источника либо взаимодействие признаков в семантике одного прецедентного имени. Русскоязычный художественный текст и частотность представления феноменов в нем позволяют определить, что основополагающим критерием выстраивания как внутригрупповых, так и внутриименных семантических связей являются эксплицируемые на основе анализа контекстов ядерные и периферийные связи.

Актуальность исследования традиционно выделяемых сфер-источников «Религия» и «Мифология» и их отдельных имен обусловлена многочисленностью связей, устанавливаемых между прецедентным именем и его контекстуальным признаком, а также общностью текстовых источников, к которым осуществляется апелляция. Внутригрупповая организация прецедентных матриц осуществляется с опорой на характер репрезентации их контекстного описания и экспликацию семы, ключевой для их определения. Организация внутригрупповой матрицы, основанной на прецедентном имени *‘Иисус’*, указывает на схематический характер соотнесения выявляемых признаков, где вершиной предстает номинация лица в полноте его функциональных и атрибутивных свойств, раскрывающихся через семы, описывающие деятеля.

Вторым уровнем актуализации данных признаков выступает присоединение неопределяющих феноменов периферийных атрибутов и признаков, выступающих результатами вторичного осмысления феномена. Внутригрупповые системные реализации признаков сфер-источников «Мифология» представлены феноменами, принадлежащими к классическим античным символам, а также репрезентантами фольклорно-мифологических представлений. Доминирующим типом системной организации классических символов выступает интеграция матрицы с опорой на ядерные признаки, отражающие концептуальные интерпретативные свойства данных имен при низком проценте ремотивирующих реализаций. Противоположная системная организация характерна для фольклорно-мифологических имен, где наблюдается высокий процент периферийных и окказиональных переосмыслений феномена, которые выступают вторичными по отношению к структурирующим их ядерным описаниям.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
2. *Гудков, Д. Б.* Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/pretsedentnye-fenomeny-v-yazykovom-soznanii-i-mezhkulturnoi-kommunikatsii>. – Дата доступа : 10.04.2023.

3. *Красных, В. В.* Свой среди чужих: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 375 с.
4. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология : уч. пос. / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
5. *Голубева, Н. А.* Номинация и когниция (опыт когнитивного описания номинативной системы языка) / Н. А. Голубева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 6. – С. 217–223.
6. *Романовская, А. А.* Античная символика и ее семантико-прагматические функции в современном художественном тексте / А. А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 308 с.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИСПОЛЬЗОВАННОГО МАТЕРИАЛА

7. *Астафьев, В. П.* Не хватает сердца // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://surl.li/fvent>. – Дата доступа : 27.03.2023.
8. *Растворцев, А.* Отраженные облака // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://surl.li/fvela>. – Дата доступа : 27.03.2023.
9. *Мацанов, А.* Горечь полыни на губах // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://inlnk.ru/oe031a>. – Дата доступа : 27.03.2023.
10. *Самсонов, С. А.* Кислородный предел // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://surl.li/fvfjm>. – Дата доступа : 27.03.2023.

*Поступила в редакцию 23.05.2023*

**Ню Вэньцзюань**

аспирант кафедры фонетики и грамматики  
английского языка  
Минский государственный  
лингвистический университет  
г. Минск, Беларусь

**Niu Wenjuan**

Postgraduate Student of the Department  
of English Phonetics and Grammar  
Minsk State Linguistic University  
Minsk, Belarus  
a1205011047@qq.com

**ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ  
НОВОСТНОГО КОММЕНТАРИЯ  
(на материале неблизкородственных языков)**

**THE TACTICAL-STRATEGIC ORGANIZATION  
OF THE NEWS COMMENTARY  
(in non-closely related languages)**

В статье рассматривается вопрос об особенностях тактико-стратегической организации одного из жанров медийного дискурса – новостного комментария. Определяется набор средств вербализации коммуникативных тактик в сравнительно-сопоставительном аспекте, устанавливаются их сходства и отличия на материале китайского и английского языков.

*Ключевые слова: новостной комментарий; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика; средства вербализации; сравнительно-сопоставительный аспект.*

The article deals with the features of the tactical and strategic organization of one of the genres of media discourse – the news commentary. A set of means of verbalization of communicative tactics has been identified in a comparative and contrastive aspect, their similarities and differences have been determined on the basis of the Chinese and the English languages.

*Key words: news commentary; communicative strategy; communicative tactics; means of verbalization; comparative and contrastive aspect.*

The press in its genre diversity has been in the spotlight for many decades. Some genres are disappearing, others are emerging, there is a convergence of genres, which is due to the rapid technical progress of communication technologies and readers' demand. However, it should be noted that some genres haven't lost their relevance till the present, since their functional resources remain in high demand. One of these genres, in our opinion, is the news commentary, which successfully implements informative and influencing functions, providing detailed information to the addressee about current news events and at the same time providing the analysis of the available information, which contributes to influencing the reader and forms a certain image of a news event.

As we know, for successful communication, the addresser makes up a specific plan and chooses the most effective ways and means of its implementation. From the point of view of linguistics, such a plan is laid down in a set of communicative

strategies that the addresser uses to achieve the goals. In turn, each strategy is implemented through a set of specific tactics that are verbalized with the help of linguistic means, which contribute to the successful implementation of a particular strategy and, thereby, the achievement of the set of communicative goals.

In linguistics, there is still no generally accepted definition of the communicative strategy and tactics, since their typologies are based on different classification grounds. Often strategies are referred to as the global level of awareness of the situation of communication as a whole, while tactics are understood as local rhetorical devices and lines of speech behavior [1, p. 208].

According to N. P. Formanovskaya, strategies are associated with the general idea of the ultimate goal of communication, tactics consist of specific speech moves that correspond to the general strategy [2, p. 72].

E. V. Klyuev believes that this is a strategic result aimed at by a communicative act [3], and communicative tactics are a set of practical moves in the real process of speech interaction. Communicative tactics do not correspond to a communicative goal, but to a set of individual communicative intentions [4].

According to I. V. Sorokina, communicative strategies are sequences of conventional communicative moves (replies) and communicative steps (speech actions) formed on the basis of certain tactical speech techniques [5].

In Chinese linguistics, few works are devoted to the issue of communicative strategies and tactics, which makes the research conducted by the author very relevant, since the development of the definition of a communicative strategy and tactics common to Chinese and European linguistics can make a significant contribution to the development of the linguo-pragmatic direction in Chinese and expand a range of comparative studies in non-closely related languages.

According to some works of Chinese researchers, it was possible to identify the following definitions of the communicative strategy and tactics and their classification.

Among Chinese linguists, the study of communicative strategies was carried out by Dai Weidong and Shu Dingfang. They define the communicative strategy as the following: a language communication includes two aspects of perception/understanding and expression. The mechanisms for processing a language perception and language expression in the human brain are different, so the communication strategies in expression and understanding will also be quite different [6].

Liu Xun believes that communicative strategies are planned measures or methods that learners consciously adopt in order to carry out any language communication activities smoothly (that is, understand the interlocutor's intention and express their own meaning) [7].

Zhou Xiaobing and Li Haiou believe that the communicative strategy is a psychological plan that reflects part of the communicative ability of language users, a potential conscious activity, and a compensation for the generative plan that the learner failed to implement [8].

In this paper, taking into account the existing approaches of local and Chinese linguists, the communicative strategy is understood as “a set of practical steps planned in advance and implemented in the course of a communicative act aimed at achieving a communicative goal” [9, p. 18], while the tactic is a way of speech influence, expressed in a set of linguistic means and, at the same time, a way to implement the strategy [10]. The strategic plan determines the choice of means and methods for its implementation, therefore, the speech strategy and tactics are related as a kind and a type [11].

Looking at strategies and tactics from the functional point of view, we have been able to identify the following set of strategies and tactics in Chinese and English news commentaries.

Thus, the analysis of 100 news commentaries from the Chinese newspaper “Guangming” and the British newspaper “The Guardian” made it possible to identify in the communicative space of the news commentary the implementation of the informative strategy, since one of the functions of the discursive genre under study is to inform the addressee about the news event that took place. To implement this strategy, the addresser uses **the tactic of referring to the source event**, which aims to inform the addressee about the original news which has recently taken place and, in the opinion of the author of the news commentary, needs commenting. Let’s consider the following examples from the Chinese press: ‘5月6日, 教育部发布2023年中小学教学用书目录的通知, <...>. 通知明确提出 <...>. 其实算不上什么新规. 过去几年, 教育部发布的相关通知中一再重申了这一原则, 广告法》中也明确要求 <...>. 可以说, 这应该成为教材出版行业不言自明的常识 <...>’ [12]. / *On May 6, the Ministry of Education issued a notice on the 2023 catalog of teaching books for primary and secondary schools, <...>. The notice clearly stated that <...>. In fact, this is not a new rule. In the past few years, relevant notices issued by the Ministry of Education have repeatedly reiterated this principle. The Advertising Law also clearly requires that <...>. It can be said that this should become a self-evident common sense <...>.*

This tactic in the Chinese news commentary is commonly verbalized with the use of the verbs of information (*issue, state*) in combination with proper and common nouns that name organizations and documents (*the Ministry of Education; The Advertising Law*) that have connection with the news event.

The following examples of verbalization of the tactic of referring to the source event can be found in the English news commentary “An image that should never have been published, and lessons that must be learned”: ‘*Last Saturday the Guardian apologised for and removed from its website a cartoon about the resignation of the BBC’s chairman, Richard Sharp, that had been published in that day’s newspaper and online from the night before. Among the 80 readers who – at the time of writing – have directly complained <...>, one echoed the remarks <...>’* [13].

Here the verbs of information, action and speech (*apologise, remove, publish, complain, echo, say*) are actively used in combination with proper names (*the Guardian, the BBC, Richard Sharp*) as well as common nouns that name

administrative institutions, organizations, etc., connected with the news event, and mentioned in the news commentary. Their use in Chinese and English is aimed at providing the addressee with the most detailed information on the participants of the news.

In both language variants of news commentaries temporal, quantitative and geographical reference is also widely used, which aims to create the most complete picture of the previous news event. So, in the example from the Chinese press we see the following: ‘**这些天，你的社交媒体有没有被各种电影院里“随手拍”的电影照片、视频刷屏？近日，随着《灌篮高手》等影片热映，观众在电影院里掏出手机拍银幕的行为引发热议：“屏摄”是情怀，还是跟风？是分享，还是侵权？对此，影片方已发表声明呼吁“联合抵制盗录盗播行为”**’ [14]. /*These days, have your social media been flooded with “casual” movie photos and videos in various movie theaters? Recently, with the popularity of films such as “Slam Dunk”, the behavior of audiences taking out their mobile phones to shoot screens in movie theaters has sparked heated discussions: Is “screen shooting” sentimental, or following the trend? Is it sharing, or infringement? In this regard, the film side has issued a statement calling for “joint boycott of piracy and piracy”/.*

The English examples are: ‘*Technology writers are sadly (some gleefully) announcing the latest admission to the social media morgue: the formerly ascendant photo-sharing app BeReal.*

*The app had been a huge success, jumping from 1m to 20m users in just seven months. Central to its success was <...>. But its active daily users more than halved between October 2022 and March 2023, down from 20m to 6m. Its expected demise not only forces us <...>.*

*Released in 2020, BeReal prompts users at a random time each day to take one photo from their normal smartphone camera to capture their surroundings, and <...>’ [15].*

In Chinese and English news commentaries, we have found out that location, date, quantitative indicators are most commonly used to relate to a news event itself and/or other events which took place earlier in this place or closely related to the news event under study.

Further analysis of the tactical set involved in the implementation of the informative strategy made it possible to identify **the tactic of reviewing and analyzing previous news events** that formed the basis of the publication. This tactic is aimed at presenting a brief content of a news event that took place earlier, as well as its analysis.

Consider an example from the Chinese press: ‘**在智能手机和社交媒体普及后，有些观影者就把屏摄当成一种习惯性的行为反应。客观说，绝大多数人在观影时不自觉地拿起手机拍摄银幕画面 <...>，更与制作盗版无关。但是，这是一个观影伦理所遭遇的新挑战。因为随时随地拍摄、记录、分享，在今天已经成为一种群体性行为习惯。正是因为过于习惯和自然，观影活动中，很多人根本意识不到 <...>’ [14]. /*After the popularity of smartphones and***

*social media, some movie viewers regard screen shooting as a habitual behavioral reaction. Objectively speaking, the vast majority of people unconsciously pick up their mobile phones to take pictures <...>, and it has nothing to do with making pirated copies. However, this is a new challenge for movie viewing ethics. Because shooting, recording, and sharing anytime and anywhere has become a group behavior habit today. It is precisely because of being too accustomed and natural that many people do not realize that <...>.*

The review and analysis of a news event in Chinese is most often implemented at the syntactic level through reason clauses and concessive clauses marked by conjunctions and introductory words *because, however, objectively speaking, etc.* together with the verbs of opinion (*regard, think, realize*), viewpoint or commenting adverb (*objectively, unconsciously, deliberately, precisely, wrong*).

Let's consider the English examples:

*'Many users reported that <...>. Neither are probably common search terms; they're really anti-regulation marketing slogans.*

*As the president of the Brazilian Association of Digital Journalism (Ajour), I've seen the tech lobby get **more and more aggressive** in recent months. Tech giants have spent **a great deal of time** talking to all journalism associations – **including us – about their concerns**. After weighing **all their arguments, most media players**, <...>. That's when big tech started saying there would be **no more money** to give their journalism programs, **similar to what they told YouTube creators**.*

*The strong-arming is not only bad <...>. It has provided a chance for <...> – was led by **the same people** who led a fake news campaign to subvert election results.*

*This is not just a matter that should concern Brazilians. What is happening in **my country** is <...> how tech giants are prepared to be **more aggressive as dozens of countries – from Indonesia to Nigeria** – debate adopting greater tech regulation. **In Canada and Australia**, Facebook and Google went <...>.*

*Which is why it baffles me that <...>. **While American congressmen are threatening to block TikTok as a Chinese state agent, US companies are flexing their muscles in foreign democracies that only want a way out of the mess tech has created**' [16].*

In the English news commentaries, we see the verbalization of this tactic with the help of comparatives to show the changes that take place due to the news event (*more and more aggressive; similar to what they told YouTube creators; the same people*) and the opposition (*including us – about their concerns; in my country ... as dozens of countries – from Indonesia to Nigeria ... In Canada and Australia; While American congressmen are threatening to block TikTok as a Chinese state agent, US companies are flexing their muscles*) together with the verb of existence (*be*) and action (*act, type, happen, etc.*), personal pronouns that point at the analyzer (*I, my*) as well as quantifiers to show the scale of interest in the news (*Many users; a great deal of time; all their arguments; most media players; no more money*).

As we see from the examples, there are differences in verbalization of the tactic of reviewing and analyzing previous news events in Chinese and English news commentaries: the Chinese authors appeal more to reason and are straight in their analysis and review while English authors leave some space for thought and comparison, they are less straight in their analysis and review, they are more thought-provoking.

The informative strategy is also implemented through **the tactic of bringing the opinions** of other famous people, institutions, other news reporters, etc. which is most often implemented through references and various types of citations. This tact is aimed at providing the addressee with all possible facts and opinions related to the news event and give the possibility to make the analysis the deepest. Let's consider the following example from the Chinese press:

“‘*旅游法*’明确规定,旅行社不得以不合理的低价组织旅游活动,诱骗旅游者,并通过安排购物或者另行付费旅游项目获取回扣等不正当利益’ [17]. / *The “Tourism Law” clearly stipulates that travel agencies must not organize tourism activities at unreasonably low prices, deceive tourists, and obtain illegitimate benefits such as kickbacks by arranging shopping or paying for additional tourism items/.*

In Chinese news commentaries, quoting a point of view is also common. Legal terms are also directly quoted there. The citation is both direct and indirect. Such a mix allows to see the original idea of the author of the quotation as well as get the milder version of the quotation which was changed by the journalist.

Let's consider the example from “The Guardian”:

*‘Khan’s Pakistan Tehreek-e-Insaf party (PTI) called his arrest a “black day for our democracy and country”. Fawad Chaudhry, a PTI spokesperson, alleged Khan had been “abducted from court premises, scores of lawyers and general people have been tortured, Imran Khan has been whisked away by unknown people to an unknown location”. <...> Farooq warned that if they did not appear, he would summon both Khan and the prime minister, Sharif’ [18].*

The analysis shows that in English news commentaries the most common form of citation is the indirect one to demonstrate the results of the information analysis made by the addresser. Of course, this tactic is also used in the implementation of the strategy of persuasion when constructing arguments based on citation to prove a particular thesis. But in comparison with its use while augmenting, in the implementation of the tactic of bringing the opinions of other famous people, institutions, other news reporters, etc. the citation just stresses the informative side of the utterance.

Further analysis has shown that the news commentary in Chinese and English press is characterized by implementing **the strategy of influence**, whose aim is to change the addressee's opinion in the direction necessary for the addresser by persuading the reader to accept his point of view, as well as by influencing the emotional sphere of the information recipient. Thus, here we deal with two auxiliary strategies of influence – **the strategy of persuasion and the emotive strategy**, both of which have a set of tactics for their implementation.

According to the results of the study, in Chinese news commentaries the strategy of persuasion is implemented through **the tactic of argumentation** whose verbalization is made with the help of viewpoint or commenting adverbs, comparative constructions, modal verbs, and **the tactic of assessment**, which is aimed at emphasizing positive / negative information in the news commentary and is expressed explicitly through the use of evaluative vocabulary in order to enhance the persuasiveness of the addresser's statement with the help of adjectives with evaluative connotation, which contain evaluative semes in their meaning, or qualitative adjective, which allows not only to explicate the assessment, but also to express certain emotional nuances, like in the following example:

‘女性选择在哪个城市甚至更小的地理单元购房和落脚<...>.而当更多女性成为“户主”进而长居, 对一个城市来说意味着什么? 是“她经济”的新动力, 也是城市治理的新考验.

正如有学者指出, 过去的城市建设更多是围绕男性需求进行, 在对女性的包容度、便捷性和安全性方面尚有一定的改进空间. 面对走强的“她购房”需求<...>. 都需要多一些“她”视角<...>’ [19]. /Which city or even a smaller geographical unit women choose to buy a house <...>. And when more women become “heads of household” and live longer, what does it mean for a city? It is a new impetus for “her economy” and a new test for urban governance.

As some scholars have pointed out, urban construction in the past was more based on the needs of men, and there is still room for improvement in terms of tolerance, convenience and safety for women. In the face of the strong demand for “her to buy houses”, <...>, it is necessary to have more “her” perspectives, <...>./

The tactic of assessment is verbalized with the help of such lexemes with the evaluative meaning as *new, strong, necessary*.

It's also worth mentioning that in Chinese the tactic of assessment is often verbalized with the help of evaluative verbs, modal verbs, and adverbs of opinion or comment. It's not always clear from the context whose assessment it is, and here lies the difference with the English news commentaries in which the author of assessment is usually mentioned:

‘对于这种轻社交方式, 有人也表示担忧: 这样过度强调功能、停留于浅表层面的“快餐式社交”, 是不是意味着社交情感的降级? 对此, 笔者倒觉得不必过于担心. 首先, 拥有良好的亲密关系与生活中有无数个“搭子”并不矛盾. 比起时时刻刻同伴侣、朋友腻在一起, 深深浅浅、参差多态的社交网络反而能让人保持开放性, 看到更大的世界’ [20]. /Some people also expressed concern about this light social approach: Does this “fast-food social interaction” that overemphasizes functions and stays at the superficial level mean the downgrading of social emotions? In this regard, the author thinks there is no need to worry too much. First of all, having a good intimate relationship is not contradictory to having countless “partners” in your

life. Compared with being tired of being with partners and friends all the time, a deep and shallow, uneven social network can keep people open and see a bigger world/.

In the English news commentaries, the strategy of persuasion is implemented through the tactic of argumentation whose verbalization is made with the help of citation, verbs of persuasion, modal verbs and viewpoint or commenting adverbs, and the tactic of assessment is most often expressed through the use of evaluative vocabulary with the help of adjectives with evaluative connotation, or qualitative adjective. Let's consider the following example:

***In fact, the gas producers seemed positively pleased. That may be because <...>. The government avoided a fight but it could surely have raised billions more, which might have been redirected to other needs.***

*The stage-three tax cuts are <...> for the very wealthiest apparently shelved until after the next poll, if ever.*

***“In all our decisions, we seek to strike a considered, methodical balance,” Chalmers said as he presented his second budget – “between spending restraint to keep the pressure off inflation, while doing what we can to help people struggling to make ends meet.”*** [21].

In the example above the addresser uses language means and cites Australian Treasurer Jim Chalmers to persuade the addressee to think over and over again on the steps that the government has taken or should have taken.

The tactic of assessment is verbalized with the help of such lexemes with the evaluative meaning as *positively pleased; the very wealthiest; a considered, methodical balance*.

According to the results of further analysis, the emotive strategy is most often implemented through **the tactic of creation of the emotional background**. Let's consider the following example from the Chinese press in which we see the use of emotive-expressive lexemes (*love, friendship, emotions, emotional value, feel love, support, tolerance, strong relationship forces, restricted, more concerned, caring, inevitably, alone, etc.*) to implement the tactic. The use of questions and other stylistic devices are much less common than in English:

*“搭子文化”之所以流行，是因为它形成了对传统固定关系的补充。一般来说，亲情、爱情、友情是人类情感的三大支柱，人们在这些关系中获取情绪价值，感受爱、支持与包容。只是，在现代都市社会中，这些强关系力量的表达，往往会受到不少客观条件的限制。特别是对在大城市打拼的年轻人而言，父母更多是止于来自远方的关怀，朋友间见面动不动要“跨越大半个城市”，而爱情更是可遇不可求的事。很多时候，年轻人就难免会有落单的时刻，需要独自去做一些事* [20]. / *The reason why “dating culture” is popular is that it forms a supplement to the traditional fixed relationship. Generally speaking, family, love, and friendship are the three pillars of human emotions. People gain emotional value from these relationships and feel love, support, and tolerance.*

*However, in modern urban society, the expression of these strong relationship forces is often restricted by many objective conditions. Especially for young people who are working hard in big cities, parents are more concerned with caring from afar, and friends often have to “cross most of the city” when they meet, and love is something that can’t be met. Many times, young people will inevitably have moments when they are alone and need to do something alone/.*

In English news commentaries the tactic of creation of the emotional background is verbalized with the help of emotive-expressive lexemes, rhetorical questions, metaphors like in the following example:

*‘Just Stop Oil supporters knew this moment was coming. The Public Order Act, further restricting the right to **protest**, is <...>. The home secretary has been **stoking hatred and division** for months, and we at Just Stop Oil have become almost **immune** <...>. “**Eco-zealots**”? **Sure! Along with the entirety of the world’s climate scientists. Extremists?** Yes, if you think that acting out of **compassion** for those <...>’ [22].*

The emotional background involuntarily activates the processes of thinking, gives persuasiveness, brightness and liveliness to speech, causes and stimulates actions on the part of the addressee.

Thus, the communicative strategy both in Chinese and English can be seen as a set of practical steps planned in advance and implemented in the course of a communicative act through the choice of linguistic means and methods, expressed in a set of tactics which are chosen for achieving a communicative goal.

The tactical-strategic organization of the news commentary in Chinese and English press has the same features if we speak about the set of communicative strategies and tactics used in the genre under study (both main strategies – the informative strategy and the strategy of influence (represented by auxiliary strategy of persuasion and the emotive strategy) are widely used by the addresser; the strategies are implemented through the same set of tactics). On the other hand, the sets of language means used to verbalize *the tactic of referring to the source event, the tactic of reviewing and analyzing previous news events, the tactic of bringing the opinions, the tactic of argumentation, the tactic of assessment, the tactic of creation of the emotional background* differ in non-closely related languages, which can be explained by linguacultural peculiarities.

## REFERENCES

1. Goykhman, O. Ya. Speech communication: textbook / Ed. prof. O. Ya. Goykhman. – M. : INFRA-M, 2003. – 272 p.
2. Formanovskaya, N. P. Communicative-pragmatic aspects of units of communication / N. P. Formanovskaya. – Moscow : In-t of Rus. Lang., 1998. – 291 p.
3. Klyuev, E. V. Speech communication / E. V. Klyuev. – M. : PRIOR, 1998. – 224 p.

4. *Kashkin, V. B.* Introduction to the theory of communication: textbook / V. B. Kashkin. – Voronezh : VGTU Publishing House, 2000. – 175 p.
5. *Sorokina, I. V.* Information interest and features of its implementation in dialogue (on the material of the English-language artistic literature): dis. ... cand. philol. sciences: 10.02.04 / I. V. Sorokin. – Minsk, 1994. – 203 p.
6. *Dai, WD.* Modern Foreign Language Teaching – Theory, Practice and Methods / WD. Dai, DF. Shu. – Shanghai Foreign Language Education Press, 1996. – P. 78–81.
7. *Liu, X.* Introduction to Pedagogy of Chinese as a Foreign Language / X. Liu. – Beijing Language and Culture University Press, 2000. – 214 p.
8. *Zhou, XB.* The guidance of teaching Chinese for foreigners / XB. Zhou, HO. Li. – 2004. – 92 p.
9. *Klyuev, E.V.* Speech communication: the success of speech interaction / E. V. Klyuev. – M., 2002. – 314 p.
10. *Yaroslavtseva, A. E.* Communication strategies and tactics of the propaganda text and their stylistic representation / A. E. Yaroslavtseva. – M., 2004. – 176 p.
11. *Issers, O. S.* Communication strategies and tactics of Russian speech / O. S. Issers. – M. : LKI, 2008. – 288 p.
12. *Zhu, Ch.* We confirm that primary and secondary school textbooks should not be equipped with commercial advertising to keep textbooks clean / Ch. Zhu // Guangming [Electronic resource]. – Mode of access : [https://guancha.gmw.cn/zhuanlan/2023-05/08/content\\_36547943.htm](https://guancha.gmw.cn/zhuanlan/2023-05/08/content_36547943.htm). – Date of access : 08.05.2023.
13. *Ribbans, E.* An image that should never have been published, and lessons that must be learned / E. Ribbans // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/may/03/image-published-bbc-richard-sharp-guardian-cartoon-martin-rowson>. – Date of access : 03.05.2023.
14. *Zhu, Ch.* No screen photography is also a new kind of movie-watching ethic / Ch. Zhu // Guangming [Electronic resource]. – Mode of access : [https://guancha.gmw.cn/zhuanlan/2023-04/27/content\\_36527198.htm](https://guancha.gmw.cn/zhuanlan/2023-04/27/content_36527198.htm). – Date of access : 27.04.2023.
15. *Gerrard, Y.* BeReal is now in freefall. Why are new social media apps doomed to fail? / Y. Gerrard // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/may/04/bereal-instagram-social-media-apps-fail>. – Date of access : 04.05.2023.
16. *Viana, N.* Why is Google stonewalling regulation in Brazil? / N. Viana // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/may/09/us-tech-companies-regulations-brazil>. – Date of access : 09.05.2023.
17. *Yu. X.* Do you have to wait to be “slaughtered” if you sign up for a “low-cost tour group”? / X. Yu // Guangming [Electronic resource]. – Mode of access : [https://guancha.gmw.cn/2023-05/08/content\\_36547938.htm](https://guancha.gmw.cn/2023-05/08/content_36547938.htm). – Date of access : 08.05.2023.

18. *Baloch, Sh. M.* Pakistan internet cut as violence erupts after arrest of ex-PM Imran Khan / Sh. M. Baloch // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/world/2023/may/09/pakistan-former-pm-imran-khan-arrested-in-islamabad>. – Date of access : 09.05.2023.
19. *Lingbing, J.* “She buys a house” is strong, enlightening urban governance to open a new perspective / J. Lingbing // Guangming [Electronic resource]. – Mode of access : [https://guancha.gmw.cn/2023-05/11/content\\_36555284.htm](https://guancha.gmw.cn/2023-05/11/content_36555284.htm). – Date of access : 11.05.2023.
20. *Guanqing, R.* “Sikiko culture” is an honest expression of social needs / R. Guanqing // Guangming [Electronic resource]. – Mode of access : [https://guancha.gmw.cn/2023-05/12/content\\_36557399.htm](https://guancha.gmw.cn/2023-05/12/content_36557399.htm). – Date of access : 12.05.2023.
21. *Taylor, L.* Budget 2023: Hang in there, Labor tells hard-hit Australians. But will voters keep faith? / L. Taylor // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/australia-news/2023/may/09/budget-2023-hang-in-there-labor-tells-hard-hit-australians-but-will-voters-keep-faith>. – Date of access : 09.05.2023.
22. *Naldrett, Ch.* Budget 2023: Arrested for wearing a T-shirt? The coronation heralded a frightening slide towards authoritarianism / Ch. Naldrett // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/may/07/coronation-just-stop-oil-republic-activists-peaceful-protests>. – Date of access : 09.05.2023.

*Поступила в редакцию 18.05.2023*

**Рудько Татьяна Владимировна**  
аспирант кафедры славянских языков  
Минский государственный  
лингвистический университетг.  
г. Минск, Беларусь

**Tatsiana Rudzko**  
Postgraduate Student of the Department  
of Slavic Languages  
Minsk State Linguistic University  
Minsk, Belarus  
tsepa.tatsiana@gmail.com

## ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ СОБИРАТЕЛЬНОГО КОЛИЧЕСТВА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

### PECULIARITIES OF EXPRESSING THE COLLECTIVE AMOUNT IN THE BELARUSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Статья посвящена сопоставительному исследованию собирательных имен существительных, выступающих языковыми средствами выражения собирательного количества. Рассматриваются разные точки зрения на категориальную сущность собирательных имен существительных, приводятся их семантические группы и способы образования в белорусском и английском языках.

*К л ю ч е в ы е с л о в а: категория количества; множество; собирательные имена существительные; лексико-грамматический класс.*

The article is devoted to the comparative study of collective nouns, which act as a linguistic means of expressing a collective quantity. Different points of view on the categorical essence of collective nouns are considered, their semantic groups and ways of formation in the Belarusian and English languages are given.

*К e y w o r d s: category of quantity; plurality; collective nouns; a lexico-grammatical class.*

Категория количества является одной из универсальных языковых категорий, которая характеризуется тем, что выражается самыми разнообразными оттенками количественных значений. Представляя количественные значения как систему, мы можем выделить два противопоставленных друг другу значения количества: единичности и множественности. Множественность делится на микросистемы: определенное множество и неопределенное множество: неопределенно большое, неопределенно малое множества, собирательное множество. Особый интерес представляет собирательная множественность, или *собирательное количество*, а именно языковые средства его выражения.

Понятие собирательности изучалось исследователями в рамках разных подходов. С точки зрения логики О. Есперсен отмечал, что собирательное количество выражает единичность, с одной стороны, а множественность – с другой [1]. Собирательность можно рассматривать как единичные понятия, которые мыслятся не просто как индивидуальный предмет, а как такой, который состоит из совокупности предметов, образующих некоторое единство [2]. Связь собирательности с количеством заключается в том, что собирательность – это «множество, мыслимое как единица» [3]. Свойства

этого множества как целого являются свойствами единичного как его части. Собирательное множество является именовано-качественным и качественно-количественным, которое понимается как не просто множество, а как особая индивидуальность [4].

Собирательное количество получает свое выражение в языке с помощью собирательных имен существительных. Их история изучения в лингвистике достаточно обширная, и в русскоязычной и белорусскоязычной литературе можно проследить несколько подходов. Так, некоторые исследователи, пытаясь обосновать грамматическую природу собирательности, интерпретировали ее как грамматическую категорию, которая выражает лишь «количественные отношения» (Л. И. Фролова, 1950; Ф. М. Березин, 1979; Б. Н. Головин, 1979; А. А. Колесников, 1974). Они противопоставляли грамматические формы (*пролетариат, духовенство; братва, інжэнерства*) собирательности и ее лексикализованные формы (*стадо, толпа; сям'я, натоўп, народ*), считая первые формами лишь грамматического характера, которые стоят в одном ряду с формами множественного числа и являются их разновидностью [5]. На их взгляд, такие формы, как, например, *студенты* и *студенчество*, представлялись однозначными. Тем не менее разница между собирательными именами и формами множественного числа присутствует, поскольку форма категории числа является словоизменяющей, а форма категории собирательности – словообразовательной [6]. И хотя в денотате собирательные имена выражают множество, в сигнификате представлено единство.

Некоторые исследователи придерживаются мнения о том, собирательность маркируется определенными словообразовательными формантами как внешними выразителями категорий. Л. В. Щерба, например, считал такими выразителями суффиксы: *воинство, генералитет, беднота* [7]. Основываясь на идее Л. В. Щербы о наличии формально-грамматических признаков собирательных имен, некоторые ученые рассматривают собирательность как лексико-грамматическую категорию (Л. В. Щерба, 1957; Н. М. Шанский, 1972; Г. И. Миськевич, 1970; Е. Н. Прокопович, 1966; А. А. Реформаторский, 1987; Н. К. Демьяненко, 1972; Е. М. Галкина-Федорук, 1964). Имена считаются собирательными в зависимости от того, обладают ли они конкретным набором семантических, грамматических и словообразовательных признаков.

Ряд лингвистов при установлении границ собирательности за определяющий критерий берут лексико-семантический (И. Э. Еселевич, 1979; Л. М. Навозова, 1985; З. И. Котова, 1964; Г. Я. Томилина, 1972; Г. А. Меновщиков, 1970; В. В. Виноградов, 1990; В. И. Дегтярев, 1982). Ориентируясь на логико-понятийное содержание собирательных имен, а именно выражение совокупности предметов, мыслимых как единство, а не способы выражения собирательности, они объединяют в одну группу такие имена, как *начальство, братия, молодежь; духавенства, настаўніцтва, гасціна*, так и *мебель, армия, рой, полк; бригада, статак, згряя*.

Еще одним подходом к определению собирательных имен является оценочный. Его приверженцы считают, что представление дискретных объектов с помощью собирательных имен для именованья «сплошной массы» осуществляется лишь для того, чтобы передать оценочные значения, но не денотативные (Д. И. Руденко, 1989; Г. И. Панова, 2001). К собирательным они относят не только слова, выражающие совокупность объектов, но и слова, дающие оценку этой совокупности: *офицерство* имеет оценку «важно», *офицерня* несет оценку «плохо», *вишенье* – оценку «много».

В англоязычной литературе образовалось два течения: the Singularists и the Pluralists. Согласно the Pluralists, собирательные существительные выражают *pluralities* ‘множественность’ (С. Linkian, 1991; А. Munn, 1998; Р. Elborune, 1999). Приводимые аргументы заключались в возможности собирательных существительных согласовываться с предикатом во множественном числе. The Singularists (С. Barker, 1992; F. Landman, 1989; R. Schwarzshild, 1996) придерживались идеи, что собирательные существительные имеют *atomic denotation*. Предполагается, что имена собирательные – это атомы (элементы онтологии, в которых отсутствуют собственные части, внутренняя структура), а выражаемая ими совокупность воспринимается как отдельная онтологическая единица [8].

Помимо the Singularists и the Pluralists, подходя к изучению собирательности с грамматической точки зрения, отдельные лингвисты включают в собирательные имена лишь те, которые имеют неполную парадигму числа (только ед. ч. или мн. ч.), а существительные типа *group, team, covey* относятся к так называемым индивидуальным собирательным существительным как промежуточному классу (Е. Kruisinga, 1945). Некоторые исследователи выделяли два класса собирательных существительных: *committee nouns* и *collection nouns*, каждый из которых отличается семантически друг от друга. *Committee nouns* характеризуются полной парадигмой числа, согласовываются с предикатом в ед. и мн. ч.: *army, family, company, crew*. *Collective nouns* имеют форму ед. числа, согласуются с предикатом в ед. числе и выражают единое целое: *baggage, cutlery, nobility, motherhood* (Н. Pearson, 2011).

В более современных пособиях по грамматике английского языка лингвистами отмечается следующая интерпретация собирательных существительных (*collective nouns or group nouns*): 1) к собирательным относятся существительные, соотносимые с отдельной совокупностью индивидуальных объектов, которые, находясь в форме ед. числа, могут согласовываться с глаголом во мн. или ед. числе: *audience, army, family, herd*; 2) в собирательность включается любое существительное, соотносимое с совокупностью, которое согласуется с предикатом во мн. числе: *cattle, clergy, police*; 3) существительные являются собирательными, если они образованы при помощи определенных суффиксов, например, *machinery, aristocracy, brotherhood, baggage*, и др.; 4) некоторые *plurale tantum*: *belongings, savings, clothes* (The Oxford dictionary of Grammar, 2014; The Oxford English grammar, 1996; The Cambridge Grammar of the English Language, 2002).

Рассмотрев разные подходы к изучению собирательности, можно отметить, что определить границы и объем данного понятия достаточно затруднительно. Проблема заключается в сложности семантической интерпретации собирательных имен и их классификации. До сих пор нет единого понимания в этом вопросе среди лингвистов, что, в свою очередь, ставит задачу в продолжении изучения собирательности и попытке представить свою семантическую интерпретацию собирательных имен и осуществить их классификацию по выявленным дифференциальным признакам в белорусском и английском языках. За ключевой критерий при определении границ собирательного количества в данном исследовании берется лексико-семантический, при котором ориентация осуществляется, в первую очередь, на логико-понятийное содержание собирательных имен.

В данном исследовании выделяются две группы языковых средств выражения собирательного количества в белорусском и английском языках: *собственно собирательные* и *собирательные* имена существительные, или, иными словами, существительные со значением собирательности. Собственно собирательные имена существительные – это те, которые относятся к одноименному лексико-грамматическому разряду. При их описании как лексико-грамматического разряда мы должны ориентироваться на некоторые критерии: морфологический, словообразовательный, синтаксический, семантический. Согласно морфологическому критерию к собственно собирательным существительным в белорусском языке относятся существительные с неполной парадигмой числа (только форма ед. ч.): *інжынерыя, баярычына, брація, ваеншчына, люд, радня, матрасня, баб'ё*. Значение единственного числа здесь определяется значением единства, неделимости обозначаемого. В английском языке к собственно собирательным именам относятся слова, имеющие либо только форму ед. ч., либо только форму мн. ч.: *luggage, cutlery, brethren, nobility, inspectorate; gentry, cattle, clergy*. Синтаксический критерий в белорусском языке означает, что изучаемые существительные согласуются с предикатом в единственном числе. В английском языке согласование зависит от того, форму какого числа имеет собственно собирательное существительное. В качестве дополнительного критерия можно считать словообразовательный, а именно морфемные показатели существительных, чаще всего такими показателями являются суффиксы: *пралетарыят, басатва, галытва, сялянства, ваеншчына, радня, малеча, дзетвара, камарэча, бульбоўнік, бялізна, садавіна, драбната, маладняк, звяр'ё, кліентура;* *machinery, aristocracy, brotherhood, gangsterdom, officialdom, baggage, coinage, fruitage, cupful, readership*. Согласно семантическому критерию значение собственно собирательных существительных – это множество однородных объектов, мыслимое как совокупность составляющих их элементов. Важный момент заключается в том, что выражаемая совокупность должна состоять из однородных объектов, т. е. собирательные имена должны соотноситься с однокоренными названиями объектов и обозначать совокупность одинаковых единиц:

*бульбоўнік – бульба, clientage – client*. Более того, большая часть собственно собирательных существительных однозначна и семантически непроизводная. В данном исследовании было рассмотрено 181 (52 %) собственно собирательных существительных в белорусском языке и 101 (31 %) собственно собирательных существительных в английском языке.

Семантический критерий берется за основу в определении собирательных имен существительных, или имен существительных со значением собирательности. В данную группу включаются существительные со значением совокупности однородных или разнородных предметов, мыслимых как единство: *оптыка, аўдыторыя, калегія, кампанія, свет, эліта, накаленне, народ, дыпламатыя; syndicate, firm, orchestra, ensemble, band, cast, board, ring, department, public, audience, faculty, staff*. Большинство таких слов являются полисемантическими, следовательно, рассматриваются отдельные ЛСВ, а не все многозначное слово. Многие из таких собирательных имен существительных являются собирательно-конкретными, поскольку совмещают в себе свойства и тех, и других: *брыгада, кампанія, круг, полк, армія, батальён, зборышча, партыя, чарада, згряя, гурт; group, family, committee, army, crowd, party, crew, team, herd, drove, flock, colony*. Как и собирательные, они обозначают совокупность объектов в количестве и являются грамматически неодушевленными. Как и конкретные, они имеют полную парадигму числа и сочетаются с числительными. Они также занимают промежуточное место между собирательными именами и неопределенно-счетными словами, так как сами используются как единицы измерения, но неразрывно связаны с представлением о совокупности. Еще одним отличием от собственно собирательных существительных является то, что собственно собирательные имена существительные должны обозначать такую совокупность объектов, которая приобретает новое качество, отличающее от других совокупностей, то есть это качественное количество. А «ментальный образ» слов типа *брыгада, кампанія, армія; group, committee, арту* заключается в том, что они характеризуют совокупность лишь количественно. Было рассмотрено 163 (47 %) собирательных существительных в белорусском языке и 221 (68 %) собирательных существительных – в английском.

Такие отличия в полученных данных могут быть объяснены структуральными особенностями английского языка. Более того, значительному количеству собирательных имен существительных в белорусском языке соответствуют формы множественного числа существительных английского языка (например, *прафесура – professors, радня – relatives*, др.), словосочетания (*жыўнасць – living creatures*) либо конверсия (*натомства – the offspring, ваеншчына – the military*). Стоит отметить, что некоторые имена существительные английского языка со словообразовательными формантами собирательности не рассматривались, поскольку они не приобретают значения собирательного количества: *sisterhood – the affection and loyalty that women feel for other women, peonage – the service of a peon*.

Расчленение значений собственно собирательных и собирательных имен существительных на семы позволит не только установить объем и границы данной группы, но и выделить подгруппы внутри нее. Для определения структуры лексико-семантической группы имен собирательных используется лексикографический подход, подразумевающий, что на заранее заданный стимул из лексикографических источников извлекаются слова, отвечающие этому стимулу наиболее полно. Отнесение языковых единиц к группе основывается на сходстве их семантической структуры, а именно наличии общей интегральной семы или идентифицирующей формулы [9, с. 17–20]. Такими идентифицирующими семами являются: совокупность, множество, группа. В случае собственно собирательных имен существительных учитывались также их формальные признаки собирательности. Всю систему средств выражения собирательного множества можно разделить на четыре основные семантические группы: 1) совокупность людей – 219 единиц (далее ЕД) (63 %) в белорусском языке, 207 ЕД (64 %) в английском языке, 2) совокупность животных – 33 ЕД (9 %) в белорусском языке, 48 ЕД (15 %) в английском языке, 3) совокупность растений – 57 ЕД (16 %) в белорусском языке, 23 ЕД (7 %) в английском языке, 4) совокупность предметов – 35 ЕД (10 %) в белорусском языке, 44 ЕД (14 %) в английском языке. В зависимости от дифференциальных сем можно выделить несколько подгрупп внутри каждой группы. В группе «совокупность людей» выделяются такие подгруппы, как совокупность людей, связанных профессиональными отношениями: *рэжысура, прэса; ministry, body, shift*; совокупность людей, которые представляют собой административный орган; должностные лица организации: *кіраўніцтва, калегія, бюракратыя; management, board, authorities*; совокупность людей, связанных общими интересами, совместной деятельностью: *брацця, гурток; sorority, circle*; совокупность людей, находящихся вместе с какой-то целью, представляющих собой собрание людей в одном месте: *гасціна; assembly*; совокупность людей, связанных своей принадлежностью к определенным военным подразделениям: *салдатня, дружына, патруль; infantry, brigade, detachment*; совокупность людей, связанных общностью социального статуса: *інтэлігенцыя; галыцьба; gentry; peasantry*; совокупность людей, связанных родственными отношениями: *сям'я; in-laws*; совокупность людей, связанных общностью возраста: *дзятва; youth*; совокупность людей, представляющих собой неорганизованное, беспорядочное скопление людей: *натоўп; mob*; совокупность людей, расположенных или следующих друг за другом: *шэсце; cavalcade*; совокупность людей, связанных с исторически сложившимися условиями их возникновения: *народ; colony*; совокупность людей, связанных социальными отношениями: *грамадзянства; community*; совокупность людей, связанных политическими отношениями: *фракцыя; government*. Самыми разработанными подгруппами в обоих языках являются: совокупность людей, связанных профессиональными отношениями (37 ЕД в белорусском языке,

27 ЕД в английском языке), совокупность людей с общими интересами (21 ЕД в белорусском языке, 28 ЕД в английском языке), совокупность людей как военное подразделение (36 ЕД в белорусском языке, 25 ЕД в английском языке). Самыми неразработанными подгруппами в белорусском языке являются: совокупность людей по возрасту – 7 ЕД, по социальным отношениям – 8 ЕД, по политическим отношениям – 4 ЕД. В английском языке такими являются следующие: совокупность людей как административный орган – 7 ЕД, по возрасту – 1 ЕД, по политическим отношениям – 4 ЕД.

Существительные, обозначающие совокупность животных, можно разделить на три подгруппы: совокупность животных без указания на конкретный характер (*дзічына; жыўнасць; livestock, drove*); совокупность животных одного вида (*груганьне, птаства; flight, school*); потомство животных (*вывадак; litter*). Самой разработанной группой в белорусском языке является совокупность животных в целом – 16 ЕД, самой неразработанной – потомство животных, составляющая 2 ЕД. В английском языке самой многочисленной подгруппой является совокупность животных одного вида – 24 ЕД, самой немногочисленной – совокупность животных в целом – 10 ЕД.

Совокупность растений также можно разделить на несколько подгрупп: совокупность растений без указания на конкретный характер (*расліннасць; vegetation*); совокупность листьев, сучков, корней и т.п. (*зеляніва; foliage*); совокупность густо разросшихся растений (*купа; thicket*); совокупность мелколесных растений (*хмызняк; underbrush*); совокупность разновидностей растений (*дубняк; birch-wood*). Больше всего в белорусском языке представлена совокупность разновидностей растений – 25 ЕД, меньше всего – совокупность растений в целом, содержащая 3 ЕД. В английском языке совокупность густо разросшихся растений является самой многочисленной – 7 ЕД, а совокупности растений в целом и разновидностей растений представлены меньше всего – 3 и 5 ЕД соответственно.

Совокупность предметов можно разделить на подгруппы: совокупность предметов, связанных между собой (14 ЕД в белорусском языке, 12 ЕД в английском языке) – *вязка; bundle*; совокупность беспорядочно расположенных предметов (11 ЕД в белорусском языке, 17 ЕД в английском языке) – *сумесь; heap*; названия комплектов предметов – *камплэкт; set* (10 ЕД в белорусском языке, 12 ЕД в английском языке). Как можно наблюдать, представленность совокупности предметов относительно одинакова в обоих языках.

Таким образом, можно заключить, что собирательное количество обозначает какое-либо множество объектов, мыслимое как совокупность составляющих их элементов, и выражается в языке с помощью собирательных существительных. Анализ литературы по собирательным существительным позволил сделать вывод, что выделяются два основных подхода к изучению собирательности: узкий и широкий. В узком (морфологическом) понимании к собирательности относятся существительные, называющие совокупность однородных объектов, имеющие неполную парадигму числа

(только форму ед. числа) и передающие значение собирательности при помощи словообразовательных суффиксов. В широком (семантическом) понимании в собирательность включаются слова, выражающие совокупность объектов как словообразовательно, так и лексически. С опорой на опыт других исследователей была сделана попытка определить границы собирательности в белорусском и английском языках и выявлено, что собирательное количество может выражаться при помощи собственно собирательных и собирательных имен существительных, где собственно собирательные существительные – имена, принадлежащие к лексико-грамматическому разряду собирательных существительных с неполной парадигмой числа и словообразовательными показателями, а собирательные существительные – слова, содержащие в себе значение совокупности. Результаты количественного подсчета материала показывают, что в белорусском языке собирательное количество представлено, по большей части, собственно собирательными существительными (181 ЕД, 52 %), а в английском языке – собирательными существительными (101 ЕД, 31 %). Также, проведя семантическую классификацию отобранного материала, можно заключить, что в обоих языках самой представленной группой является совокупность лиц: 219 ЕД (63 %) в белорусском языке, 207 ЕД (64 %) в английском языке.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Есперсен, О.* Философия грамматики / О. Есперсен. – М., 1958. – С. 225–226.
2. *Асмус, В. Ф.* Логика / В. Ф. Асмус. – М., 1947. – С. 37–46.
3. *Потебня, А. А.* Из записок по русской грамматике : в 4 т. / А. А. Потебня. – М., 1958. – Т. 3. – С. 25–26.
4. *Холодович, А. А.* Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке / А. А. Холодович // Проблемы грамматической теории / А. А. Холодович ; редкол. : И. Ф. Вардуль, В. С. Храковский (отв. ред.), С. Е. Яхонтов. – Л., 1979. – С. 173–195.
5. *Фролова, Л. И.* Категория собирательности имен существительных в русском языке : автореф. дис ... канд. филол. наук / Л. И. Фролова. – Л., 1950. – 26 с.
6. *Виноградов, В. А.* Собирательности категория / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 473.
7. *Щерба, Л. В.* О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 63–70.
8. *Barker, C.* Group terms in English: representing groups as atoms / C. Barker // *Journal of Semantics*. – 1992, № 9. – P. 69–93.
9. *Романовская, А. А.* Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т, 2013. – 132 с.

Поступила в редакцию 07.06.2023

**Сажина Елена Владимировна**  
кандидат филологических наук, доцент,  
декан факультета иностранных языков  
Гомельский государственный  
университет имени Франциска Скорины  
г. Гомель, Беларусь

**Alena Sazhyna**  
PhD in Philology, Associate Professor,  
Dean of the Faculty of Foreign Languages  
Francisk Skorina Gomel State University  
Gomel, Belarus  
sazhina@gsu.by

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ  
ПОЛЕМИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ДИСКУРСА ПЕЧАТНЫХ СМИ  
(на материале неблизкородственных языков)

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC FEATURES OF THE POLEMIC  
COMPONENT OF THE DISCOURSE OF THE PRINT MEDIA  
(in non-closely related languages)

В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические признаки полеми-ческого компонента русскоязычного и англоязычного дискурса печатных СМИ, уста-навливается набор языковых средств, участвующих в процессе их вербализации. Определяется индекс выразительности полемиического компонента исследуемого дискурса на примере жанров очерка и проблемной статьи.

Ключевые слова: *полемика; полемический дискурс печатных СМИ; полеми-ческий жанр; полемический компонент; индекс выразительности.*

The article deals with the communicative-pragmatic features of the polemic component of the Russian and English discourse of the print media, a set of linguistic means involved in the process of their verbalization has been identified. The index of expressiveness of the polemic component of the discourse under study is determined on the example of the genres of the essay and the problem article.

Key words: *polemics; polemic discourse of print media; polemic genre; polemic component; index of expressiveness.*

Полемическая коммуникация, пронизывающая практически все сферы нашей жизни, всегда привлекала внимание исследователей своей неодно-родной природой, что доказывается многочисленными трактовками данного явления представителями различных лингвистических направлений, включая дискурс-анализ.

Так, А. И. Уделькина под полемическим дискурсом понимает «процесс субъективного информирования значительной части разнородной аудитории, включающий возможность реализации ответной реакции. В силу инвари-антности факта и существования самых различных его интерпретаций фор-мируется читательский отклик [1, с. 230]. Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова определяют полемический дискурс как сложную вербальную речемысле-тельную деятельность, направленную не только на демонстрацию своей позиции, но и на опровержение точки зрения оппонента [2]. Присоединяется к авторам и В. И. Иванова, которая к компонентам полемиического дискурса

относит «адресованность (наличие вектора направленности), оценочность (критичное суждение о мнении оппонента), интенциональность (стремление каждого коммуниканта к отстаиванию своей точки зрения), аргументативность (обоснование своей/опровержение противоположной точки зрения посредством аргументации)» [3, с. 35]. Однако, как мы видим, перечисляются характеристики, которые применимы ко многим типам дискурса, и отсутствуют признаки, на основании которых можно было бы получить максимально четкое представление о полемическом дискурсе, его структуре и прагматике и других отличительных характеристиках, которые бы позволили исследователям проводить четкую идентификацию полемического дискурса печатных СМИ среди ему подобных.

Более четким представляется определение полемического дискурса Б. С. Жумаголовой, которая трактует его «как сложное коммуникативное явление, в основе которого лежит взаимодействие субъектов в вербальной борьбе при обсуждении вопроса, требующего определения четкой позиции по отношению к нему» [4, с. 145]. Автор отмечает, что «полемический дискурс имеет свои специфические компоненты, которые образуют иерархически организованные уровни: уровень 1 включает адресность, оценочность, наличие противоположного мнения, готовность отстаивать свою позицию; уровень 2 – интенциональность, установку, аргументативность, агональность; уровень 3 – межсубъектный, событийно-ситуативный, ролевой, возрастной, сферу функционирования, тематический, функционально-стилистический, языковой, жанровый компоненты» [4, с. 145]. Однако, по нашему мнению, представленный вариант определения полемического дискурса обходит вниманием один из главных критериев отнесения его к полемическому типу – жанровый, опираясь лишь на деление жанров на диалогические и монологические.

В настоящем исследовании изучается полемический дискурс печатных СМИ как один из институциональных типов дискурса, чье когнитивно-коммуникативное пространство представлено совокупностью связанных текстов, высказываний участников в некоторой полемической ситуации, объединенных концептом «проблема», чья коммуникативная цель заключается в поиске решения актуальной социально-экономической, политической, экологической и т.д. проблемы через противопоставление различных точек зрения. Полемический дискурс включает тексты полемических жанров, напечатанные в прессе и/или Интернете, а также ряд публикаций других журналистов и/или откликов читателей на них и на другие отклики читателей, появившиеся в этих же средствах массовой информации. Каждый текст полемического жанра характеризуется наличием в нем полемического компонента, для которого характерны *структурно-композиционные*, *когнитивно-семантические* и *коммуникативно-прагматические* признаки, вербализующиеся посредством определенных языковых средств и обладающие индексом плотности, индексом интенсивности и индексом выразительности. В зависимости от среднего арифметического трех индексов

указанных признаков полемический дискурс печатных СМИ делится на высокоинтенсивный (ядро), среднеинтенсивный (ближняя периферия) и низкоинтенсивный (дальняя периферия), каждый из которых представлен определенным набором жанров печатной прессы.

Целью настоящей статьи является рассмотрение одного из признаков полемического компонента дискурса печатных СМИ – коммуникативно-прагматического, особенностей его языковой репрезентации на материале русского и английского языков, что позволит выявить специфику вербализации полемического компонента в определенных жанрах печатных СМИ и, соответственно, установить степень их участия в формировании полевой структуры исследуемого дискурса.

При выявлении коммуникативно-прагматических признаков полемического компонента дискурса печатных СМИ мы исходим из положения о том, что полемический дискурс одной стороной обращен к определенной прагматической ситуации [5]; другой – к ментальным процессам участников коммуникативного процесса [6]. Прагматическая направленность коммуникации наиболее ярко выражается в полемическом дискурсе печатных СМИ, поскольку полемика, основывающаяся на различиях взглядов, мнений коммуникантов, является продуктом сложной речемыслительной деятельности, которая сопряжена с необходимостью не только высказать и обосновать свою точку зрения, но и опровергнуть позицию противника.

К языковым средствам выражения полемического смысла в исследуемом дискурсе принадлежат в первую очередь лексические единицы с семантикой несогласия, неистинности, противопоставления, маркеры отрицания, лингвостилистические единицы со значением противопоставления, лексические единицы с семантикой негативной оценки, а также специальные стилистические приемы и средства полемической изобразительности (ирония и т.д.), включающиеся в контрастный способ построения предложений в тексте. Указанные языковые средства в структурно-композиционном блоке полемического компонента исследуемого дискурса также имеют определенный индекс – *индекс выразительности*, который рассчитывается по следующей формуле:  $E_{xpr} = n_{expr}m : n_{sent}$ , где  $E_{xpr}$  – индекс выразительности,  $n_{expr}m$  – количество языковых средств выражения полемического смысла,  $n_{sent}$  – количество предложений в полемическом компоненте исследуемого дискурса. Таким образом, чем больше количество языковых средств выражения полемического смысла, тем выше индекс выразительности коммуникативно-прагматического признака полемического компонента дискурса, что позволяет отнести тексты тех или иных жанров к ядру, ближней и дальней периферии полемического дискурса печатных СМИ. Обратимся к анализу практического материала, чтобы на примерах текстов нескольких жанров печатных СМИ (30 очерков и 30 проблемных статей) рассчитать индекс выразительности коммуникативно-прагматического признака полемического компонента исследуемого дискурса.

Так, анализ очерка «Теракт со многими отягчающими» из белорусской газеты «СБ. Беларусь сегодня» показал, что в его структуре можно выделить 11 структурно-композиционных блоков полемикального компонента: 2 блока «постановка проблемы» и по 3 блока таких типов, как «оценочный блок», «комментарий» и «мнение». Например:

*Главная версия следствия – украинский след (постановка проблемы). Хотя почему украинский? Киевского режима, а он далеко не весь украинский народ (оценка). Сейчас в России, и у нас, кстати, также и в Китае много рассуждений о том, что <...>. Но ведь началось это не вдруг. Были уже и убийство <...>. А сколько предотвращенных терактов! (оценка) Вспомнить хотя бы попытку покушения на предпринимателя и общественного деятеля Константина Малофеева. Или же историю почти годичной давности <...> (комментарий).*

*Кто-то может сказать, мол, началось все вместе со специальной военной операцией. Ничего подобного! (мнение) Всем памятно убийства <...>. Их именами печальный список не исчерпывается (оценка) [7].*

В данном примере (приводится в сокращенном виде) на лексическом уровне мы можем выделить следующие 7 единиц-носителей полемикального смысла с семантикой негативной оценки: *террорист, убийство, террористический, теракт, покушение, печальный*. К ним также добавляются 16 лексических единиц с семантикой несогласия, неистинности, противопоставления, маркеры отрицания: *не весь, не вдруг, ничего, не исчерпывается* и т.д., 1 фразеологизм *наводит тень на плетень*.

На грамматическом уровне вопросительные предложения в количестве 6 единиц и восклицательные предложения в количестве 3 единиц создают полемикальный контекст и входят в структурно-композиционные блоки полемикального компонента дискурса печатных СМИ. 21 раз автором используется контрастный способ построения предложений в тексте (например: *Главная версия следствия – украинский след. Хотя почему украинский? Киевского режима, а он далеко не весь украинский народ*) [7].

Таким образом, в тексте очерка «Теракт со многими отягчающими» всего встречается 54 случая вербализации полемикального смысла. Всего полемикальный компонент насчитывает 39 предложений. По формуле  $E_{pr} = \frac{p}{n} \cdot 100$  мы производим расчеты и получаем индекс выразительности равный 1,38.

Далее мы проанализировали проблемную статью из белорусской газеты «СБ. Беларусь сегодня» под названием «Санкционной атакой на российский атомный сектор Германия стремится вернуть себе конкурентоспособность», в которой было выделено 5 блоков «постановка проблемы», 13 оценочных блоков и по 9 блоков «комментарий» и «мнение». Как мы видим по структурно-композиционным признакам, полемикальный компонент проблемной статьи отличается своим количественным составом от полемикального компонента очерка. Рассмотрим следующий пример из анализируемой статьи, посвященной санкционной атаке на атомный сектор России:

*Санкционной атакой на российский атомный сектор Германия стремится вернуть себе конкурентоспособность (постановка проблемы). Чисто экономический сюжет (оценка). Дорогая энергетика победила в Германии: <...> (постановка проблемы). Германия – богатая страна. Может себе позволить дорогие вольности зеленой догматики. Другой вопрос, сможет ли она сохранить былую конкурентоспособность? В фрагментарной мировой экономике, в которой каждый регион живет по своим правилам, исходя из здравого смысла, а не каких-то идей, подыгрывающих западному миру?! (оценка) Большинство-то государств смотрит с обоснованной надеждой на АЭС, понимая, что <...>. И за счет дешевой атомной энергии третий мир может <...>. Недаром накануне министр экономики и окружающей среды Роберт Хабек призвал <...>. Одна история – надавить на Москву (комментарий). Но, как кажется, есть и другая, более глобальная цель – притормозить развитие ядерной энергетике в различных регионах (мнение)» [8].*

Анализ указанных блоков полемического компонента проблемной статьи позволил выделить в их составе следующие языковые единицы, наполненные полемическим смыслом.

На лексическом уровне единицы, выражающие полемический смысл, представлены лексемами с семантикой негативной оценки: *санкционная атака, давление, притормозить* и др. Также адресант активно использует прием иронии для создания полемического контекста: *В фрагментарной мировой экономике, в которой каждый регион живет по своим правилам, исходя из здравого смысла, а не каких-то идей, подыгрывающих западному миру?!; Большинство-то государств смотрит с обоснованной надеждой на АЭС, понимая, что ...* [8].

На грамматическом уровне вопросительные и восклицательные предложения создают полемический контекст и входят в структурно-композиционные блоки полемического компонента дискурса печатных СМИ. Автором также активно используется контрастный способ построения предложений в тексте, например: *Германия – богатая страна. Может себе позволить дорогие вольности зеленой догматики. Другой вопрос, сможет ли она сохранить былую конкурентоспособность?; Одна история – надавить на Москву. Но, как кажется, есть и другая, более глобальная цель – притормозить развитие ядерной энергетике в различных регионах* [8].

Как показал статистический анализ, всего в структурно-композиционных блоках полемического компонента проблемной статьи было выделено 159 случаев вербализации полемического смысла. Применяв формулу для расчета индекса выразительности коммуникативно-прагматических признаков полемического компонента анализируемого жанра, мы получили число 2,24, что значительно превышает индекс выразительности очерка.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что жанр проблемной статьи формирует ядро полемического дискурса белорусских печатных СМИ, в то время как очерк относится к ближней периферии.

Для дальнейшего контрастивного анализа мы обратились к очеркам и проблемным статьям из британской газеты “The Guardian” с целью установления индекса выразительности полемического компонента в текстах указанных жанров. Так, в очерке “Ali died days before he could challenge BP’s CEO on the dangers of gas flaring. Don’t let his death be in vain” было обнаружено 12 структурно-композиционных блоков полемического компонента, из которых 4 – постановка проблемы, 2 – оценка, 5 – комментарий и 1 – мнение:

*Ali died days before he could challenge BP’s CEO on the dangers of gas flaring. Don’t let his death be in vain* (постановка проблемы). <...> *Ali Hussein Jaloud, <...>, was meant to ask a question at the company’s annual shareholder meeting today. He was going to challenge the CEO on why his company continues to poison <...>. But, just a few days ago, Ali died <...>. His grieving father will ask why BP did not use <...>* (комментарий).

<...> *Routine gas flaring is a wasteful and avoidable practice <...>. The process releases <...> and dangerous air pollution. The gas could be captured instead <...>, saving them from dangerous emissions* (оценка). *But for more than a decade, BP and its partners have failed to build the necessary infrastructure* (комментарий).

*Companies like BP are still breaking Iraq’s law by gas flaring illegally close to people’s homes. <...> And this story could help secure justice for the thousands of lives put at risk by pollution from fossil fuel companies. No area should ever be exploited as a “sacrifice zone” in the pursuit of profit* (мнение)” [9].

Как показали результаты проведенного анализа, количество структурно-композиционных блоков полемического компонента очерка практически совпадает в обоих языковых вариантах и в целом это количество варьируется от 10 до 16 блоков.

Анализ коммуникативно-прагматических признаков полемического компонента англоязычных очерков позволил установить тот факт, что индекс выразительности в них ниже, чем в русскоязычных очерках, и равен 1,06. В большинстве случаев полемический смысл вербализуется посредством лексики со значением противопоставления, отрицания, негативной оценки, а также при помощи косвенных вопросов, контрастного способа построения предложений в тексте и сослагательного наклонения: *he could challenge; the dangers; Don’t let; in vain; to ask a question; to challenge the CEO on why his company continues to poison his neighbourhood with cancer-causing pollution; But, just a few days ago, Ali died...; His grieving father will ask why BP did not use its vast profits to help save his life; wasteful; dangerous air pollution* и т.д. Всего было обнаружено 34 случая вербализации полемического смысла в 32 предложениях.

Анализ англоязычных проблемных статей также позволил выявить сходства и отличия в вербализации коммуникативно-прагматических признаков полемического компонента данного жанра. Так, на примере

проблемной статьи “Simon Rattle is right: Britain is becoming a cultural desert – and that’s a political choice” из “The Guardian” мы установили, что структурно-композиционные признаки полемического компонента представлены следующим образом: 5 – постановка проблемы, 13 – оценочный блок, 7 – комментарий, 10 – мнение:

*Simon Rattle is right* (мнение): *Britain is becoming a cultural desert – and that’s a political choice* (постановка проблемы).

*Classical music will rarely have a larger audience or a more exalted place than <...>. And yet, like so much that occurs in Westminster Abbey on 6 May, it will send a misleading message about the kind of country that Britain now is* (оценка). *For Simon Rattle is incontestably right in what he said this week* (мнение): *classical music in this country is “fighting for its existence”* (постановка проблемы).

*Over the decades, Arts Council England (ACE) and the BBC have done more <...>. But there is nothing coincidental about ACE now taking the knife to the nation’s orchestras and opera companies, <...>* (комментарий). *As Rattle put it in his cry from the heart in London, these cuts are “rooted in political choices”* (мнение).

*Those choices are made by government* (постановка проблемы). *Yes, Darren Henley at the Arts Council and Tim Davie at the BBC are the chief executives carrying out these cuts, and both men should have fought them far, far harder than they did* (комментарий). *In the end, though, they are bending the knee to ministers who seem wilfully indifferent <...>, and who at times can appear actively hostile to them* (оценка).

*There is absolutely nothing inevitable <...>. No one disputes that <...>. No one is unconcerned that the NHS and schools are on the rack too* (оценка). *Our country is in trouble; we all get that* (мнение). *But only in the arts is public spending so umbilically part of a culture war* (комментарий) [10].

Всего структурно-композиционных блоков в составе полемического компонента 35, то есть мы наблюдаем сходство с белорусскими проблемными статьями.

Анализ коммуникативно-прагматических признаков полемического компонента позволил установить, что вербализация полемического смысла осуществляется преимущественно посредством лексики со значением противопоставления, отрицания, негативной оценки, метафорическими оборотами, а также при помощи контрастного способа построения предложений в тексте, сослагательного наклонения и модальных глаголов, выражающих упрек: *both men should have fought them far, far harder than they did; In the end, though, they are bending the knee to ministers; wilfully indifferent; actively hostile; absolutely nothing inevitable; No one disputes that; No one is unconcerned that the NHS and schools are on the rack too; in trouble; But only in the arts is public spending so umbilically part of a culture war*. Численно

языковые средства передачи полемического смысла представлены 114 единицами в 53 предложениях блоков полемического компонента, чей индекс выразительности в данном случае равен 2,15.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы по результатам компаративного анализа. Полемический дискурс печатных СМИ, представляющий собой сложное коммуникативное явление, формируется текстами жанров полемического характера, выраженного в их полемическом компоненте. Полемический компонент имеет ряд признаков, среди которых выделяются коммуникативно-прагматические признаки, обладающие индексом выразительности, который, как показал проведенный анализ, в русскоязычных и англоязычных проблемных статьях практически совпадает. Также мы наблюдаем принадлежность жанра проблемной статьи в обоих языковых вариантах исследуемого дискурса к его ядру, в то время как очерк формирует ближнюю периферию полемического дискурса печатных СМИ. Отличия прослеживаются в языковой репрезентации коммуникативно-прагматических признаков полемического компонента как в проблемных статьях, так и в очерках, что, на наш взгляд, обусловлено национальной спецификой.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Уделькина, А. И.* Мультимедийная среда немецкоязычного полемического дискурса / А. И. Уделькина // Известия Смоленского государственного университета. – 2019. – № 3(47). – С. 223–234.
2. *Розенталь, Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
3. *Иванова, В. И.* О некоторых особенностях полемического дискурса в деловой коммуникации / В. И. Иванова // Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук : сб. ст. V Всерос. науч.-практ. конф. / МНИЦ ПГАУ. – Пенза : РИО ПГАУ, 2019. – С. 35–38.
4. *Жумагулова, Б. С.* Особенности полемического дискурса / Б. С. Жумагулова // Успехи современного естествознания. – 2013. – № 7. – С. 142–145.
5. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1998. – 896 с.
6. *Фрумкина, Р. М.* Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М. : Академия, 2001. – 320 с.
7. *Гигин, В.* Теракт со многими отягчающими [Электронный ресурс] / В. Гигин // СБ. Беларусь сегодня. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/terakt-so-mnogimi-otyagchayushchimi.html>. – Дата доступа : 05.04.2023.
8. *Волчков, В.* Санкционной атакой на российский атомный сектор Германия стремится вернуть себе конкурентоспособность [Электронный ресурс] / В. Волчков // СБ. Беларусь сегодня. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/chisto-ekonomicheskii-syuzhet.html>. – Дата доступа : 18.04.2023.

9. *Kelly, J.* Ali died days before he could challenge BP's CEO on the dangers of gas flaring. Don't let his death be in vain [Electronic resource] / J. Kelly // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/apr/27/ali-smoke-choked-bp-oilfield-death-gas-flaring>. – Date of access : 27.04.2023.
10. *Kettle, M.* Simon Rattle is right: Britain is becoming a cultural desert – and that's a political choice [Electronic resource] / M. Kettle // The Guardian. – Mode of access : <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/apr/26/simon-rattle-britain-arts-classical-music-labour>. – Date of access : 26.04.2023.

*Поступила в редакцию 05.05.2023*

**Самусевич Дарья Евгеньевна**  
аспирант кафедры речеведения  
и теории коммуникации  
Минский государственный  
лингвистический университет  
г. Минск, Беларусь

**Darya Samusevich**  
PhD Student of the Department  
of Speech Science and Communication Theory  
Minsk State Linguistic University  
Minsk, Belarus  
daria.samusevich@gmail.com

## ДИСКУРС РАЗВЛЕЧЕНИЙ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ И НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ТОЛКОВАНИЯ

### ENTERTAINMENT DISCOURSE: THE TERMINOLOGICAL VARIABILITY AND THE AMBIGUITY OF THE INTERPRETATION

В статье рассматривается терминологическая вариативность понятия «дискурс развлечений». Автор анализирует такие термины, как *дискурс развлечений*, *развлекательный дискурс*, *досуговый дискурс*, *юмористический дискурс*, *арт-дискурс* с целью определения схожести и различия между ними. В результате анализа выделяются несколько подходов к определению дискурса развлечений и дается его характеристика.

**К л ю ч е в ы е с л о в а:** *дискурс; типы дискурса; дискурс развлечений; терминологическая вариативность; характеристики дискурса развлечений.*

In the article the question of the terminological variability of the notion «entertainment discourse» is viewed. The author analyses such terms as *entertainment discourse*, *entertaining discourse*, *humorous discourse*, *art-discourse* with the aim to determine similarities and differences between them. In the result of the analysis some approaches of the entertainment discourse definition are singled out and the characteristics of the entertainment discourse are given.

**Key words:** *discourse; types of discourse; entertainment discourse; terminological variability; characteristics of the entertainment discourse.*

Работы в сфере дискурс-анализа сегодня отличаются разнообразием выбора объектов и методов исследования. Возрастает интерес к изучению новых типов дискурса. Одним из таких типов является *дискурс развлечений*, актуальность которого можно объяснить резким увеличением развлекательного контента в разных сферах деятельности людей.

Дискурс развлечений набирает все большую популярность, но вместе с этим при детальном изучении данного понятия определяется ряд аспектов, одним из которых является вопрос о терминологической вариативности.

В научной литературе можно встретить такие термины, как *развлекательный дискурс* [1; 2], *дискурс развлечений* [3], *досуговый дискурс* [4], *юмористический дискурс* [5; 6], *арт-дискурс* [7; 8] и др. Упомянутые типы тем или иным образом связаны с развлечениями, но вопрос заключается в том, являются ли все эти названия обозначением одного и того же типа, либо между ними есть существенная разница. Для этого проанализируем, как исследователи определяют рассматриваемые типы дискурса.

Под развлекательным дискурсом понимается «совокупность тематически и функционально обусловленных текстов со значением развлекательности, направленных на воздействие на духовную, социальную и эмоциональную стороны слушателей (зрителей)» [2, с. 127].

Досуговый дискурс характеризуется как «использование свободного времени человека для получения положительных эмоций» [9, с. 21]. По мнению Т. Б. Карповой, «он реализует установки языковой личности на времяпрепровождение, отдых, развлечение» [4, с. 70]. «При проведении досуга личность реализует весь свой возможный социально-ролевой статус частного лица (почти полностью исключается сфера профессиональных интересов) и таким образом удовлетворяет потребность в разностороннем развитии» (цит. по [4, с. 70]).

Говоря о развлекательном и досуговом дискурсе, мы можем как поставить знак равенства между этими типами, так и утверждать, что досуговый дискурс – это более широкое понятие, которое включает в себя развлекательный дискурс. Различие во взглядах будет зависеть от определения самих понятий *развлечение* и *досуг*.

Некоторые исследователи разграничивают термины *развлечение* и *досуг*, считая, что «досуг – это проведение свободного времени, совокупность видов деятельности для удовлетворения физических, духовных, социальных потребностей в свободное от работы, домашней занятости время. Досуг включает как отдых, развлечения, так и творческую, любительскую деятельность, занятия физической культурой, туризмом» [10, с. 137].

Таким образом, досуг рассматривается как более общее понятие, которое включает в себя развлечение. Под досугом подразумеваются любые виды деятельности, связанные с отдыхом, в том числе и сон, в то время как под развлечением понимаются действия, связанные с активным времяпрепровождением.

Другие ученые рассматривают понятия *досуг* и *развлечение* как синонимичные термины. Это наблюдается в работах Т. Г. Киселевой (цит. по [11]) и В. З. Дуликовой (цит. по [11]).

В нашей работе мы не стремимся разграничить упомянутые термины и считаем целесообразным определить развлечение и досуг как общую систему развлекательных мероприятий, тесно взаимосвязанных между собой, и, соответственно, рассматривать развлекательный и досуговый дискурс как синонимические понятия. Однако если взять за основу более общую трактовку досуга, то тогда развлекательный дискурс можно считать частью досугового.

Далее рассмотрим юмористический дискурс. По определению В. И. Карасика, юмористический дискурс – это «текст, погруженный в ситуацию смехового общения». В качестве характерных признаков такой ситуации автор обозначает «коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора; юмористическую тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты; наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре» [12, с. 305].

В таком значении нельзя поставить знак равенства между развлекательным и юмористическим дискурсом, так как развлекательный дискурс будет пониматься более широко. Юмор в различных его жанрах может быть развлечением или его частью, таким образом, можем рассматривать юмористический дискурс как разновидность развлекательного или как отдельный тип, который кроме развлекательной функции выполняет и другие. В нашей работе юмористический дискурс считается частью развлекательного.

В настоящее время в научной литературе все чаще стал встречаться еще один термин при упоминании различных типов развлечений – а р т - д и с к у р с [7; 8]. Являясь новым объектом дискурсивного анализа, в широком понимании, он может быть определен как вид дискурса, имеющий отношение к искусству, в сферу которого входят театральный дискурс, литературный дискурс, музыкальный дискурс, дискурс изобразительного искусства, кинодискурс, модельный дискурс и др. [8, с. 418].

Учитывая, что перечисленные сферы относятся к развлечениям, то между развлекательным дискурсом и арт-дискурсом можно ставить знак равенства, за исключением того, что арт-дискурс включает в себя только ту часть развлечений, которая относится к искусству, таким образом, арт-дискурс будет более узким понятием, чем развлекательный дискурс.

Проанализировав сходства и различия между близкими по смыслу терминами, рассмотрим развлекательный дискурс более подробно.

Одним из ярких представителей, которые занимаются изучением развлекательного дискурса, является В. И. Карасик. Как и в других типах дискурса, в развлекательном он выделяет два типа: неинституциональный и институциональный. В первом случае речь идет о «различных видах повседневного развлекательного дискурса в его канонических жанрах – повествование о том или ином событии, сказка, розыгрыш, анекдот, частушка и т.д.». Сюда же автор относит «литературное творчество широкой публики». Во втором случае развлекательный дискурс представляет собой деятельность «профессиональных спортсменов, организаторов массовых развлечений и людей искусства», включая в себя «выступления уличных комедиантов, театральные и цирковые представления, телевизионные шоу и конкурсы, компьютерные игры и др.» [1, с. 93].

Такой же точки зрения придерживается и С. В. Чернова, выделяя обиходный (личностный) и институциональный типы развлекательного дискурса. Обиходный развлекательный дискурс она определяет как «спонтанное общение, в ходе которого не придается значение формальной стороне речи. Этот тип дискурса является непубличной коммуникацией, в которой важное место занимают эмоциональность и развлекательность. Функционирование второго типа дискурса обеспечивается рядом социальных институтов, таких как театр, цирк, кино, телевидение и т.д.» [2, с. 127].

Развлекательный дискурс представляет собой «общение, цель которого состоит в доставлении удовольствия адресату в его свободное от работы время» [1, с. 91]. По мнению В.И. Карасика, «субъектами рассматриваемого общения являются профессиональные затейники, работающие в разных жанрах этого вида деятельности, и зрители. Первые выступают в качестве представителей социального института (театр, спорт, различные шоу), вторые пассивно участвуют в представлении и дают ему оценку» [1, с. 99].

«Публика в развлекательном дискурсе также не является однородной». Разграничиваются следующие типы потребителей развлечений: «1) опытные и начинающие зрители или слушатели, фанаты или болельщики; 2) более и менее активные представители публики; 3) обычная публика и профессионально подготовленные критики, которые являются экспертами в этом развлекательном событии и излагают свое мнение о нем в средствах массовой информации» [1, с. 100].

Учитывая вышеупомянутые данные, отметим, что все больше увеличивается число коммуникативных эпизодов в медиaprостранстве. «Это связано с непрерывным техническим развитием, появлением новых форм коммуникации, увеличением объема интернет-СМИ, ростом доверия адресатов к материалам, публикуемым в медиaprостранстве, потребностями аудитории в многоканальном и многообразном получении информации» [13, с. 63].

С развитием массмедийных технологий, которые все глубже проникают во все сферы человеческой жизни, типы дискурса становятся более медиатизированными. Развлекательный дискурс можно считать одним из таких медиатизированных типов, который претерпевает изменения, подстраиваясь под потребности современной массовой аудитории. Таким образом, все чаще о развлекательном дискурсе говорят как о жанре дискурса массмедиа. Это происходит отчасти и из-за смены самого понятия *развлечение*, которое хоть и не является новым, но со временем меняет свои характеристики. Развлечения упоминаются уже в работах Аристотеля, где он приписывает ему характеристики счастья. Так как развлечения были доступны, по большей части, высшим слоям общества, то редкие возможности отдыха и развлечений простой народ считал настоящим счастьем.

На данный момент развлечение понимается, как «времяпрепровождение, доставляющее удовольствие, развлекающее» [14, с. 643]. И если еще 10 лет назад развлечение предполагало непосредственное и активное участие индивида в традиционном виде развлекательной деятельности, то сейчас упор делается на опосредованное и пассивное участие, которое можно связать с напряженным современным образом жизни людей. Таким образом, растет разнообразие видов и форм развлечений и большинство из них транслируются через СМИ.

Учитывая данный факт, развлекательный дискурс рассматривается некоторыми исследователями как разновидность дискурса массмедиа [13; 15], представляя собой весь развлекательный контент: совокупность текстов, объединенных архитемой «Развлечение», и транслируется данный контент посредством СМИ [16, с. 182]. Структура медиадискурса включает разные типы дискурсов в зависимости от основания классификации. Так, в качестве типологизирующих признаков может выступать канал коммуникации, способ передачи информации, тематика, цель, участники и т.д. [13, с. 64].

Выделение развлекательного дискурса происходит на основании канала передачи информации и с учетом базовой цели [16, с. 182]. Исходя из канала связи, можем выделить четыре вида развлекательного дискурса: радиийный [13; 15], телевизионный [17; 18], дискурс прессы и интернет-дискурс [19]. Термин *развлекательный* в данном случае предполагает наличие особого пространства, целенаправленно создаваемого при помощи технических средств, которому присущи и такие характеристики, как массовая аудитория, всеохватность, дистантность, наличие визуализации (не для всех), хронотоп, ограниченный техническими возможностями СМИ.

Макроцелью всех этих видов является развлечение адресата: предоставление интересной информации; создание положительного эмоционального настроения путем розыгрышей, конкурсов, викторин; непринужденное общение со слушателями на различные темы и т. д. [13, с. 65].

Достижение поставленной цели осуществляется благодаря карнавализации и ярким выразительным языковым средствам, спонтанности, разговорным конструкциям, оценочной и эмоционально окрашенной лексике, широкому использованию языковой игры, обилию своеобразных лексико-стилистических приемов и др. [16, с. 182; 14, с. 216].

Кроме просмотра и принятия участия в зрелищных мероприятиях, таких как спектакли, концерты, конкурсы, спортивные соревнования, цирковые представления, в настоящее время признаки развлечения могут быть характерны для других сфер деятельности человека.

На данный момент люди все более склонны к редукции академичности и привнесению развлекательного элемента в различные виды деятельности. В связи с этим зачастую полезная и важная информация подается в форме развлекательного материала, также именуемого инфотейментом, который «не только удовлетворяет потребностям и желаниям человека отдыхать, снимать стресс, отвлекаться от действительности и насущных проблем, но и направлен на привлечение и удержание внимания зрителя или читателя» [20, с. 115–116]. Например, образовательная информация может быть представлена в формате телевикторины, тревел-шоу, сканвордов, когда, с одной стороны, зрители/слушатели/читатели приятно проводят время, с другой – таким образом реализуется образовательный процесс. Именно такого рода

формат проще воспринимается информационно перегруженной аудиторией, потому что развлекательный элемент разрезает информационную плотность, напряженность изложения. Вместо того чтобы перенасыщать адресата сухими фактами, данными, цифрами, развлекательный дискурс стремится увлечь, удивить и рассмешить.

Инфотеймент – это слияние развлекательных и информационных элементов, которое распространяется на политику, науку, спорт и другие виды общественной деятельности, освещаемые в СМИ. Соответственно, спортивный, научный, политический и другие типы дискурса, использующие развлекательный формат, можно считать развлекательным дискурсом.

Таким образом, развлекательный дискурс можно разделить на четыре типа: *неинституциональный* (личностный, обиходный), *институциональный*, *медиаразвлекательный* дискурс и *инфотеймент*.

Первый тип – *неинституциональный* – представляет повседневное, спонтанное общение, предполагающее развлекательный контент и не находящее реализации в средствах массовой информации.

Второй тип – *институциональный* – характеризует профессиональную развлекательную деятельность, которая может реализовываться посредством СМИ в зависимости от типа контента и ситуации.

Третий тип – *медиаразвлекательный* дискурс – описывает весь развлекательный контент, который транслируется СМИ.

Четвертый тип представлен в виде *инфотеймента*, под которым понимаются любые типы дискурсов, использующих развлекательный формат.

Редкие упоминания термина *дискурс развлечений* [3] подразумевают приписывание ему одной из вышеупомянутых характеристик развлекательного дискурса. Но мы не ставим знак равенства между развлекательным дискурсом и дискурсом развлечений, мы разводим эти понятия, выделяя *дискурс развлечений* в отдельный тип, связанный с развлекательными мероприятиями или событиями такого рода, как выставки, спектакли, концерты, кинофестивали, конкурсы. В эту категорию входят любые события, которые ставят своей главной целью развлечь свою целевую аудиторию. Среди них интеллектуальные, спортивные, театральные, музыкальные и другие события. И дискурс развлечений в данном случае представляет собой информацию, которая связана с самим событием: где пройдет, кто примет участие, какой будет приз, какие известные личности посетят мероприятие, как проходит подготовка и многое другое. Таким образом, дискурс развлечений отображает вокругсобытийную коммуникацию, которая главным образом реализуется через средства массовой информации.

Основным компонентом дискурса развлечений является развлечение, соответственно, имеется связь с развлекательным дискурсом. Но так как дискурс развлечений реализуется посредством СМИ, то является жанром

дискурса массмедиа. Следовательно, рассматриваемый нами дискурс содержит в себе признаки развлекательного дискурса и дискурса массмедиа. По тематике это характеристика развлекательного дискурса, по ситуативной организации – это пример медийного дискурса.

Дискурс развлечений делится на *предсобытийный* – то, что предшествует событию, *событийный* – само событие и *постсобытийный* – то, что освещается после окончания мероприятия. Каждый из данных компонентов несет в себе определенную информацию и реализуется характерным набором жанров.

Например, компонент структуры «событие» дает представление о самом мероприятии и выражается новостными материалами, интервью, репортажами с места событий. Предсобытийный компонент имеет своей целью привлечь массовую аудиторию к мероприятию, подогреть интерес, используя ту информацию о предстоящем событии, которую преподносят авторы. Среди жанров преобладают анонсы, пресс-релизы, персоналии, рекламные тексты, рецензии, а также новостные сообщения. Постсобытийный компонент содержит сведения о результатах прошедшего мероприятия. По большей части, реализуется в новостных публикациях, обзорах, интервью, рецензиях. События, в которых находит свою реализацию дискурс развлечений, могут быть различными. В данном случае «событие» равно «развлечение», а развлечений насчитывается большое множество.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что под термином *дискурс развлечений* может пониматься как развлекательный дискурс, который на данный момент имеет некоторые синонимические термины, рассмотренные нами ранее, так и новый тип дискурса, который сочетает в себе характеристики развлекательного дискурса и дискурса массмедиа, таким образом, представляющий собой вокругсобытийную коммуникацию в средствах массовой информации.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В. И. Развлекательный дискурс как институциональный вектор общения / В. И. Карасик // Соц. и гуманитар. науки. Отечественная и зарубеж. лит. Сер. 6, Языкознание. – 2020. – № 3. – С. 91–103.
2. Чернова, С. В. Развлекательный дискурс: понятие и основные характеристики / С. В. Чернова // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире : IX междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 6 февр. 2015 г. : сб. ст. / Волгогр. фил. Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации ; редкол.: И. С. Бессарабова [и др.]. – Волгоград, 2015. – С. 126–128.

3. *Могиленских, Н. П.* Дискурс развлечений как объект исследования / Н. П. Могиленских // Коммуникативные стратегии : материалы 11-й междунар. науч. конф., Минск, 24 нояб. 2021 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Т. В. Поплавская (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2022. – С. 128–131.
4. *Карпова, Т. Б.* Досуговый дискурс рунета / Т. Б. Карпова // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. – 2010. – № 2 (8). – С. 70–76.
5. *Лаврова, С. Ю.* Юмористический и институциональный дискурсы: сопоставительный анализ / С. Ю. Лаврова, Ю. Ю. Бочкарева // Вестн. Череповец. гос. ун-та. Сер. : Филол. науки. – 2012. – № 2-1 (38). – С. 89–92.
6. *Калинцева, М. О.* Юмористический дискурс как разновидность комического дискурса и его конститутивные признаки / М. О. Калинцева // Вестн. Пятигор. гос. ун-та. – 2015. – Вып. 2. – С. 34–38.
7. *Каминская, Т. Л.* Арт-дискурс в региональных Интернет-медиа / Т. Л. Каминская // Вестн. Новгород. гос. ун-та. Сер. : Гуманитар. науки. – 2015. – № 4-1 (87). – С. 13–15.
8. *Рингевич, В. В.* Литературный дискурс и кинодискурс в системе арт-дискурса / В. В. Рингевич // Вістн. Криворож. держ. пед. ун-ту. Філол. студії. – 2017. – Вип. 16. – С. 417–424.
9. *Косогор, О. Н.* Интеллектуальный досуг как ресурс развития личности / О. Н. Косогор // Досуговая журналистика в России : материалы межвуз. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 27–28 мая 2009 г. / С.-Петерб. гос. ун-т ; редкол.: Л. Р. Дускаева, В. И. Шароградский. – СПб., 2009. – С. 21–25.
10. *Райзберг, Б. А.* Современный социоэкономический словарь / Б. А. Райзберг. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 629 с.
11. *Ярошенко, Н. Н.* Индустрия развлечений в современном культурном пространстве России / Н. Н. Ярошенко // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 3 (71). – С. 122–132.
12. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
13. *Егошкина, В. А.* Специфика медиатекстов развлекательных радио-программ / В. А. Егошкина // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. – 2019. – № 4 (25). – С. 63–66.
14. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : А ТЕМП, 2006. – 944 с.
15. *Панченко, С. А.* Развлекательный теледискурс в матрице дискурсов русского языка / С. А. Панченко // Одес. лінгвіст. вісн. – 2015. – Т. 2, № 6. – С. 63–65.
16. *Егошкина, В. А.* Прагмастилистическая специфика развлекательного радиийного дискурса / В. А. Егошкина // Коммуникатив. исслед. – 2014. – № 2. – С. 181–188.

17. *Ильченко, С. Н.* Трансформация жанровой структуры современного отечественного телеконтента: актуализация игровой природы телевидения : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / С. Н. Ильченко. – М., 2012. – 363 л.
18. *Каришин, А. А.* Индивидуальный дискурс как отражение идиостиля журналиста-ведущего авторской телевизионной программы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Каширин. – Томск, 2019. – 180 л.
19. *Ляшева, М. Н.* Лингвокреатемы в современном развлекательном интернет-дискурсе / М. Н. Ляшева // Урал. филол. вестн. Сер. : Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2017. – № 2. – С. 76–80.
20. *Гапутина, В. А.* Развлекательные приемы в медиадискурсе моды (на примере телепередач «Модный приговор» и «Снимите это немедленно») / В. А. Гапутина // Междунар. науч.-исслед. журн. – 2018. – № 9-2 (75). – С. 115–117.

*Поступила в редакцию 01.06.2023*

**Сысоева Татьяна Александровна**  
кандидат филологических наук, доцент,  
доцент кафедры речеведения  
и теории коммуникации  
Минский государственный  
лингвистический университет  
г. Минск, Беларусь

**Tatsiana Sysoyeva**  
Phd in Philology, Associate Professor,  
Associate Professor of the Department  
of Speecheology and Communication Theory  
Minsk State Linguistic University  
Minsk, Belarus  
thecom@m slu.by

## ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ СЕМЕЙНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

### PRAGMATIC FUNCTIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN HUMOROUS STORIES ABOUT FAMILY EVENTS

В статье рассматриваются особенности функционирования фразеологических единиц в белорусскоязычных юмористических рассказах, описывающих события семейной жизни. С опорой на семантику и прагматику определяются группы фразеологизмов, устанавливается их количественное соотношение. Выявляется комплекс прагматических функций, выполняемых устойчивыми оборотами в юмористическом описании семейного мероприятия, включающий экспрессивную, эмоционально-оценочную, характеризующую, кумулятивную и др. функции. Учитываются зоны пересечения разных функций в их контекстуальной реализации.

*К л ю ч е в ы е с л о в а:* юмористический рассказ; семейное мероприятие; фразеологическая единица; информативно-номинативная функция; прагматико-коммуникативная функция.

The article sheds light on the peculiarities of phraseological units encountered in Belarusian-language humorous stories which describe scenes from family life. Different groups of phraseological units are identified in view of their semantics, pragmatics and quantitative distribution. Pragmatic functions performed by phraseological units in humorous stories about family events are enumerated. This set includes expressive, emotional-evaluative, characterizing, cumulative and other functions. It is demonstrated, though, that in most contexts these functions largely overlap.

*Key words:* humorous story; family event; phraseological unit; informative-nominative function; pragmatic-communicative function.

Фразеологические единицы, различающиеся с точки зрения семантики, структуры и функций, привлекают внимание лингвистов в силу своего прагматического потенциала, который выражен гораздо ярче, чем у единиц первичной номинации [1, с. 43]. Данная особенность обусловлена повышенной экспрессивностью, образностью, стилистической окрашенностью фразеологизмов. Немаловажным является их аргументирующий характер: они «подкрепляют, усиливают, обосновывают позицию или мысль говорящего, высказываемую по какому-то поводу» [2, с. 303]. Фразеологические единицы значительно облегчают корректную интерпретацию дискурса в целом, являясь его организующими элементами, т.е. по сути выполняют когнитивную функцию [3, с. 438].

Использование фразеологических единиц уместно в самых разных дискурсивных практиках: они употребительны как в устной, так и письменной коммуникации, характеризуясь при этом своими особенностями в каждой конкретной сфере общения. Все более активно фразеология проникает в интернет-среду – блоги, социальные сети, форумы и т.д., «демонстрируя высокую дискурсивную востребованность» [4, с. 236]. Однако при всем разнообразии встречающихся в научной литературе подходов к определению фразеологизмов и описанию их природы, можно обозначить общие черты, присущие фразеологическим единицам как таковым. Во-первых, они представляют собой устойчивые сочетания слов. Во-вторых, они целостны. В-третьих, они транслируют переносный смысл [5, с. 161].

Детальная классификация фразеологических единиц была предложена В. В. Виноградовым, который делит их на три типа: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания [6]. Однако данный перечень не является исчерпывающим, и позже Н. М. Шанский добавил к нему четвертую группу – фразеологические выражения, к которым относятся семантически членимые фразеологические единицы разной структуры: пословицы, поговорки, крылатые фразы, клише, речевые штампы [7]. Таким образом, в широком понимании фразеологизмы включают в себя не только номинативные единицы, выступающие как члены предложения, но и коммуникативные единицы более крупного порядка (целые высказывания), а разработанная В. В. Виноградовым и Н. М. Шанским четырехчленная классификация фразеологических единиц стала общепринятой в научных кругах [8, с. 45].

Что касается функций фразеологических единиц, то они многообразны. «В процессе коммуникации фразеологизмы не просто передают информацию, но и приобретают особую прагматическую ценность, сообщая об интенциях говорящих, их эмоционально-оценочном отношении к обозначаемому явлению, межличностных связях, социальном статусе» [1, с. 43]. В зависимости от фокуса проводимого исследования, лингвисты выделяют такие функции устойчивых оборотов в речи, как экспрессивно-образную, эмоционально-оценочную (обеспечивает расстановку эмоциональных акцентов), контактоустанавливающую, дейктическую, терминологическую, описательную, характеризующую, директивную, аргументативную, резюмирующую, функцию выделения важной информации (выдвигает релевантные аспекты содержания в фокус восприятия), функцию внутренней экспликации дискурса (облегчает обработку, понимание и запоминание сообщения), функцию лаконизации речи, структурной организации дискурса и др. (ср.: [1; 2; 3; 4]).

Отдельно стоит выделить кумулятивную функцию, отражающую накопленный опыт, историю развития, материальную и духовную культуру того или иного народа. Из всех пластов лексики именно фразеологические единицы выполняют данную задачу наилучшим образом, поскольку «хранят

не только информацию, связанную с нуждами означивания, выражения каких-либо понятий, но и сведения культурного характера, следы истории общества, говорящего на одном языке, опыта, который получил общественное признание и реализуется в речи в виде совета, предостережения и т.п.» [1, с. 44–45]. Использование фразеологических единиц, соответственно, может указывать на социальную идентичность говорящего. Например, пословицы и поговорки, относящиеся к фразеологизмам в широком понимании, выступают в роли культурных символов и служат «своеобразным маркером общности (sociality), социокультурной принадлежности использующего их в речи/дискурсе участника коммуникации» [3, с. 446].

Функции фразеологических единиц в целом не являются специфическими и способны актуализироваться в любых дискурсивных пространствах. Так, например, несмотря на всю уникальность интернет-дискурса, для него характерен достаточно «традиционный» набор функций, выполняемых фразеологизмами, который включает номинативную, экспрессивную, эмоционально-оценочную и т.д. [4, с. 236]. Однако, говоря обо всем многообразии функций устойчивых оборотов в речи, целесообразно разбить их на две большие группы и выделить глобальные макрофункции – *информативно-номинативную* и *прагматико-коммуникативную* [Там же, с. 234], из которых вторая играет ведущую роль в силу воздействующего потенциала данной группы лексики. Обозначенные выше функции фразеологических единиц можно также рассматривать с точки зрения их инвариантного либо вариативного характера. Так, константными могут считаться информативная, номинативная и познавательная функции, «другие же относятся к числу вариативных (волеуказательная, дейктическая, результативная и др.)» [1, с. 45].

В настоящей работе обратимся к рассмотрению фразеологических единиц и установлению их семантических и функциональных особенностей в текстах на белорусском языке, посвященных описанию таких семейных мероприятий, как юбилей, свадьба, помолвка, новоселье и других событий, связанных с семейной жизнью. Анализировались публикации за 2022–2023 гг., размещенные на сайте издательского дома «Звезда» (zviazda.by) в рубрике «Вясёлыя гісторыі чытачоў». С точки зрения жанровой принадлежности исследуемые тексты представляют собой юмористические рассказы – короткие произведения, в которых описываются комические ситуации (в нашем случае – истории из жизни). Несмотря на то, что данный тип текста вариативен в плане объема, сюжетной линии, количества персонажей и т.д., он традиционно выделяется в качестве юмористического жанра: «Если представить юмористический дискурс как поле, в центре окажется шутка, как центральный жанр, а далее по мере продвижения к периферии будут располагаться анекдот, байка, розыгрыш (практическая шутка), насмешка, издевка, юмористический или сатирический рассказ, ироническая поэзия, фельетон...» [9, с. 220].

В 60 % выявленных в исследуемом материале фразеологических единиц выражается авторское субъективное отношение к ситуации, положительная либо отрицательная оценка происходящего: *Пачаць можна з гісторыі, з моды. Раней, напрыклад, што ні вёска, то свой Рэйган, Хрушчоў, свая Зыкіна... Потым, з выхадам новых фільмаў, сталі з'яўляцца Шцірліцы, Шарапавы, Партосы, Дацэнты, Афоні... А якую ж пікантную нотку дадалі да жыцця першыя мексіканскія ды бразільскія серыялы!*; Такога – нават **ворагу не пажыдаў бы**: *Пятро, як пішуць у міліцэйскіх зводках, не справіўся з кіраваннем і не проста з'ехаў з дарогі – у яму ўляцеў, у... жыжжу – разам са сваім «птэрадактылем»...* В данном случае в первую очередь реализуются экспрессивная и эмоционально-оценочная функции. Автор текста фокусирует внимание на собственном «я» как говорящем субъекте, своем мнении, рациональных рассуждениях либо, наоборот, чувствах и эмоциях: *Вось і я не буду: за што купіў, за тое і прадам*; «*Вы заўтра ў вёску, на бульбу?*» – перапытала Надзея. «*Ну, з карабля на баль*», – уздыхнула **я**; *Нам (каб не чуць, бо каму ж прыемна?) – хоць ты **скрозь зямлю праваліся!*** С другой стороны, в некоторых контекстах можно также говорить о реализации функции установления и поддержания контакта, поскольку адресант напрямую обращается к читателю, ведет с ним «диалог»: *Карацей, у той дзень на нашай вуліцы Будаўнікоў – **хочаце верце, хочаце не** – але спраўлялі аж два вяселлі: нашы суседзі – у той самай школе, мы сваё – дома.*

В 24 % проанализированных примеров отправитель сообщения реализует описательную функцию, говоря о чьих-либо действиях в конкретной ситуации: *І ляцяць выпускнікі, як на лямпу матылькі; Цяпер, як я бачу, вельмі модна заводзіць розных коцікаў-сабачак... І потым **насіцца з імі, як дурань з дзвярыма...**; Ён тут жа нагою на газ – педаль прыдушыў і ляціць, як хто жару пад хвост насыпаў!* Вместе с тем в приведенных высказываниях видим актуализацию экспрессивной функции, поскольку автор приводит образное сравнение, делая юмористическое описание более «живым».

Иногда фразеологические единицы выполняют характеризующую функцию, обозначая привычки или особенности внешности героев повествования (10 % контекстов). Можно также утверждать, что в данном случае реализуется и миджевая функция: *Галоўнае, **ніжэй травы** была – ціхая-ціхая...; Праўду кажучь, што **гарбатага хіба труна** направіць. Як і ўпартага... Узяць хоць бы таго Цярэшку; На год старэйшыя хлопцы, адзін з якіх у свае пятнаццаць меў і слауты **сажань у плячах**, і пад два метры росту....* Как видно из приведенных примеров, экспликации подлежат как положительные, так и отрицательные черты характера персонажей.

Наконец, 6 % выявленных фразеологических единиц используются при описании образа жизни героев юмористического рассказа: *Мы гадамі эканомілі, **капейку да капейкі** складалі; Заробкі нядрэнные былі. І гаспадарку трымалі. **Кожную капейку бераглі**, каб адасобицца, каб дом свой*

*паставіць; Сярод людзей, як вядома, шмат аматараў палявання. Іх, як той казаў, хлебам не кармі, дай пацягацца па лясках ды палях, дай потым зайца дамоў прынесці!; Пеця прыгнаў «Жыгулі», паставіў у гараж, стаў пылінкі здзімаць, а калі і ездзіць, то вельмі асцярожна... .* Применительно к приведенным контекстам можно говорить о реализации кумулятивной функции, поскольку фразеологические единицы помогают апеллировать к культурному опыту, общепринятым в белорусском обществе моделям поведения (привычка экономить ради будущего, любовь к охоте как хобби, бережное отношение к материальным ценностям и т.д.).

В ряде случаев речь идет не только о культурных стереотипах или ценностях, но фразеологизм, скорее, выполняет функцию совета, рекомендации. Отправитель сообщения «читает нравоучения», стремясь привить адресату те или иные образцы поведения, как в следующих примерах: *Слова не верабей... Выпусціш – не зловіш; З кім жыць, таго не гнявіць; Што задужа – нездарова.* Данную функцию также можно назвать директивной (управляющей) или воспитательной.

Что касается лексического наполнения исследуемых фразеологических единиц, то самой многочисленной группой (30 % примеров) являются устойчивые выражения, содержащие в своем составе наименования представителей флоры и фауны: *Паможжа вароне мыла; Бывала, што й варона кувала, а цяпер...; Свіння заўсёды гразь сабе знойдзе; Тое, кажуць, і свіння не есць; Ён, бачым, злы – як гад, чырвоны – як рак, і адразу ў крык; Багата заменнікаў і ў слова «мала»: скупа, трохі, вобмаль, жменя, падабрэз, на зуб, як бабе сесці, як кот наплакаў; Мае растуць, як тыя грыбы!; Я, праўда, словамі Пятра падганяла: падсыпала перцу з імберцам!* Выполняемые ими функции разнообразны: экспрессивная и эмоционально-оценочная функции (субъективное мнение автора по поводу обсуждаемых событий), описание конкретных действий или образа жизни, характеристика внешности человека либо особенностей его поведения. Однако, как видно из цитируемых фрагментов рассказов, фразеологические единицы, содержащие наименования представителей флоры и фауны, чаще актуализируются в негативном контексте и выражают отрицательную оценку автора сообщения к происходящему.

Приведенные выше примеры в полной мере иллюстрируют тот факт, что разнообразные прагматические функции фразеологизмов не являются взаимоисключающими. Напротив, для них характерно комплексное использование. Так, в следующих контекстах автор, с одной стороны, делает акцент на собственном субъективном мнении, с другой – апеллирует к общепринятым представлениям и ценностям: *Сесці ў лужыну можа кожны; Хто б спрачаўся, я не буду: шлюбы сапраўды заключаюцца на нябёсах, то-бок многія сем'і стварае сам лёс ці нават Бог... .* Фразеологическая единица способна выполнять экспрессивно-образную функцию, но в то же время использоваться с целью описания либо характеристики: *А тым часам дровы ў топцы не на жарт разгарэліся; Слова за слова, як*

водзіцца, і пацякла гутарка – пра гэта, пра тое...; Дзея, тым не менш, магла завяршыцца на досыць **высокай** **ноце**, аднак гэтаму перашкодзіла яшчэ адна **недарэчнасць**; **Шчаслівыя гадзін не назіраюць**. Экспрессивная функцыя можа сапачацца с кантактоустанавліваючай, как в следующем отрывке, где фразеологизм вносит в повествование нотку «разговорности»: *Цётка Зоя, ведаючы гэта, паабяцала, што «за ёй не заржаве»*. Вместе с тем подобное выражение может рассматриваться в качестве маркера социокультурной идентичности говорящего субъекта.

Таким образом, исследуемые юмористические рассказы на белорусском языке, повествующие о различных событиях семейной жизни, характеризуются активным использованием фразеологических единиц, которые выполняют разнообразные прагматические функции. Основные из них – экспрессивно-образная и эмоционально-оценочная, связанные с выражением субъективной точки зрения адресанта касательно обсуждаемой ситуации. При этом эксплицироваться может как положительное, так и отрицательное отношение к происходящим событиям. Фразеологические единицы позволяют не только оценить ситуацию в целом, но и описать конкретные действия героев повествования, отметить черты их характера или яркие особенности внешности (описательная и характеризующая функции соответственно). Еще одним важным моментом в использовании фразеологических единиц является апелляция к культурному опыту, общепризнанным ценностям или широко распространенному мнению (кумулятивная функция), что позволяет усилить убедительность рассуждений, приводимых автором. Соответственно, фразеологизмы также могут осуществлять функции управления и/или воспитания, указывая на принятые в обществе нормы, типичные образцы поведения. Наконец, целесообразно выделить контактоустанавливающую функцию, позволяющую добавить повествованию непринужденности и тем самым сократить дистанцию между автором и читателем. В отличие от информативно-номинативной функции, являющейся константной, выявленные прагматико-коммуникативные функции фразеологических единиц являются вариативными, и уникальность их сочетания обусловлена конкретной дискурсивной практикой.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Корман, Е. А.* Основные коммуникативные функции фразеологических единиц с анималистическим компонентом / Е. А. Корман // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. – 2007. – С. 43–45.
2. *Серегина, М. А.* Паремии в дискурсе речевого воздействия / М. А. Серегина // Вестн. Юж.-Урал. гос. гуманитар.-пед. ун-та. – 2011. – № 11. – С. 300–308.
3. *Константинова, А. А.* Когнитивно-дискурсивные функции англо-американских паремий / А. А. Константинова // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманит. науки. – 2012. – № 1–2. – С. 438–448.

4. *Доброва, М. С.* Реализация функций фразеологических единиц в дискурсивном пространстве русскоязычного Интернета / М. С. Доброва // Русистика. – 2022. – № 20(2). – С. 233–246.
5. *Лепшокова, Е. А.* Формирование фразеологических единиц в английском и русском языках / Е. А. Лепшокова, С. И. Тамбиева // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 67–1. – С. 159–162.
6. *Виноградов, В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография : избр. тр. – М. : Наука, 1977. – С. 141–161.
7. *Шанский, Н. М.* Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература» / Н. М. Шанский. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб. : Специальная литература, 1996. – 192 с.
8. *Коваленко, Е. Г.* Типология фразеологических знаков в отечественном языкознании / Е. Г. Коваленко // The Scientific Heritage. – 2020. – № 43. – С. 44–47.
9. *Морозова, А. М.* Жанровая специфика юмористического дискурса / А. М. Морозова // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. : Филол. науки. – 2013. – № 1. Т. 1. – С. 216–222.

*Поступила в редакцию 11.05.2023*

**ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

УДК 811.161.3'34'373.45

**Лапицкая Ирина Антоновна**

кандидат филологических наук,  
доцент кафедры второго иностранного  
языка (немецкий)  
Минский государственный  
лингвистический университет  
г. Минск, Беларусь

**Irina Lapitskaja**

PhD in Philology, Associate Professor  
of the Department  
of the second foreign language (German)  
Minsk State Linguistic University,  
Minsk, Belarus  
reisenbul@yandex.by

**РОЛЬ ЯЗЫКОВ-ПОСРЕДНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ  
АССИМИЛЯЦИИ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ  
В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ****INFLUENCE OF THE MEDIATOR LANGUAGES  
ON THE PROCESS OF THE PHONETIC ASSIMILATION  
OF GERMAN LOAN WORDS IN THE BELARUSIAN LANGUAGE**

Изучаются особенности влияния языков-посредников (польского и русского) на фонетическое оформление белорусских лексем немецкого происхождения в процессе поэтапной адаптации к нормам славянских языков. Языки-посредники участвуют в вокалических и консонантных модификациях, а также в преобразованиях просодической структуры заимствованного слова – изменениях типа слога и слогового объема.

**К л ю ч е в ы е с л о в а:** *ассимиляция; заимствование; язык-посредник; гласные; дифтонги; согласные; просодическая структура.*

The article deals with the influence of the mediator languages (Polish and Russian) on the sound image of the borrowed German lexemes in the process of their gradual adaptation to the norms of the Slavic languages. The mediator languages contribute to vocalic changes, consonant transformations, modifications of the prosodic structure of a borrowed word – changes of the syllable type and syllabic volume.

**Key words:** *assimilation; loan word; the mediator language; vowels; diphthongs; consonants; prosodic structure.*

Контактирование этносов, национальных культур и языков представляет собой сложную и актуальную проблему в лингвистике. На ранних этапах сравнительно-исторического языкознания внимание ученых было направлено на реконструкцию древнейших источников, установление языкового родства отдельных групп либо семей языков, создание классификаций. Позже в работах исследователей начинают находить отражение идеи пространственной детерминации языковых изменений, вопросы языковых связей внутри родственных и неродственных языков, а также проблема выделения типологических черт [1].

Говоря о роли языковых связей и заимствовании как результате языкового контактирования, И. А. Бодуэн де Куртенэ указывал на возможность заимствования элементов различных языковых уровней: «знаменательных слов, синтаксических оборотов, известных морфологических компонентов или морфем, известных частиц, партикул, даже звуков или фонем» [2, с. 93].

В последние десятилетия в сфере исследовательских интересов находятся различные аспекты заимствования: иноязычные лексемы и их функционирование в речи [3; 4], источники и пути заимствования [5; 6; 7], освоение иноязычных единиц языком-реципиентом [8; 9], а также лингво-когнитивные особенности процесса заимствования [10].

Следует отметить, что в языковой иерархии лексическая система характеризуется наивысшей открытостью и проницаемостью, что обусловлено подвижностью ее элементов. Межъязыковое взаимодействие на лексическом уровне составляет важную часть истории лексики каждого национального языка [11, с. 7–9].

Результатом многовековых культурных и этнических контактов немецкого и белорусского народов стало активное проникновение немецких заимствований в белорусский язык. Анализ лексикографических источников [12; 13] выявил, что благодаря взаимодействию обеих культур современный белорусский язык насчитывает 1295 лексем немецкого происхождения. Исторические и географические факторы обусловили в процессе заимствования посредничество двух языков – польского и русского. Следует отметить, что словари фиксируют опосредованный путь заимствования немецких лексем белорусским языком лишь для 37 % единиц: для 31 % лексем языком-посредником выступал польский язык, участие русского языка отмечается в словарях гораздо ниже – 6 %.

Немецкоязычные лексемы, пришедшие в белорусский язык, постоянно подвергались воздействию его фонологической системы, изменяя свой звуковой облик на сегментном и просодическом подуровнях. Поскольку многие немецкие слова пришли в белорусский язык опосредованно, можно предполагать, что отдельные фонетические изменения происходили в заимствованном слове уже в языках-посредниках, например: нем. *der Pfannkuchen* – пол. *panuszek* – бел. *пампушка*; нем. *die Kronschnepfe* – рус. *кранинел* – бел. *кранинэп*.

Целью настоящего исследования является раскрытие степени участия языков-посредников – польского и русского – в процессе приспособления заимствованного немецкого слова к белорусскому фонетическому окружению.

Анализ материала показал, что немецкие лексемы, пришедшие в белорусский язык через польский, были заимствованы чаще всего в более ранние периоды, чем лексемы, при заимствовании которых языком-посредником

стал русский язык. Так, польский язык выступил в 95 % случаев языком-посредником на пути к белорусскому языку для древневерхненемецких форм, являющихся самыми ранними заимствованиями:

*др.-в.-нем. stadal – пол. stodoła – бел. стадола*

*др.-в.-нем. pfāwo – пол. prawa – бел. пава.*

Фонетическая ассимиляция как древне-, так и средневерхненемецких заимствований привела во многих случаях к почти полному преобразованию их звукового облика, например:

*др.-в.-нем. scado – ст.-пол. szkoda – бел. шкода*

*с.-в.-нем. seffr – пол. żebrak – бел. жабрак.*

В ходе исследования было установлено, что вокалические изменения в языках-посредниках и белорусском языке проявляются чаще всего в изменении ряда гласных, которое затрагивает гласные как переднего, так и заднего ряда. Данные модификации в области ударного вокализма наблюдаются в 46 % случаев уже в языке-посреднике. Изменение ряда фиксируется в первую очередь при ассимиляции немецкого гласного переднего ряда [ɛ], который реализуется в польском и белорусском языках открытым гласным низкого подъема [a]:

*н.-в.-нем. die Presse – пол. prasa – бел. прас*

*н.-в.-нем. die Werkstatt – пол. warsztat – бел. варштат.*

Частотным преобразованием в области вокализма является изменение степени подъема гласного в заимствованиях. Данная модификация фиксируется в 53 % с участием языков-посредников и идет в двух направлениях. Гласные среднего и низкого подъема языка ‘повышаются’, т. е. получают более высокий подъем, например:

*н.-в.-нем. der Koffer – пол. kufer – бел. куфар*

*н.-в.-нем. der Draht – пол. drot – бел. дрот.*

Гласные высокого и среднего подъема могут также ‘понижаться’, т.е. они артикулируются с более низким подъемом языка, например:

*с.-в.-нем. bruwer – пол. brower – бел. бровар*

*н.-в.-нем. der Pinsel – пол. pędzel – бел. пэндзаль.*

При переходе заимствований со специфическими немецкими ударными лабиализованными гласными переднего ряда /ø:/, /œ/, /y:/ и /Y/, для которых не существует аналогов в славянских языках, наблюдается субституция, т.е. замена данных гласных похожими звуками. Так, например, фонемы /y:/ и /Y/ в составе заимствований в 70,5 % случаев превращаются в белорусском языке в фонему заднего ряда /y/, причем в 26 % случаев гласные преобразуются соответствующим образом уже в польском языке, например: *нем. die Grütze – пол. gruca – бел. груца*. Субституция немецких гласных /y:/ и /Y/ белорусской фонемой переднего ряда высокого подъема /i/ наблюдается в 27,3 %, фонемой среднего подъема /e/ – в 3,5 % случаев, например:

*н.-в.-нем. wünschen – пол. winszować – бел. вiншаваць*

*н.-в.-нем. plündern – пол. plądrować – бел. плендраваць.*

Немецкие огубленные гласные переднего ряда среднего подъема – фонемы /ø:/ и /œ/ – превращаются в белорусские гласные [e]/ [э] либо [o] в 75 % примеров, в 22 % случаев – с участием языков-посредников:

*н.-в.-нем. die Manöverflasche – пол. manierka – бел. манерка*

*н.-в.-нем. der Stöpsel – рус. штепсель – бел. штэпсель.*

Участие польского и русского языков в ассимиляции немецких дифтонгов проявляется в том, что исходные звуки практически в 40 % случаев принимают уже в языках-посредниках преобразованную форму, которая затем заимствуется белорусским языком. При этом влияние польского языка максимально проявляется в процессе стяжения дифтонгов; русский язык использует транслитерацию как наиболее распространенный способ освоения немецких дифтонгов, отражая и сохраняя тем самым их двухкомпонентную структуру:

*н.-в.-нем. die Gemeinde – пол. gmina – бел. гміна*

*н.-в.-нем. der Wachtmeister – пол. wachmistrz – бел. вахмістр*

*нем. der Portwein – рус. портвейн – бел. партвейн.*

Основным различием между консонантными системами немецкого и белорусского языков, а также языков-посредников (польского и русского) является наличие в славянских языках фонологически значимой палатализации [14; 15; 16]. Как показал материал исследования, палатализация охватывает свыше половины примеров (53 %) и наблюдается чаще всего в тех случаях, когда за согласным следуют гласные переднего ряда [i] и [e]. При этом в среднем в 11 % случаев согласные приобретают данный признак еще в языках-посредниках, а затем он наследуется белорусским языком:

*н.-в.-нем. merken – пол. miarkować – бел. меркаваць*

*н.-в.-нем. probieren – рус. пробирка – бел. прабірка.*

Языки-посредники активно участвуют в изменении места и способа образования согласных в составе заимствованных слов. Изменение места образования согласных при заимствовании затрагивает в первую очередь альвеолярный согласный [s] в сочетании со взрывными [p] и [t]. Модификация данного согласного в белорусский передненебный [ш], зафиксированная в ¼ заимствованных слов с данным сочетанием в конце слова, свидетельствует об участии польского языка как посредника при заимствовании лексем в белорусский язык устным путем, например:

*с.-в.-нем. kost – пол. koszt – бел. кошт*

*н.-в.-нем. die Post – ст.-пол. poczta – бел. пошта.*

Влияние языков-посредников на изменение способа образования согласных в составе заимствованных слов наблюдается в 48 % примеров, например:

*с.-в.-нем. bäre – пол. mary – бел. мары*

*н.-в.-нем. makeln – ст.-пол. machlować – бел. махляваць.*

Отдельного рассмотрения требует ассимиляция смычно-проходного сонорного [ŋ] и щелевого средненебного [ç] – специфических немецких звуков, не имеющих соответствий в славянских языках. Материал исследования показал, что данные согласные в заимствованных словах в большинстве случаев подвергаются субституции. Так, немецкий носовой смычно-проходной согласный [ŋ], восходящий к сочетанию [n+g], в конечной либо срединной позиции перешел в поздних заимствованиях в половине случаев в звукосочетание [нк]/ [нг], например:

*н.-в.-нем. der Zugzwang – бел. цугцванг.*

В 36 % примеров в славянских языках наблюдается иной путь преобразования звука [ŋ]. Сочетание [n+g], не типичное для конечной позиции в польских и белорусских словах, расщепляется гласным [a], тем самым открывая закрытые слоги в лексемах. Доля участия польского языка в процессе расщепления консонантной цепочки составляет 77 %, т.е. каждое третье заимствование из четырех, содержащих звукосочетания [nk] и [ng], подверглось модификации уже в польском языке, затем в новой форме заимствовалось белорусским языком, например:

*с.-в.-нем. bu/ding – пол. bu/dy|nek – бел. бу|ды|нак*

*н.-в.-нем. der Ring – пол. ry|nek – бел. ры|нак.*

При передаче немецкого среднеязычного спиранта [ç] в польском и белорусском языках чаще всего используется заднеязычный щелевой согласный [x]:

*н.-в.-нем. der Knecht – пол. knecht – бел. кнехт.*

Проведенное исследование позволило установить, что языки-посредники участвуют в регулярных модификациях в области просодии слова. Несомненный интерес для изучения просодической структуры немецких заимствований в белорусском языке представляют характеристики их слогового объема. Анализ материала показал, что слоговой объем немецких лексем характеризуется в ассимилятивных процессах относительной стабильностью и в 2/3 случаев сохраняется. Количественно-слоговые модификации, зафиксированные в 1/3 случаев, представлены в 2 раза чаще расширением слогового объема, чем его сокращением. Было выявлено, что доля участия языков-посредников в изменениях слогового состава заимствований составляет 45 % (табл. 1), т.е. практически каждое второе преобразование слоговой структуры произошло в языке-посреднике, а затем перешло в белорусский язык. При этом языки-посредники в 2 раза чаще участвуют в увеличении слогового объема, чем в его уменьшении.

Следует отметить, что польский язык более активно участвует в количественно-слоговых модификациях немецких заимствований: немецкие лексемы в 10 раз чаще (161 случай в польском языке по сравнению с 16 в русском) расширяли либо сокращали свой слоговой состав в польском языке-посреднике, чем в русском (табл. 1). Так, в 42 % (в 110 лексемах) от

общего количества случаев (261) польский язык способствовал расширению слогового состава; это касается прежде всего глаголов, односложных имен существительных и прилагательных, например:

*с.-в.-нем. klat* – *пол. klatka* – *бел. клямка*

*н.-в.-нем. fas-sen* – *пол. fa-so-wać* – *бел. фа-са-ваць*

*н.-в.-нем. fein* – *пол. faj-ny* – *бел. фай-ны.*

Т а б л и ц а 1

Количественные изменения слоговой структуры немецких лексем  
в белорусском языке и языках-посредниках

Модификации слогового объема слова	Язык-посредник		Общее кол-во модификаций слогового объема заимствований в белорусском языке	% от общего кол-ва единиц <sup>1</sup>	Участие языков- посредников (%)
	Польский	Русский			
Увеличение объема слова	110	10	261	20	45
Уменьшение объема слова	51	6	136	11	
<i>Всего</i>	<i>161</i>	<i>16</i>	<i>397</i>	<i>31</i>	

В 38 % польский язык участвовал в снижении количественно-слогового состава немецких заимствований, это коснулось в первую очередь дву- и трехсложных имен существительных:

*с.-в.-нем. er-be* – *пол. herb* – *бел. герб*

*с.-в.-нем. m̄il-af-fe* – *пол. mał-ra* – *бел. мал-па.*

Важным параметром слоговой структуры заимствованных лексем наряду с количественной составляющей является качественная характеристика слогов, т.е. их открытость/ закрытость.

Модификации типа слогов под влиянием просодической системы белорусского языка затрагивают фонетическую структуру 30 % заимствованных слов (табл. 2) и обусловлены системными различиями: в современном белорусском языке, как и в польском и русском языках, преобладают открытые слоговые структуры [14; 15; 16], в то время как в немецком языке более частотными являются закрытые слоги [17].

<sup>1</sup>Общее количество лексем совокупной выборки составляет 1295 единиц.

Качественные изменения слоговой структуры немецких лексем  
в белорусском языке и языках-посредниках

Модификации слогового состава слова	Кол-во модификаций слоговой структуры заимствований			% от общего кол-ва единиц <sup>1</sup>	Участие языков- посредников (%)
	Польский язык	Русский язык	Белорусский язык <sup>2</sup>		
Открытие слога	107	19	292	23	43
Закрытие слога	36	4	97	7	
<i>Всего</i>	<i>143</i>	<i>23</i>	<i>389</i>	<i>30</i>	

Изменение типа слоговых структур заимствований в сторону открытия слогов наблюдается в 23 % материала в составе белорусских лексем немецкого происхождения:

*н.-в.-нем. das Blech – пол. bla-cha – бел. бя-ха.*

Данные изменения наблюдаются в 43 % случаев уже в языках-посредниках, при этом польский язык более активно (в 6 раз чаще русского) участвует в качественно-слоговых модификациях в составе заимствований, которые тесно связаны как с типичными слоговыми структурами в заимствующем языке и языках-посредниках, так и с сегментными изменениями в слове. Так, нейтрализация релевантного признака немецких гласных (длительности) в составе славянских коррелятов немецких лексем приводит к ослаблению силы отступа кратких гласных и вследствие этого к ослаблению силы притяжения согласного предыдущим гласным. В результате ослабленный гласный не способен удерживать последующие согласные, и слог становится открытым:

*н.-в.-нем. die Rin-ne – ст.-п. ry-na – бел. ры-на*

*н.-в.-нем. die Ras-se – пол. ra-sa, рус. pa-ca – бел. па-са.*

Таким образом, лексем немецкого происхождения подвергаются в белорусском языке значительным изменениям на сегментном и просодическом уровнях, в основе которых лежат различия фонетических систем контактирующих языков. Вхождение немецких лексем в белорусскую языковую систему облегчается их активной первичной ассимиляцией в языках-посредниках – польском или русском, при этом польский язык более активно участвует в ассимилятивных процессах, чем русский. Доля участия языков-посредников в ассимилятивных процессах максимальна для вокализма: практически каждое второе изменение в области гласных звуков в составе

<sup>1</sup>Общее количество лексем совокупной выборки составляет 1295 единиц.

<sup>2</sup>Включая случаи модификаций слоговой структуры в словах, заимствованных через языки-посредники.

немецких заимствований в белорусском языке восходит к формам, уже несколько изменившимся в языках-посредниках. Роль языков-посредников установлена и в консонантных модификациях: их участие в фонетическом освоении немецкой лексики белорусским языком проявляется в смягчении согласных (11 %), изменении способа (48 %) и места образования согласных. Почти в половине случаев первичную адаптацию в языках-посредниках проходят количественные и качественные параметры слоговой структуры заимствованных слов (увеличение/ уменьшение количества слогов этимонов, открытие/ закрытие слогов). Степень участия языков-посредников в изменении типа слогов составляет 43 %, в изменениях слогового объема их доля увеличивается до 45 %.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Топоров, В. Н.* Сравнительно-историческое языкознание / В. Н. Топоров // Лингвистический энциклопедический словарь / Совет. энцикл., Ин-т языкознания Акад. наук СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 486–490.
2. *Бодуэн де Куртенэ, И. А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
3. *Банщикова, М. А.* Заимствованные англоязычные профессионализмы как компонент профессионального жаргона в немецком рекламном медиадискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. А. Банщикова. – М., 2011. – 231 л.
4. *Омельченко, М. С.* Особенности функционирования заимствованной лексики в текстах СМИ: на материале текстов немецкоязычной прессы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М. С. Омельченко. – М., 2010. – 231 л.
5. *Кальчук, Т. А.* Исторические предпосылки проникновения немецких слов в белорусский язык / Т. А. Кальчук // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2004. – № 14. – С. 27–33.
6. *Кепещук, С. Ф.* Немецкие лексические заимствования как источник пополнения русского лексикона : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. Ф. Кепещук. – Тюмень, 2001. – 199 л.
7. *Садик, А. Х.* Лексические заимствования как средство обогащения и развития русского литературного языка в социолингвистическом освещении : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Х. Садик. – Липецк, 2005. – 289 л.
8. *Борисова, О. С.* Адаптация иноязычной лексики в системе языка и восприятие носителей (на материале лексики русского и китайского языков конца XIX – начала XXI вв.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. С. Борисова. – Бийск, 2009. – 231 л.
9. *Даўгулевiч, Н. М.* Фанетычная адаптацыя запазычанняў з англійскай мовы ў сучаснай беларускай мове : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Н. М. Даўгулевiч. – Мiнск, 2003. – 159 л.

10. *Ефименко, Т. М.* Роль иноязычной лексики в объективации взаимодействия картин мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. М. Ефименко ; Ин-т иностр. яз. Моск. гор. пед. ун-та. – М., 2009. – 25 с.
11. *Биржакова, Л. Э.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века : языковые контакты и заимствования / Л. Э. Биржакова. – Л. : Наука, 1972. – 431 с.
12. *Булыка, А. М.* Слоўнік іншамойных слоў : у 2 т. / А. М. Булыка. – Мінск: БелЭн, 1999. – 2 т.
13. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы : у 14 т. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства ; пад рэд. Г. А. Цыхуна.* – Мінск, 1978–2017. – 14 т.
14. *Русская грамматика : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.].* – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. С. Авилова [и др.]. – 783 с.
15. *Беларуская граматыка : у 2 ч. Ч. 1. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ім. Я. Коласа ; [рэд.: М. В. Бірыла, П. П. Шуба].* – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 431 с.
16. *Wierzchowska, B.* Fonetyka i fonologia języka polskiego / B. Wierzchowska. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Wydaw. PAN, 1980. – 188 s.
17. *Meinhold, G.* Phonologie der deutschen Gegenwartssprache / G. Meinhold, E. Stock. – 2., dg. Aufl. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 256 S.

*Поступила в редакцию 26.05.2023*

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.3.09Караткевич+821.131.1.09Эка

**Іконнікава Людміла Уладзіміраўна**

кандыдат філалагічных навук,  
вучоны сакратар філіяла “Інстытут  
літаратуразнаўства імя Янкі Купалы”  
Цэнтра даследаванняў беларускай  
культуры, мовы і літаратуры  
НАН Беларусі  
г. Мінск, Беларусь

**Liudmila Ikonnikava**

PhD in Philology, Scientific Secretary  
of the branch “The Yanka Kupala Institute  
of Literature Studies”  
The Center for Belarusian Culture, Language  
and Literature Research of the National  
Academy of Sciences of Belarus  
Minsk, Belarus  
litaratura@mail.ru

ГІСТАРЫЧНАЯ РЭАЛЬНАСЦЬ І МАСТАЦКАЯ ВЫДУМКА  
Ў ПРАСТОРЫ ЛІТАРАТУРНАГА ТВОРА  
 (“Імя Ружы” У. Эка і “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні” У. Караткевіча)

HISTORICAL REALITY AND FICTION IN THE CONTEXT  
OF A LITERARY WORK  
 (“The Name of the Rose” by Umberto Eco and “Christ Landed in Gorodnya”  
by Uladzimir Karatkievich)

Артыкул прысвечаны асэнсаванню пытання суб’ектыўнасці і аб’ектыўнасці гісторыі, а таксама аналізу суадносін у межах літаратурнага тэксту гістарычнай рэальнасці (факта гісторыі) і мастацкай выдумкі. Даследуюцца асноўныя тыпы гістарычнага пазнання. На аснове раманаў У. Эка і У. Караткевіча аўтар артыкула раскрывае асаблівасці падыходаў італьянскага і беларускага пісьменнікаў да асэнсавання і адлюстравання гістарычнага факта ў палатне мастацкага твора.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *гістарычны раман; гістарычная рэальнасць; гістарычны факт; мастацкая выдумка; У. Эка; У. Караткевіч.*

The article concentrates on the understanding of subjectivity and objectivity of history, as well as on the analysis of the correlation of historical reality (historical fact) and fiction within the literary text. The main types of historical cognition are examined. Based on the novels of Umberto Eco and Uladzimir Karatkievich the author of the article reveals the peculiarities of the Italian and Belarusian writers’ approach to the understanding and depiction of a historical fact in a work of fiction.

*Key words: historical novel; historical reality; historical fact; fiction; Umberto Eco; Uladzimir Karatkievich.*

Асэнсаванне гістарычнай рэальнасці заўсёды вылучалася актуальнасцю і вастрынёй. Вызначаецца яно таксама і тым, што гуманітарыстыка, у залежнасці ад галіны навукі (філасофія, літаратуразнаўства, гісторыя), па-рознаму ставіцца як да самой пастаноўкі праблемы, так і да яе разумення. Розныя погляды на сутнасць гістарычнай рэальнасці адрозніваліся ў залежнасці ад таго, якія ўяўленні (аб’ектыўныя або суб’ектыўныя) станавіліся падставай

для пазнання мінулага. Часцей за ўсё гісторыкі сваю асноўную мэту бачылі ў паказе аб'ектыўнасці гістарычнага працэсу і гістарычных ведаў; пры раскрыцці ж пытання аб'ектыўнасці гісторыі філосафамі і літаратарамі часта гублялася пэўнасць, і, адпаведна, узнікала праблема суб'ектыўнасці гістарычнага пазнання, што ў сваю чаргу выклікала пытанне аб суадносінах гістарычнага факта і выдумкі.

Натуральна, што як бы не імкнуліся гісторыкі да аб'ектыўнасці прадстаўлення мінулага, яны вымушаныя рэалізоўваць яе сродкамі суб'ектыўнасці, ці кагнітыўнымі метадамі і здольнасцямі, якія дапамагаюць ім скласці і ўпарадкаваць вобраз гісторыі. Так, з аднаго боку, В. Дзільтэй у сваіх “Накідах да крытыкі гістарычнага розуму” [1] вызначаў гісторыю ў якасці жыцця, як пастаянны працэс раскрыцця быцця людзей, звяртаючы ўвагу на іх перажыванні і пераацэнку каштоўнасцей. На думку навукоўцы, для таго каб з герменеўтычнага пункта гледжання зразумець гістарычную рэальнасць, трэба прымаць той факт, што падзеі мінулага ўнікальныя, непаўторныя, індывідуальныя. Усведамленню ж рэчаіснасці садзейнічаюць эмацыйныя (перажыванне) і моўныя (выраз) рэсурсы. Аднак гістарычная свядомасць, цалкам падуладная эмоцыям, выклікае скажэнне гістарычнай рэальнасці. Разам з тым, эмацыйнае ўяўленне гісторыі не з'яўляецца і ілжывым, паколькі гэта не хлусня, а ілюзорная форма ісціны. Зыходзячы з гэтага відавочна, што апісанне гістарычнага працэсу становіцца магчымым дзякуючы рацыянальным (логіка-лінгвістычным) рэсурсам нашага ўяўлення. В. Дзільтэй меркаваў, што ўяўленне чалавека настолькі шырока прадстаўленае дыскурсіўнымі сродкамі, што дазваляе ствараць пэўны аналітычны вобраз гісторыі і абагульняць гістарычны матэрыял. Адсюль вынікае, што пазнанне гістарычнай рэальнасці магчыма як пры дапамозе эмацыйнай свядомасці, так і рацыянальнага мыслення.

Мастацкая тэмпаральнасць гісторыі кожным пісьменнікам раскрываецца па-рознаму. Асабліва важна гэта ў перыяд станаўлення і развіцця жанру. На этапе фарміравання гістарычнай прозы, калі яшчэ не былі распрацаваны і выяўлены жанраўтваральныя адзнакі, мінулае малюецца кожным творцам адметна і непаўторна. У сваю чаргу сфармаваны жанр дае аўтару магчымасць выбару мастацка-гістарычных сродкаў, творчая камбінацыя якіх непасрэдна залежыць ад індывідуальнага стылю кожнага пісьменніка.

Н. І. Чорная, аналізуючы савецкую гістарычную раманістыку 1960–1970 гадоў, адзначае наступныя сродкі: прыёмы сувязі часоў, пераклічка гістарычных эпох і спыненне або накладанне розначасовых гістарычных пластоў, звязаны з гэтым ‘скразны вобраз’, які аднолькава належыць мінуламу, сучаснасці і будучыні; выкарыстанне пісьменнікамі летапісаў, якія выступаюць як сродак выкліку даверных адносін чытача, як пацвярджэнне гістарычнай асновы і як сродак аўтарытэтнага рашэння маральна-этычных і патрыятычных пытанняў. Акрамя таго, узнікае праблема асучаснівання гістарычных асоб; малавядомых гістарычных персанажаў; тых, хто не быў

зафіксаваны дакументальна, але рэальна існаваў і пакінуў яркі след у гісторыі; а таксама ‘выдуманых, але такіх, якія маглі існаваць, герояў, што ўяўляюць сабой сацыяльна і псіхалагічна распрацаваныя характары-тыпы, якія дзейнічалі ў пэўным канкрэтным часе і канкрэтна-гістарычнай абстаноўцы’ [2, с. 14]. Дадзеная пазіцыя даследчыцы супадае з меркаваннем У. Эка, які падкрэсліваў у ‘Нататках на палях «Імя ружы»’, што галоўнае ў паказе гістарычнай рэальнасці – стварэнне эпохі, у якой дзейнічаюць яе прадстаўнікі; сказанае якімі, нават калі яно не было зафіксавана, яшчэ не азначае, што не мела месца быць [3, с. 643].

І У. Эка, і У. Караткевіч плённа выкарыстоўваюць у сваёй творчасці выдумку, якая ўплятаецца настолькі натуральна, што гістарычная рэальнасць кампазіцыйна набывае выгляд мазаікі з перапляценнямі цытат з арыгінальных гістарычных крыніц (У. Караткевіч), альбо з упамінаннем гістарычных падзей і іх удзельнікаў, што пацвярджаецца дакументальна даследчыкамі-гісторыкамі (У. Эка). У творах прыкметы гістарычнай рэальнасці па-майстэрску раскрываюцца праз суадносіны літаральнага і фігуральнага (напрыклад, метафарычнага).

У дачыненні да выдумкі і гістарычнай рэальнасці ўсё залежыць ад таго, які бок пытання разглядаецца. Адныя прытрымліваюцца меркавання, што ў выдумцы ёсць толькі тое, што было раней у гістарычнай рэальнасці. Іншы ракурс сцвярджае наступнае: гістарычная рэальнасць змяшчае тое, што было выдуманна раней. Так, выдумка дазваляе ствараць розныя сцэнарыі пазнання гісторыі. І. А. Весялоўская вылучае тры тыпы фікцыянальнага дыскурсу гістарычнага пазнання: рэалістычны, фармальны і паэтычны [4, с. 19]. Любы рэалістычны дыкурс – аднаўленне гістарычнай рэальнасці, дзе пераважае падабенства і падобнасць. Такія прыкметы ў дадзеным тыпе фікцыі знаходзяць сваю рэалізацыю пры дапамозе прыёмаў пераймання (мімесіс), імітацыі. Яны ж садзейнічаюць стварэнню эфекту сапраўднасці гістарычнай рэальнасці, мінулых падзей (праўдзівасці фактаў гісторыі).

Асновай фармальнага тыпу з’яўляецца захаванне прадпісанняў логікі і лінгвістыкі пры пабудове гістарычных тэкстаў. У дадзенай разнавіднасці пераважаюць прыкметы адвольнасці, умоўнасці і канвенцыянальнасці. Рэалізацыя праўдападабенства выдумкі магчымая пры дапамозе ідэалізацыі і абстрагавання гістарычных тлумачэнняў або гістарычных апісанняў [4, с. 19]. Сур’ёзнасць і выразнасць іх формаў садзейнічае канструяванню пэўных гістарычных тэндэнцый, законаў або фактаў, а таксама – нормаў, каштоўнасцей і ідэалаў.

У аснове паэтычнага (або фігуральнага) тыпу знаходзіцца трансцэндэнтальная здольнасць уяўлення. Яна дае магчымасць пабудовы ўнутранай мадэлі анталагічнага пазнання. Разам з тым дадзеная здольнасць выступае сувязным звяном паміж чыстым мысленнем і чыстым сузіраннем. Уяўленне свабоднае ва ўспрыманні прадметаў і падзей, якія рэпрэзентуюцца незалежна ад таго існуюць яны ці не [4, с. 14]. Яшчэ адной яго адметнай рысай

з'яўляюцца ўласцівасці формаўтварэння, дзе ствараецца канструкцыя прадметнага ладу чаго-ці каго-небудзь. Такім чынам, уяўленне выступае ў ролі пасярэдніка, які звязвае мысленне і ўспрыманне. Яно ж выступае гарантам прадуктыўнасці і завершанасці пазнавальнага дзеяння.

У рамане і У. Эка, і У. Караткевіча злучаюцца ўсе тры тыпы гістарычнага пазнання, вылучаныя ў фікцыянальным дыскурсе І. А. Весялоўскай. Такую магчымасць пісьменнікам дае кампазіцыя і сюжэт. Увядзенне гістарычнай эпохі ў кантэксте яе сацыяльных калізій патрабавала ад мастакоў адпаведнай ідэйна-філасофскай і светапогляднай асновы, якая, у сваю чаргу, прыводзіла да ўзнікнення новых формаў пісьма, пашырала вобразна-семантычныя межы слова. У творах пісьменнікаў адбылася важная трансфармацыя ў адносінах аўтара да мінулага, яго адлюстравання і погляду на гісторыю. Гэтыя змены спарадзілі праблему мастацкага спасціжэння мінулага ў сучаснай літаратуры.

У мастацкай прасторы рамана “Імя ружы” можа вылучыць рэальны гістарычны канфлікт паміж германскім імператарам Людовікам Баварскім і авіньёнскім Папам Іаанам XXII. Перамовы, што вяліся і праваліліся ў манастыры, дзе якраз і разгортваецца асноўнае дзеянне рамана, былі адным з эпизодаў гэтага канфлікту. Разам з тым на старонках твора акрамя самога канфлікту згадваюцца і дзейнічаюць гістарычныя асобы: гэта не толькі Папа і імператар, але і Уберцін Казальскі, Міхаіл Цезенскі, Бернард Гі. Нават у Вільгельма, галоўнага героя рамана, маецца гістарычны прататып – гэта англійскі царкоўны навуковец Вільгельм (Вільям) Оккам. У героя і прататыпа супадаюць не толькі нацыянальнасць, імя, род заняткаў, але і некаторыя больш прыватныя факты біяграфіі.

Д. У. Затонскі, даследуючы гістарызм у творчасці італьянскага пісьменніка, прыводзіць словы прафесара Эрнста Фолмера, які мяркуе, што У. Эка ‘сярэднявечным матэрыялам валодае, але па-асабліваму: толькі як *мадэллю* або *прыкладам* <...> у “Імя ружы” дадзена *ўражлівая рэканструкцыя сярэднявечнай ментальнасці*’ [5, с. 18]. Але галоўнае ў іншым: Вільгельм – гэта як бы “‘наш чалавек у Сярэднявеччы’, а тым самым Сярэднявечча, у сваю чаргу, становіцца як бы ‘нашым’ ці дакладней ‘усеагульным’ – усеагульным станам і ўсеагульнай прасторай” [5, с. 18].

Сам У. Эка адрознівае тры спосабы аповеда пра мінулае, ці, па-іншаму, тры разнавіднасці гістарычнага рамана. *Першы* – *romance*, нешта міфагатычнае, дзе мінулае не больш чым *антураж*: “тут мінулае выкарыстоўваецца як антураж, як падстава, як фантастычная перадумова: серада, якая дае свабоду ўяўленню. Таму дзеянне *romance* не абавязкова павінна быць аднесена ў мінулае. Для гэтага дзеяння важна толькі разгортвацца не *цяпер* і не *тут*, а таксама каб пра *цяпер* і *тут* наогул нічога не гаварылася, нават алегарычна. Большая частка навуковай фантастыкі на самай справе *romance*. “*Romance*” – гэта апавесць пра *дзесьці*» [3, с. 641].

*Затым “раман плашча і шпагі” ў духу Дзюма, дзе на фоне квазі-гістарычных рэалій развіваецца выдуманая інтрыга, а героі – выдуманыя і сапраўдныя – дзейнічаюць толькі згодна агульначалавечым матывам: тут “выводзіцца мінулае сапраўднае, вядомае; яго пазнавальнасць забяспечваецца наяўнасцю персанажаў, узятых з энцыклапедыі (Рышэлье, Мазарыні), якія тут робяць тое, што не зафіксавана ў энцыклапедыі (інтрыгі з Мілэдзі, супрацоўніцтва з нейкім Банасье), але і не супярэчаць таму, што сказана ў энцыклапедыі. Вядома, гэтыя гістарычныя персанажы павінны адпавядаць дадзеным гістарыяграфіі і рабіць тое, што яны ў рэчаіснасці рабілі” [3, с. 641].*

*Трэці – раман уласна-гістарычны, дзе героі не абавязкова жылі на самай справе, затое здзейсненыя імі дзеянні маглі быць толькі там і тады: “усе ўчынкi герояў неабходныя для таго, каб мы лепш зразумелі гісторыю – зразумелі тое, што было на самай справе. Падзеі і персанажы выдуманыя. Але пра Італію адпаведнага перыяду яны распавядаюць тое, што гістарычныя кнігі, з такой пэўнасцю, да нас проста не даносяць. У гэтым сэнсе я безумоўна пісаў гістарычны раман. І не таму, што рэальныя асобы Уберцін і Міхаіл павінны былі ў мяне казаць прыкладна тое ж, што яны казалі на самай справе. А таму, што і выдуманыя персанажы нахшталт Вільгельма павінны былі казаць менавіта тое, што яны казалі б, калі б жылі ў тую эпоху” [3, с. 642].*

Раман “Імя ружы”, як і адзначае яго аўтар, адпавядае трэцяй разнавіднасці. Пісьменнік выразна прамалёўвае мяжу суадносін гістарычнага факта і выдумкі. У аснову апавядання ўводзяцца гістарычныя факты і асобы, але аснову сюжэта складае цалкам прыдуманая гісторыя (падзеі ў абацтве), якая магла б мець месца ў рэальнасці XIV стагоддзя. Выдумка дае магчымасць мастаку даследаваць не толькі асобу ва ўмовах Сярэднявечча, але і фантастычны экстрэмізм рэнесанснага чалавекабожжа.

Такім чынам, У. Эка, прафесійны гісторык-медывіст, з веданнем справы ўзнаўляе эпоху позняга Сярэднявечча, адлюстроўваючы жорсткую сутычку веры, забабонаў, асабістых інтарэсаў, кашмараў інквізіцыі, крывадушнасці і ханжаства. Манастыр з яго ўнікальнай бібліятэкай арганічна ўпісаны ў тагачасныя рэлігійна-свецкія адносіны, у своеасаблівую сістэму «правапарадку», для якога Веды, што захоўваюцца бібліятэкай, – сімвал боскага адкрыцця. Вільгельм, які шукае злачынцу, шукае на самай справе ісціну, спрабуе зразумець сутнасць рэчаў.

Свой раман “Хрыстос прызямліўся ў Гародні” У. Караткевіч насычае вялікай колькасцю вытрымак з гістарычных летапісаў і хронік: ім выкарыстаны “Хроніка Белай Русі” Мацея Стрыкоўскага, творы Францыска Скарыны, сярэднявечны беларускі Апокрыф, загад аб прытворшчыках, вытрымка з апокрыфаў, Апакаліпсісу, Евангелля ад Лукі, Яна, Мацвея, першая кніга Царстваў, другога паслання карынфянам, пасланне рымлянам, пасланне апостала Іуды. Як адзначае А. У. Русецкі, “многія месцы ў рамане, асабліва тыя, дзе Іуда і Багдан Роскаш – людзі, якія нібыта самі былі сведкамі гародзенскай Хрыстовай ‘адысеі’, стварылі асабісты летапіс аб яго цудах

(“Слова двух сведкаў”), палемізуюць з летапісцам Андронікам Лагафілам з Буйнічаў Магілёўскіх ды Варламам Аршанскім, цалкам вытрыманы ў стылі славянскіх хронік і летапісаў” [6, с. 49].

Тым не менш, прамога ўказання на час дзеяння ў рамане няма, яго можна вызначыць толькі пры дапамозе супастаўлення шэрага фактаў, звязаных з імем канкрэтнай гістарычнай асобы, якая з’яўляецца носбітам інфармацыі. У. Караткевіч у розных сітуацыях называе больш за сотню імёнаў навукоўцаў, палітыкаў, літаратараў, мастакоў, рэлігійных дзеячаў. Адпаведна аналізуючы сувязі персанажаў можна выбудаваць часавую (гістарычную) мадэль. Чым і зоймемся. Хрыстос – Братчык – з’явіўся ў Гродне “на пачатку панавання таго Жыкгімонта Першага” [7, с. 2]. Вядома, што кіраванне дадзенага караля прыпадае на перыяд з 1506 па 1548 гады. Згадваецца каралева Бона, якая стала жонкай Жыгімонта ў 1518 годзе, гаворыцца, што ў Ватыкане на троне быў Леў X (1513–1521 гг.), а таксама ўдакладняецца, што ўжо памёр Леанарда Да Вінчы (1519 г.). Такім чынам, час дзеяння ў рамане можа быць суаднесены з 1520–1521 гадамі. Як сцвярджае А. Станкевіч, “аўтар здымае прамую магчымасць канкрэтнай даціроўкі, і робіцца гэта таксама праз сістэму антрапонімаў: так адзін з цэнтральных персанажаў рамана – слава і гонар Гродна, вялікі гуманіст Бекеш, у рамане юнак, але рэальны Каспар Бекеш у 1520 годзе толькі з’явіўся на свет. Такім чынам, для Караткевіча дакладная гістарычная даціроўка не такая важная (хоць ён і пісаў гістарычны раман), галоўным было ўзнаўленне атмасферы еўрапейскага рэнесанснага пералому” [8, с. 78]. Такім жа прынцыпам пры напісанні рамана кіруецца і У. Эка, што дае нам падставы казаць пра падабенства падыходаў да гістарычнага матэрыялу і яго творчае выкарыстанне для напісання твораў, дзе галоўнай мэтай было не прытрымлівацца пэўных і дакументальна зафіксаваных падзей, а перадаць эпоху і асобу дадзенага канкрэтнага перыяду.

Сам жа У. Караткевіч у адным са сваіх інтэрв’ю прызнаваўся: “На гістарычных сюжэтах я ствараю сваю матрыцу будучага. Калі ты ў пэўнай сітуацыі калісьці зрабіў так, а не інакш, то і праз сто, тысячу гадоў ты ў падобных абставінах зробіш у нечым падобны ўчынак. Кожны гістарычны сюжэт – гэта адкрытая размова з сучаснікамі. А дзе яшчэ можна паказаць так поўна чалавека, што стаіць перад выбарам, кім яму быць, калі не на фоне гісторыі, вайны, экстрэмальных умоў, у якія трапляе гэты чалавек і праяўляецца ўвесь да канца, да тых рыс характару, якія ён, можа, і сам не падазраваў у сабе?” [9, с. 6].

М. А. Дабралоубаў адзначаў, што задача гістарычнага раманіста заключаецца ва ўнясенні ў гісторыю сваёй выдумкі, але выдумка гэта павінна быць заснавана на гісторыі, выводзіцца з натуральнага ходу падзей і быць непарыўна звязанай з гістарычным апавяданнем. Гэтая задача была ў поўнай меры рэалізаваная і У. Караткевічам, і У. Эка. Раман “Хрыстос прыямліўся ў Гародні” – гэта праўдзівае адлюстраванне жыцця і побыту сярэднявечнага беларуса, своеасаблівы дапаможнік па этнаграфіі народа. Акрамя гэтага

ў творы ўзгадваюцца рэальныя бітвы пад Крычавам і Крутагор'ем з татараманголамі, а таксама вялікі голад у Гродзенскай зямлі ў XVI стагоддзі. Да трактавання сваіх персанажаў У. Караткевіч падыходзіць у залежнасці ад агульнай задачы твора, адыходзячы, калі трэба, ад гістарычнай дакладнасці, але героі рамана жывуць у сваім часе, думаюць і дзейнічаюць адпаведна сацыяльным, рэлігійным, маральным законам і нормам грамадства таго гістарычнага перыяду.

Асаблівае значэнне для стварэння гістарычнага праўдападабенства маюць уведзеныя ў кантэкст твора ўрыўкі з летапісаў і хронік. Беларускі пісьменнік адзначаў: “Я не магу абакрасці вас, зрабіць вас бяднейшымі, адабраўшы ў вас гэтую маленькую жамчужыну, згубленую ў старой пыльнай кнізе. І адначасова гонар мой не дазваляе мне выдзерці кавалак з “Кронікі Бelay Русі” і паднесці яго вам як сваё. Таму буду казаць я, а там, дзе слабы будзе мой язык, я дам словы летапісцу, які наблытаў і сям-там нахлусіў, але застаўся геніем стылю, геніем мовы, геніем хітрай іроніі і сонечнага гумару” [7, с. 302].

Такім чынам, можна сцвярджаць, што раман “Хрыстос прыязмліўся ў Гародні” вызначаецца рэалістычным падыходам да адлюстравання гісторыі, што звязана з шырокім выкарыстаннем гістарычных дакументаў, летапісаў, хронік, вуснай народнай творчасці, увядзеннем у палатно мастацкага твора падзей і імёнаў рэальна існаваўшых людзей. Пісьменнік пры дапамозе тыповых карцін жыцця беларусаў у познім Сярэднявеччы стварае своеасаблівую мастацкую энцыклапедыю побыту народа, яго этнаграфіі, фальклору, абуджае цікавасць сучаснікаў да вывучэння роднай гісторыі, мовы, культуры. Абодва пісьменнікі ў сваім апавядзе зыходзяць з прынцыпу праўдападабенства, гэта значыць з таго факта, ці ўласцівы дзеянні героя дадзенай эпосе ці не, ці магло ў прынцыпе нешта падобнае адбыцца з тым ці іншым персанажам, улічваючы пры гэтым як норавы і законы эпохі, так і псіхалогію героя. Таму ў абмалёўцы сістэмы вобразаў у раманах важна не тое, што мела месца ў рэчаіснасці, а стварэнне дакладнага гістарычнага партрэта асобы і перадача агульнага каларыту эпохі.

## ЛІТАРАТУРА

1. *Дильтей, В.* наброски к критике исторического разума / В. Дильтей ; перевод А. П. Огурцова // Вопросы философии. – 1988. – №4. – С. 135–152.
2. *Черная, Н.* Позиция писателя и развитие романских форм / Н. Черная. – Киев : Наук. думка, 1990. – 160 с.
3. *Эко, У.* Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко // Имя розы. Роман. Заметки на полях «Имени розы». Эссе / У. Эко / Перев. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб., 1997. – С. 596–644.
4. *Веселовская, И. А.* Историческая реальность и вымысел : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / И. А. Веселовская ; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2003. – 25 с.

5. *Затонский, Д. В.* Модернизм и постмодернизм: Мысли об извечном коловращении изящных и неизящных искусств / Д. В. Затонский. – Харьков : Фолио; М. : ООО «Издательство АСТ», 2000. – 256 с.
6. *Русецкі, А.* Уладзімір Караткевіч: праз гісторыю ў сучаснасць : Нататкі літаратурнай творчасці / А. Русецкі. – Мінск : Маст. літ., 1991 – 287 с.
7. *Караткевіч, У.* Хрыстос прыязміўся ў Гародні: Евангелле ад Іуды : раман / У. Караткевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1972 – 468 с.
8. *Станкевич, А.* Ренессансный код в романе В. Короткевича «Христос приземлился в Гродно» / А. Станкевич // Автор как проблема теоретической и исторической поэтики : сб. науч. ст. в 2 ч. – Ч. 1 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол. : Т. Е. Автухович (отв. ред) [и др.]. – Гродно, 2008. – С. 77–88.
9. *Караткевіч, У.* Любую справу рабіць хвацка : з У. Караткевічам гутарыла Р. Станкевіч / У. Караткевіч // ЛіМ. – 1982. – 3 снежня. – С. 6.

*Поступила в редакцию 24.05.2023*

**Серова Ангелина Сергеевна**  
магистр переводоведения,  
преподаватель кафедры теории  
и практики китайского языка  
Минский государственный  
лингвистический университет  
г. Минск, Беларусь

**Angelina Serova**  
MA in Translation, Lecturer of the  
Department of Theory and Practice  
of the Chinese Language  
Minsk State Linguistic University  
Minsk, Belarus  
Angelina\_Serova@hotmail.com

**Минина Виктория Генриховна**  
кандидат филологических наук, доцент,  
доцент кафедры теории  
и практики перевода № 1  
Минский государственный  
лингвистический университет  
г. Минск, Беларусь

**Viktoria Minina**  
PhD in Philology, Associate Professor,  
Associate Professor of the Department  
of Theory and Practice of Translation  
Minsk State Linguistic University  
Minsk, Belarus  
victoriaminina@gmail.com

## ЭЛЕМЕНТЫ АНТИУТОПИИ В РОМАНАХ К. ИСИГУРО «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ» И «КЛАРА И СОЛНЦЕ»

### ELEMENTS OF THE DYSTOPIAN GENRE IN K. ISHIGURO'S NOVELS "NEVER LET ME GO" AND "KLARA AND THE SUN"

В статье рассматривается специфика жанра антиутопии, к характерным чертам которой в том числе относятся кастовая система, ритуализация жизни внутри системы, локализация действий в ограниченном замкнутом пространстве и времени, отстраненность от прошлого и будущего, конфликт личности со средой, деперсонализация личности и др. Авторами проанализированы романы К. Исигуро «Не отпускай меня» и «Клара и Солнце», в которых выявлены типичные признаки жанра антиутопии.

Ключевые слова: *антиутопия; жанровая специфика; жанрово-стилистические особенности; современная британская литература; роман-антиутопия; К. Исигуро; «Не отпускай меня»; «Клара и Солнце».*

The article discusses the peculiarities of the dystopian genre, the key features of which may include class system, the ritualization of life within a system, the localization of actions in a limited and closed space and time, detachment from the past and future, the conflict of the individual with the environment, depersonalization of the individual, etc. The authors analyze K. Ishiguro's novels "Never Let Me Go" and "Klara and the Sun", revealing in them the typical features of the dystopian genre.

Key words: *dystopia; genre peculiarity; genre and stylistic features; contemporary British literature; dystopian novel; K. Ishiguro; "Never Let Me Go"; "Klara and the Sun".*

Жанр антиутопии имеет в английской литературе довольно долгую историю. Он ведет свою генеалогию от «Путешествий Гулливера», где Дж. Свифт подвергает сомнению веру своих предшественников Т. Мора и Ф. Бэкона в счастливое будущее человечества. В современной британской литературе в этом жанре творят Дж. Ффорде, К. Томас, П. Несс, К. Фишер, Дж. Ланчестер, Д. Митчелл, К. Исигуро.

*Антиутопия* – жанр художественной литературы, представляющий собой описание автором мрачного, деструктивного будущего общества, в котором социальное устройство достигает высшей точки своего негативного потенциала [1; 2]. Жанровое своеобразие антиутопии формируется на базе жанровой специфики утопии и схоже с ней своими устойчивыми признаками. Однако резкая, открытая критика общества в настоящем и негативистский подход к будущему формируют особые черты, выделяющие антиутопию на фоне других жанров художественной литературы. Выделяются следующие жанрово-стилистические особенности произведений антиутопии: система власти, которая держится на страхе людей; ритуализация жизни внутри системы; локализация действий в ограниченном замкнутом пространстве; отстраненность от прошлого и будущего; конфликт личности со средой; общая деперсонификация личности внутри системы; относительная статичность модели мира; нарушение индивидуальных прав и свобод личности; социальная несправедливость; трафаретность микрсюжетов; предупреждение об опасностях будущего; жестокость, насилие и репрессии, которые используются для поддержания контроля над населением; превращение власти в открытое насилие над личностью; описание невозможности изменить общественную структуру и трагического исхода для героя [3; 4; 5; 6; 7].

Цель антиутопических произведений может варьироваться, но в основном – это желание предупредить, предостеречь, заставить задуматься и вызвать на диалог современное общество. Британского писателя японского происхождения Кадзуо Исигуро (р. 1954), нобелевского лауреата 2017 г., можно заслуженно назвать одним из известнейших современных писателей-антиутопистов. Уникальность его поэтики, характеризующейся смешением японских мотивов и британской консервативности, имплицитная эмоциональность, а также радикальность его идей не только увлекла читателей по всему миру, но и шокировала их, заставив серьезно задуматься о грядущем.

К наиболее сенсационным произведениям К. Исигуро можно отнести романы «Не отпускай меня» («Never Let Me Go», 2005) и «Клара и Солнце» («Klara and the Sun», 2021), в которых в традиционной для писателя манере повествования от первого лица рассказывается о жизни таких внешне непохожих, но одинаково угнетенных обществом героев, как клон Кэтти Ш. и робот Клара, наделенный искусственным интеллектом. Жанровая неопределенность романов, о которой говорит сам автор во множестве интервью [8], предоставляет широкое поле для их анализа. Такой подход к написанию произведений позволил К. Исигуро снять жанровые ограничения при восприятии текста читателем, создать свободу в интерпретации произведения как на смысловом, так и на эмоциональном уровнях.

Анализируя роман «Не отпускай меня», В. Г. Минина прослеживает в нем следующие классические черты жанра антиутопии, которые в своих теоретических исследованиях описывают ученые и наличие которых позволяет отнести произведение литературы к антиутопическому: контраст между

обыденностью и антигуманностью происходящего, предсказание возможного отрицательного развития общества (признаки, которые, по мнению А. Зверева, отличают жанр антиутопии от других) [6, с. 338], полное подчинение личности государству/вышестоящим; обезличивание личности, дистанция между людьми, находящимися на различных ступенях социальной иерархии (жанровые характеристики антиутопии по Ю. Б. Бореву) [1, с. 31–32]; контроль и программирование социальных и индивидуальных действий (по классификации А. Н. Воробьевой) [5, с. 5]; изобличение мира изнутри – «через сознание и чувства отдельного человека», который испытывает законы бездушного мира на себе (по Н. С. Гребенниковой) [9, с. 73]. Приемами, характерными для антиутопии, в романе также являются антиципации и использование образов-символов [10].

В рамках данного исследования мы обратимся к рассмотрению в романах К. Исигуро таких элементов антиутопии, как изображение социального неравенства, которое держится на страхе людей, ритуализация жизни, локализация действий в ограниченном замкнутом пространстве, отстраненность от прошлого и будущего, конфликт личности и социума и пр.

Элементы социального неравенства широко представлены и четко прослеживаются в обоих романах, проявляются в отношении к изолированным классам – клонам и Искусственным Подругам/Искусственным Другам (ИП/ИД), которое заключается в одновременном отрицании человеком их разумности и страхе перед их нечеловеческим совершенством: *Растить доноров для медицины, таких как вы, это одно. Но поколение искусственных детей, которые займут лучшие места в обществе? Детей, намного превосходящих всех конкурентов? Ну нет. Людей это испугало. Они с ужасом отшатнулись* [11, с. 318], – пишет автор в романе «Не отпускай меня». Вот как это происходит в романе «Клара и Солнце»: *Люди говорят, что вы, дескать, стали слишком умными. Боятся, потому что уже не могут уследить за тем, что делается у вас внутри* [12, с. 338]. Система порождает потребительское отношение к клонам и ИД/ИП, любые попытки обратить внимание на их человечность так или иначе пресекаются: слух о возможной отсрочке для доноров оказывается ложным, а ИП Клара оказывается на свалке.

В романе «Клара и Солнце» общество разделено на категории (англ. *types*) людей, которые выделяются за счет своего внешнего вида: *Мама была офисная сотрудница, и по туфлям и костюму мы видели, что хорошего уровня* [12, с. 12]. Отдельную категорию составляют люди, попавшие под так называемые замены (англ. *substitutions*), они образуют свои собственные сообщества, которые дискриминируются остальными. Это можно понять из диалога отца Джози с матерью ее друга детства Рика: *Простите меня великодушно, Пол, – сказала мисс Хелен, – за то, что я вас и ваших друзей назвала фашистами* [12, с. 266]. В сконструированном автором постиндустриальном обществе распространена процедура форсирования (т.е. гене-

тического улучшения человека) (англ. *lifting*), на которую несмотря на то, что она не является обязательной, многие родители, в том числе и мама Джози, вынуждены соглашаться из страха за полноценное будущее своего ребенка: *Я хотела для нее лучшего. Хотела, чтобы у нее была хорошая жизнь. Понимаешь, Клара? Я решилась, и вот Джози больна* [12, с. 244]. Нефорсированным детям закрыт доступ к образованию и прочим социальным благам: *А я недоумок, которого даже не форсировали* [12, с. 165], – с горечью говорит о себе Рик.

Другой типичной чертой антиутопического произведения выступает ритуализация жизни внутри системы. Так, показательной с точки зрения антиутопического ритуала является жизнь клона Кэти Ш. в школе для подготовки доноров Хэйлшем. Дети, разделенные на классы в зависимости от возраста, живут в мире, созданном для них опекунами. Дни четко структурированы школьным расписанием: *Наш день в Хейлшеме всегда начинался с общего собрания, которое обычно было довольно коротким – несколько объявлений, потом, может быть, кто-то из воспитанников читал стихотворение* [11, с. 55]. Сама жизнь в школе характеризуется рядом правил: запрещено покидать территорию школы; *девочкам после девяти вечера не разрешалось заходить в спальни к мальчикам, и наоборот* [11, с. 117]; необходимо следить за своим здоровьем: *здоровьем мы не имеем права бросаться* [11, с. 106]; каждый ученик обязан предоставлять свои творческие работы на Ярмарку. Ряд негласных правил, которые определяют своего рода социальные нормы, также можно заметить и среди воспитанников, например: *после двенадцати-тринадцати нехорошо было так явно показывать свое нетерпение* [11, с. 53] или *попросить меня при всех о разговоре наедине значило поставить меня в неловкое положение* [11, с. 106].

Работа существующей ритуализированной системы контролируется старшей опекуницей Мисс Эмили, которая своим интеллектом и проницательностью вселяет в воспитанников страх и уважение: *Но, если оказывалось, что приближается мисс Эмили, сердце у тебя падало, потому что она всегда знала, где ты прячешься. Какое-то шестое чувство ей подсказывало. К примеру, ты залезла в стенной шкаф, плотно закрыла дверь, ни один мускул у тебя не дрогнет, и все равно мисс Эмили остановится у шкафа и ее голос скажет: «Так. Выходи»* [11, с. 56–57].

Локализация действий в ограниченном замкнутом пространстве – еще одна характеристика антиутопии. Оба мира – клона Кэти Ш. и искусственной подружки Клары – на разных этапах их жизни локализованы в пространстве в большей или меньшей степени. Так, наиболее ярко пространственная локализация мира Кэти Ш. выражена в ее детские годы: в Хэйлшеме не только существуют правила на этот счет, но и физически школа ограничена забором. Упоминание этого можно найти в легенде о девочке, которая перелезла через забор посмотреть, что там снаружи, и когда она попросилась

обратно, ее не пустили: так она и ходила вокруг забора, умоляя, чтобы ей разрешили вернуться, но ей не разрешили. В конце концов она отправилась куда-то еще, там с ней что-то произошло, и она умерла. Но ее призрак все время бродит по лесу, смотрит на Хейлишем и тоскует о нем [11, с. 64]. Грань между внешним миром и миром внутри школы проводится и самими воспитанниками: Там, снаружи, они всем торгуют [11, с. 40], она с нами не разговаривала и своей прохладной манерой держала нас на расстоянии [11, с. 43].

Подобное разделение между *снаружи* и *внутри* можно наблюдать и в романе «Клара и Солнце», особенно во время пребывания Клары в магазине: *Отчасти это объяснялось тем, что представлять магазин наружному миру, по словам Администратора, «особая честь»* [12, с. 14]; *наружные дела* [12, с. 38]; *ведь тебе так всегда интересно, что делается снаружи* [12, с. 48].

По окончании школы/покупке из магазина Кэти Ш. и Клара имеют большую свободу передвижений, однако их жизнь все равно остается привязанной к определенным местам, которые навязываются им системой. Так, Кэти Ш. переезжает в Коттеджи, которые представляют собой остатки фермы, находящейся далеко от города, т. е. локально изолированной от общества. Несмотря на то, что донорам позволено покидать территорию Коттеджей, их свобода условна, поскольку их настоящим пунктом назначения остаются реабилитационные центры и больницы, где они будут доживать свою жизнь.

ИП Клара, в свою очередь, ограничена в перемещениях выбором ее хозяев, проводя свое основное время в загородном доме подростка Джози. Это можно узнать из диалога Джози с Klarой, когда Клара впервые выходит во внешний мир: *Ну что, Клара. Даже не верится, что ты столько у нас прожила и ни разу не выходила. / Да, я никогда не была снаружи. Джози посмотрела на меня секунду-другую, потом спросила: Ты хочешь сказать, что никогда вообще снаружи не была? Не только здесь, но совсем нигде? / Да, это так. Я была в магазине. Теперь я здесь* [12, с. 72]. Конечным же пунктом пребывания Клары оказывается свалка, покинуть которую в принципе невозможно, так как Клара уже не в состоянии двигаться: *Хотя передвигаться с места на место я не способна, я с легкостью могу поворачивать голову и смотреть во все стороны* [12, с. 345].

Еще одна черта романа-антиутопии – отстраненность от прошлого и будущего. «Время в антиутопии живет по своим собственным законам. Оно не исторично», пишет российская литературовед С. Г. Шишкина [13, с. 206]. События романов разворачиваются в отдаленном будущем в век высоких технологий, где клонирование людей и приобретение изделий с искусственным интеллектом для того, чтобы скрасить одиночество, являются обыденными вещами. К. Исигуро не приводит конкретных дат и не дает отсылок

на какие-либо реальные исторические события. Повествование в форме дневника перемешивает прошлое и настоящее главных героев, создавая своего рода параллельное измерение воспоминаний, никак не связанное с текущим положением дел в данной модели мира или с ее будущим.

В сочетании с другими признаками антиутопии одним из жанрообразующих элементов также выступает конфликт личности со средой. Одна из основных особенностей рассматриваемых романов, отличающих их на фоне других антиутопий – явное наличие борьбы с существующей системой. Но это не борьба главных героев, принимающих свою судьбу такой, какая она есть, а людей, с которыми они прямо или косвенно взаимодействуют. Так, основным антагонистом системы в романе «Не отпускай меня» в совокупности выступают люди, которые стали задумываться о вопросах гуманности выращивания клонов как материала для медицины. Вместе они создали собственную схему подготовки доноров, в рамках которой старались раскрыть творческий, интеллектуальный и эмоциональный потенциал воспитанников: *Вместе мы образовали маленькую, но очень активную группу, которая оспорила всю прежнюю систему подготовки доноров. Самое важное мы показали миру, что, если воспитанники растут в гуманной и цивилизационной обстановке, они способны стать такими же восприимчивыми и разумными, как любые обычные люди* [11, с. 314].

Элементом конфликта личности со средой, на первый взгляд проявляющемся в нежелании жертвовать своими органами и умирать, некоторые литературоведы восприняли отсрочку (англ. *deferral*), которой пытались добиться Кэти Ш. и Томми [13]. Тем не менее, отсрочка никогда не позиционировалась героями как шанс к спасению или способ показать свое недовольство, а скорее как возможность познать о мире и любви больше, чем они могут успеть за отведенное им время. Общее же настроение по поводу донорства среди клонов можно охарактеризовать следующей репликой Рут: *Когда пришло время донорства, я была к этому готова. Чувствовала, что так и должно быть. В конце концов, нам же положено ими становиться, правда?* [11, с. 272]. В романе «Клара и Солнце» никаких попыток со стороны искусственного интеллекта постоять за свои права также нет; наоборот, Клара на протяжении всего романа в точности исполняет то, что ей велят: *Я тоже была на кухне...стояла в полутьме лицом к холодильнику* [11, с. 79].

Противостояние в обществе ведется сложившимися в силу обстоятельств изолированными социальными группами, к которым в том числе относится отец Джози и которые стараются показать, что жизнь вне системы может быть более счастливой: *Нам всем сейчас стало ясно, что есть много разных способов вести достойную жизнь* [12, с. 265]. Кроме этого, они пытаются предупредить о порождаемой системой опасности: *Я не говорю, что вы прямо сейчас в опасности, но надо думать загодя* [12, с. 270].

Последним из рассмотренных нами признаков антиутопического произведения является общая деперсонализация личности внутри системы. Вопросы личности раскрываются в романах через призму объективизации разумных существ и потребительского отношения к ним. Так, в отношении доноров это проявляется в старательном игнорировании человеческого начала в клонах: *поэтому вас постарались упрятать подальше, и люди долго делали все возможное, чтобы поменьше о вас думать. А если все-таки думали, то пытались убедить себя, что вы не такие, как мы* [11, с. 316].

В ИД и ИП некоторые взрослые видят устройство для помощи своим детям, поэтому к их покупке относятся как к покупке телефона, опираясь на новизну модели и технические характеристики: *Б2, третья серия. У них, кажется, есть проблемы с солнечной подпиткой?* [12, с. 13]. Другие испытывают к роботам открытую неприязнь, называя их машинами: *Мы хотели узнать не собираетесь ли вы вести эту машину в театр* [12, с. 276]. Третьи и вовсе их боятся, потому как не понимают принципов их работы: *Они согласны с тем, что ваши решения, ваши рекомендации здравы и надежны, почти всегда правильны. Но им не нравится, что они не знают, как вы их вырабатываете. Вот откуда это идет – этот отказ, этот предрассудок* [12, с. 338].

Тем не менее и доноры, и ИП/ИД постоянно проявляют себя как личности. Клоны на протяжении всего романа предстают перед нами как глубоко мыслящие и чувствующие существа, способные к созданию произведений искусства, к глубоким разговорам о литературе и музыке. ИП Клару автор рисует как чистое, невероятно пронизательное, стремящееся к познанию создание. Сама ее вера в доброту Солнца доказывает, что она умеет отличать добро от зла, радость от грусти, чувствовать надежду, вину, предвкушение и прочие характерные для человека эмоции. Это можно увидеть в том, как Клара выражает свои мысли: *я чувствовала себя виноватой, я сама виновата, я счастлива, мне нравится, я была удивлена* [12]. Она также склонна к самопожертвованию. Однако тот факт, что донорство так и остается обыденным явлением, а работа Клару отправляют на свалку, доказывает, насколько глубоко отрицание обществом даже возможности наличия у клона или робота своего «я» и насколько слеп остается человек к окружающим его личностям.

Специфика романов обусловлена контрастом между трогательной человечностью образов клонов и андроидов и страшной бесчеловечностью их судьбы. Несовпадение роли «неодушевленного биоматериала» [14, с. 33], отведенной героям в обществе, с человечностью и глубиной их самоощущения придает повествованию особый трагизм. Он акцентируется субъектной организацией текста – наделением словом персонажа, который с точки зрения общественной морали не считается человеком и не имеет права голоса.

Помимо вышеперечисленных черт антиутопии, романам К. Исигуро «Не отпускай меня» и «Клара и Солнце» присущи относительная статичность мироустройства, которая проявляется в отсутствии каких-либо изменений в обществе на протяжении всей истории жизни главных героев, а также описание невозможности изменить общественную структуру и трагического исхода для героев, которые терзаются сомнениями по поводу разумности существующей системы мироустройства, но не могут ее изменить, являясь одновременно ее порождением и заложниками.

Таким образом, стоит отметить, что романы «Не отпускай меня» и «Клара и Солнце» содержат в себе такие черты романа-антиутопии, как изображение общества, построенного на социальном неравенстве и жестко регламентированной классовой системе, деперсонализация личности внутри этой системы, проблемы социальной несправедливости, нарушения индивидуальных прав и свобод личности, локализация действий в ограниченном пространстве. Это романы-предупреждения, содержащие мрачный прогноз одного из путей развития человечества.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Борев, Ю. Б.* Эстетика. Теория литературы : энцикл. слов. терминов / Ю. Б. Борев. – М : Астрель ; АСТ, 2003. – 575 с.
2. *Демидова, О. Р.* Зеркало (анти)утопии / О. Р. Демидова // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2020. – №3. – С. 94–104.
3. *Борисенко, Ю. А.* Риторика власти и поэтика любви в романах-антиутопиях первой половины XX века (Дж. Оруэлл, О. Хаксли, Е. Замятин) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Ю. А. Борисенко. – Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2004. – 190 л.
4. *Вежлева, О. В.* Антиутопия как литературный феномен в художественной системе реализма (к вопросу о творческом методе антиутопии) / О. В. Вежлева // Весн. Беларusk. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2007. – № 2. – С. 28–33.
5. *Воробьева, А. Н.* Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / А. Н. Воробьева. – Саратов, 2009. – 25 с.
6. *Зверев, А.* Зеркала антиутопий / А. Зверев // Антиутопии XX века: Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл. – М. : Кн. палата, 1989. – С. 336–349.
7. *Юрьева, Л. М.* Русская антиутопия в контексте мировой литературы / Л. М. Юрьева. – М. : ИМЛИ им А. М. Горького РАН, 2005. – 320 с.
8. *Gross, T.* Kazuo Ishiguro draws on his songwriting past to write novels about the future [Electronic resource] / T. Gross. – Mode of access: <https://www.npr.org/2021/03/17/978138547/kazuo-ishiguro-draws-on-his-songwriting-past-to-write-novels-about-the-future>. – Date of access: 05.10.2022.

9. *Гребенникова, Н. С.* Зарубежная литература. XX век : учеб. пособие по курсу «История зарубежной литературы XX века». – М. : Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1999. – 128 с.
10. *Минина, В. Г.* Антиутопическая картина мира в романе К. Ишигуро «Не отпускай меня» / В. Г. Минина // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2010. – № 6 (49). – С. 175–182.
11. *Исигуро К.* Не отпускай меня / К. Исигуро ; [пер. с англ. Л. Мотылева]. – М. : Эскмо, 2021. – 352 с.
12. *Исигуро, К.* Клара и Солнце / К. Исигуро ; [пер. с англ. Л. Мотылева]. – М. : Эскмо, 2021. – 352 с.
13. *Шишкина, С. Г.* Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра / С. Г. Шишкина // Вестн. гуманит. ин-та ИГХТУ. – 2007. – № 2. – С. 199–208.
14. *Морженкова, Н.* Особенности повествовательной структуры в романе К. Исигуро «Не отпускай меня» / Н. Морженкова // Тропа. Современная британская литература в российских вузах. – Пермь : ГУОВПО «Пермский государственный университет», 2008. – Вып. 2. / науч. ред. К. Хьюитт [и др.]. – С. 32–41.

*Поступила в редакцию 30.05.2023*

**Вольга Афанасьёўна Судлянкова**  
кандыдат філалагічных навук,  
прафесар кафедры замежнай літаратуры  
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт  
г. Мінск, Беларусь

**Volha Sudliankova**  
PhD in Philology, Professor  
Professor at the Department  
of World Literature  
Minsk State Linguistic University  
Minsk, Belarus

МЕСЦА І РОЛЯ ЭКФРАСІСА  
Ў РАМАНЕ Л. РУБЛЕЎСКАЙ «ДАГЕРАТЫП»

THE PLACE AND ROLE OF EKPHRASIS  
IN LYUDMILA RUBLEWSKAYA'S NOVEL THE DAGUERREOTYPE

У артыкуле даследуецца функцыянаванне экфрасіса ў рамане беларускай пісьменніцы Л. Рублеўскай “Дагератып” (2014). Разглядаюцца розныя віды экфрасіса, якія прысутнічаюць у творы, – фатаграфічны, жывапісны і тапаграфічны, і аналізуюцца іх сюжэтафарміруючая, характаралагічная, хранатапічная і іншыя ролі ў абодвух частках рамана.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *дагератып; фатаграфія; партрэт; фотаэкфрасіс; тона-экфрасіс; сюжэт.*

The article deals with the functioning of ekphrasis in the novel “The Daguerreotype” (2014) by the Belarusian writer L. Rublewskaia. The various types of ekphrasis – photoekphrasis, portrait ekphrasis and topographic one – play plot structuring, character and chronotope delineating roles in both parts of the novel.

К e y w o r d s : *daguerreotype; photograph; portrait; photoekphrasis; topoekphrasis; plot.*

Прысутнасць у літаратурным тэксце спасылак на артыфакты з іншых галін мастацтва – даволі распаўсюджаная з’ява, якая, на думку даследчыкаў, сягае ажно ў дахрысціянскія часы. Узаемадзеянне літаратуры з іншымі відамі мастацтва атрымала назву “экфрасіс”, найбольш слухная дэфініцыя якога, на наш погляд, гучыць як “вербальная рэпрэзентацыя візуальнай рэпрэзентацыі” [1, с. 3], а пад экфрастычным дыскурсам разумеецца “ўдзел жывапісных твораў у параджэнні і рэцэпцыі літаратурнага тэкста і мастацкага твора ў цэлым”. [2, с. 150] Даследаванне экфрасіса стала адным з распаўсюджаных прадметаў у сучасным літаратуразнаўстве, аб чым сведчаць мноства публікацый, канферэнцый і сімпозіумаў, прысвечаных гэтай з’яве.

У апошнія два стагоддзі ў сувязі з узнікненнем новых відаў мастацтва экфрастычныя сферы значна пашырыліся, што стала асабліва прыкметна ў наш час. Як адзначае Т. Баўсунская, “у сучасным свеце кожнае з новых відаў мастацтва можа стаць экфрасісам (кінематограф, фатаграфія, бодзіарт, тату, графіці і іншыя), мяняючы жанр, у які яно пасяляецца” [3, с.461].

Зразумела, што літаратура не абыйшла ўвагай і з’яўленне ў сярэдзіне XIX стагоддзя мастацтва фатаграфіі. Есць цэлы шэраг лірычных і эпічных

твораў XIX–XX стагоддзяў, у якіх прысутнічае фатаграфічны экфрасіс. Пад фатаграфічным экфрасісам маецца на ўвазе не ўжыванне фатаграфій у якасці ілюстрацый да тэксту, што звычайна робіцца ў біяграфічных альбо дакументальных творах, а славеснае апісанне фатаграфій, якія могуць фізічна не прысутнічаць на старонках выдання, але нейкім чынам удзельнічаюць у сюжэце. “Фотаэкфрасіс – гэта кампазіцыйна-моўная форма, адна з разнавіднасцяў апісання, якая пры дапамозе вербальных сродкаў прадстаўляе вобраз фатаграфіі як візуальнага аб’екта, г. зн. стварае другую візуалізацыю, альбо візуалізацыю пачаткова візуальнага аб’екта” [4, с. 427].

У якасці найбольш ранніх прыкладаў выкарыстання віртуальных фотаздымкаў у сюжэтах мастацкіх твораў можна прывесці раман амерыканскага пісьменніка Натаніэля Готарна “Дом а сямі франтонах” (“The House of the Seven Gables”, 1851), верш англійскага паэта Томаса Гардзі “Фатаграфія” (“The Photograph”, 1898) і яго раман “Джуд Непрыкметны” (“Jude the Obscure”, 1896) і інш. Зразумела, што ў XX стагоддзі фатаграфічны экфрасіс становіцца даволі распаўсюджанай з’явай. І хаця, як піша В. Малкіна, “фатаграфія стала звыклым атрыбутам акружаючай рэальнасці, прадметам тэарэтычнага і філасофскага асмыслення (В. Беньямін, С. Зонтаг, Р. Барт і іншыя) і, канешне ж, пранікла ў літаратуру і на знешнім узроўні (узгадваючы фатаграфію, яе роля ў фэбуле), і на ўзроўні паэтыкі, даследаванне фатаграфічнага экфрасіса, прынамсі, на постсавецкай прасторы толькі пачынаецца” [4. 414].

Як і ранейшыя пісьменнікі, нашы сучаснікі таксама ўводзяць у свае творы спасылкі на рэальныя альбо выдуманыя фотаматэрыялы. На жаль, у беларускай літаратуры няшмат твораў, у якіх бы ўзгадваліся, тым больш апісваліся фатаграфіі. Адным з іх з’яўляецца апублікаваны ў 2014 годзе раман Людмілы Рублеўскай “Дагератып”, сама назва якога ўжо сведчыць аб прысутнасці ў гэтым мастацкім тэксце фатаграфічных вобразаў.

Раман мае рамачную структуру – ў ім два часавыя ўзроўні, якія сама пісьменніца пазначыла як “Кніга знешняга кола” і “Кніга ўнутранага кола”. Дзея “Кнігі знешняга кола” (а яна складаецца з дзвюх частак) адбываецца ў наш час, і героямі яго з’яўляюцца нашы сучаснікі – маладая журналістка Сімка і Гальяш, малады біёлаг, які плануе з’ехаць за мяжу, бо ў сучаснай Беларусі не бачыць для сябе прафесійнай перспектывы. Яны жывуць у Мінску; Сімка збіраецца зняць кватэру Гальяша, якая раней належыла яго дзядулі. Менавіта Сімка вядзе аповед у “Кнізе знешняга кола”.

Сярод старых папер і рэчаў у кватэры маладыя людзі знаходзяць скрынку, а ў ім сямейны альбом са здымкамі, з якіх на іх “*глядзелі людзі даўно прамінулай эпохі. У сурдутах, мундзірах, пышных спадніцах да падлогі і шчыльна зацягнутых карсетах*” [5, с. 19]. Асабліваю ўвагу Гальяша і Сімки прыцягнуў вялікі здымак маладой дзяўчыны, у куце якога стаяў надпіс “Фотаатэлдье Ніхель і К<sup>0</sup>”, а на адваротным баку – імя “Багуслава”. Там таксама было фота “*чалавека ў дыктоўным касцюме, пры гальштуку*”

[5, с. 19] з подпісам лацініцай “Шыман Каганецкі”. У скрынцы маладыя людзі таксама пабачылі срэбную пласцінку – дагератып, на якім цьмяна высвечваў твар маладога мужчыны. Гальяш нічога не ведае пра свае карані, таму і асобы людзей на фота і пласцінцы яму невядомы. Акрамя фотаальбому і дагератыпу маладыя людзі таксама знайшлі запісы, якія, як яны зразумелі, належылі той самай прыгожай дзяўчыне. Гальяш і Сімка праводзяць цэлы тыдзень за чытаннем гэтых запісаў, з каторых хлопец даведваецца пра свае паходжанне і пра сваіх продкаў. Маладыя людзі вырашаюць паехаць і на свае вочы пабачыць той самы маёнтак Жухавічы, што апісваецца ў запісах жанчыны. Як высвятляецца, жанчына з’яўляецца прабабуляй Гальяша, а маёнтак Жухавічы калісьці належыў яго прадзядулі. Пра прыгоды маладых людзей пад час гэтай вандроўкі распавядае другая частка “Кнігі знешняга кола”. А падзеі, апісаныя ў запісах прабабулі, складаюць “Кнігу ўнутранага кола”.

Такім чынам, перад намі так званы “раман у рамане”, бо “Кніга ўнутранага кола” ўяўляе сабой не ўспаміны, напісаныя ад першай асобы, а сапраўдны раман, выкладзены ў выглядзе аўтарскага аповеду. У ім ёсць экспазіцыя – аповед пра месца і час падзей: невялікі гарадок Н. на Беларусі і яго месцічаў напрыканцы 19-га стагоддзя. З экспазіцыі чытач таксама даведваецца пра прыбыццё туды фатографа Варахсы Ніхеля з дачкою Багутаі, альбо Багуславай, і пра адносіны да іх мясцовага насельніцтва – спачатку недавер і абвінавачванні амаль што ў вядзьмарстве, а потым паўсюдная ахвота да захавання сябе і сямейных падзей у фатаграфіях. Сапраўднай мэтай прыезду Ніхеляў была арганізацыя замаху на жыццё царскай асобы, якая збіралася наведацца ў гарадок падчас адкрыцця там запалкавай фабрыкі.

Завязка сюжэта “Кнігі ўнутранага кола” адбываецца тады, калі студэнты з Пільцу Міхал Калоцкі і Давід Місевіч прымушаюць Ніхеляў паехаць у маёнтак Жухавічы, каб сфатаграфавалі калекцыю сабраных былым уладальнікам усялякіх дзівосаў, якім зараз пагражае знішчэнне. Пасля гэтага падзеі пачынаюць разгортвацца вельмі дынамічна, узнікаюць нечаканыя перапеты і ва ўзаемаадносінах трох галоўных персанажаў – Ніхеля, Багуславы, каторая, як высвятляецца, з’яўляецца не яго роднай, а, так бы мовіць, прыёмнай дачкой, і графам Шыманам Каганецкім, цяперашнім уладальнікам Жухавічаў. Паміж Багуславай і Шыманам узнікае каханне, якое зусім не да спадобы Ніхелю, бо яно замінае выкананню запланаванага тэракту. Супрацьстаянне двух мужчын заканчваецца смерцю графа, справакаванай Ніхелем.

З гэтых запісаў Гальяш высвятляе, што ён – нашчадак (праўнук) графа Каганецкага, а яго цяперашняе прозвішча дасталося яму ад Давіда Місевіча, якому ўдалося ўратавацца пасля яўрэйскіх пагромаў у гарадку і які пасля смерці графа прапанаваў Багуславе фіктыўны шлюб, каб уратаваць яе дзіця ад пераследу па класавых прычынах у тыя ліхаманкавыя часы.

Як і большасць твораў Л. Рублеўскай, “Дагератып”, уяўляе сабой камбінацыю элементаў розных жанраў: авантурна-прыгодніцкага, гістарычнага, палітычнага, гатычнага, любоўнага раманаў. Такім чынам, гэта мультыжанравы твор, у якім, як адзначае В. Бароўка, “перапляліся прыёмы рэалістычнай, рамантычнай і постмадэрнісцкай паэтыкі, прыгодніцкія элементы і аналітыка” [6, с. 173–174].

Акрамя таго, гэта яшчэ і экфрастычны раман, бо ў ім ёсць цэлы шэраг апісанняў артэфактаў – сямейнага фотаальбома, фатаграфій, маляванага партрэта і будынка былой сядзібы Каганецкіх. Урэшце сама назва рамана – “Дагератып” – адразу падказвае чытачу, што гэты прадмет павінен адыграваць важную ролю ў сюжэце. Сапраўды, знаходка дагератыпу – срэбнай пласцінкі, на якой *“малады, са шляхецкімі вусамі (мужчына – В.С.), у канфедэратцы”* [5, с. 20] разам з фатаграфіяй маладой прыгажуні становіцца адпраўной кропкай сюжэту “Кнігі знешняга кола” і пачаткам так бы мовіць квесту яе маладых герояў – Сімкі і Гальяша, у выніку якога высвятляецца радавод апошняга. З “Кнігі ўнутранага кола” мы даведваемся, што цымяны дагератып – адзінае, што засталася ў Багуславы на ўспамін аб бацьку, сасланым пасля паўстання 1863 года ў Сібір і памерлым там. Жаданне помсты за яго трагічнае жыццё стала адной з прычын ўдзелу Багуславы ў тэарыстычнай дзейнасці. Такім чынам, дагератып можна лічыць цэнтральным вобразам рамана, яго сюжэтафарміруючым элементам.

У выпадку дагератыпа мы маем справу з дыскрэтным экфрасісам – яго апісанне не суцэльнае, яно з’яўляецца ў рамане двойчы. Першы раз стары здымак убачаны вачыма Гальяша і Сімкі. Паколькі яны не ведаюць асобы, адлюстраванай на ім, то іх погляд проста слізгануў па выяве: *“Малады, са шляхецкімі вусамі, у канфедэратцы”*. [5, с. 21] Другі раз вобраз на дагератыпе паўстае ва успамінах Багуславы. У гэтым другасным экфрасісе паўтараюцца некаторыя дэталі з першага, але ён выглядае больш дэталева і эмацыйна, бо пранізаны дачэрняй любоўю: *“... малады чалавек на дагератыпе, у чамарцы (верхняе адзенне – В.С.) і канфедэратцы, з задзірыстымі шляхецкімі вусамі, вясёлы і дзёрзкі, ягоныя светлыя вочы пазіраюць-з-над прамых густых броваў адважна і трохі іранічна. Рука ляжыць на дзяржальні шаблі...”* [5, с. 32] У гэтым выпадку экфрасіс, па-першае, выступае носбітам культурна-гістарычнай інфармацыі, бо дае чытачу ўяўленне аб вопратцы польскіх афіцэраў сярэдзіны XIX стагоддзя, па-другое, выкрывае асобу Багуславы, яе адносіны да бацькі, якога яна ніколі не бачыла ўвідавочкі, але яго партрэт быў для яе свайго роду амулетам і натхняючым сродкам. Бо *“дагератып з выявай адважнага прыгажуна у канфедэратцы была адзіным, што засталася на памяць ад бацькоў, якія ляжаць у сібірскай зямлі”*. [5, 40]

А напрыканцы рамана аўтар укладае ў вусны апавядальніцы Сімкі сімвалічны сэнс гэтага вобраза: *“І кожны, пашукаўшы, знойдзе ў сямейных сховішчах дагератып, з якога гляне смелымі, дапытлівымі вачыма заката-*

ваная гісторыя, і давядзеца адказваць, ці жыве Беларусь. [5, с. 241] Вобраз дагератыпа, такім чынам, набывае нашмат шырэйшы сэнс – гэта ўвасабленне той сямейнай гісторыі, што ёсць у кожнага чалавека, яго радавод, у якім многа розных постацяў, з рысаў каторых складваецца чалавек. Гэта ўвасабленне таго старажытнага, якое робіць нас асобай, прыналежнай сваёй нацыі.

Што тычыцца партрэта Багуславы, галоўнай гераіні “Кнігі ўнутранага кола”, то ён узнікае ў рамане некалькі разоў і падаецца ва ўспрыманні некалькіх персанажаў. Першасны экфрасіс з партрэтам Багуславы, убачаным вачыма Сімки, цэльны і дастаткова поўны. *“Сапраўдная дама-вамп: тонкі профіль, цёмныя бліскучыя валасы-карэ паказваюцца з-над капелюша з кароткімі брыламі, доўгая прыгожая шыя, як у Ганны Ахматавай, рука ў карункавай пальчатцы манерна падносіць да ярка нафарбаваных маленькіх вуснаў цыгарэтку ў тонкім муштуку. Вочы вельмі светлыя і нейкія дзіўныя. ... Углядаюцца ў невядомую далеч, але быццам чакаюць не прынца пад пунсовымі ветраўзямі, а атрад гунаў у калматых скурах, якім трэба ўсадзіць па стралэ ў сэрца”*. [5, с. 19] Экфрасіс тут адыгрывае таксама некалькі роляў: па-першае, ён стварае вонкавы вобраз Багуславы, па-другое, дае некаторае ўяўленне аб асобе самой Сімки. Бо, як лічыць Р. Ходель, бачанне артэфакта вачыма персанажаў вядзе да таго, што ў экфрасісе суб’ект становіцца больш важным, чым яго аб’ект, бо фарміруе ў чытача ўяўленне аб характары ўспрымаючай асобы. [7, с. 27] Сапраўды, захопленасць Сімки іх знаходкай, зачараванасць вобразам Багуславы, усведамленне прыналежнасці гэтай гераіні да іншай эпохі, атаясамленне прыгажуні са знакамітай расейскай паэтэсай, сімвалам годнасці і незалежнасці, літаратурная і гістарычная алузіі – усё гэта сведчыць, па-першае, аб яе тэзаўрусе, па-другое, аб рамантычным складзе яе характара.

Другі раз партрэт Багуславы ўзнікае ў “Кнізе ўнутранага кола” і падаецца ва ўспрыманні наведвальнікаў фотатаэлье – студэнтаў Калоцкага і Місевіча. У гэтым выпадку апісанне намнога карацейшае, гэта так званы згорнуты экфрасіс, бо хлопцаў уразілі толькі *“Тонкі профіль, рука у пальчатцы падносіць да ярка нафарбаваных вуснаў тонкую цыгарэтку ў доўгім муштуку”*. [5, с. 33] Такая канцэнтрацыя ўвагі ўспрымаючых суб’ектаў да менавіта гэтай дэталі наводзіць на думку, што ў Багуславе яны маглі пабачыць увасабленне фемінісцкіх памкненняў напрыканцы XIX стагоддзя, якія маглі быць знаёмы гэтым тагачасным піцёрскім студэнтам.

Апісанне фотартрэта Каганецкага прыводзіцца ў рамане толькі аднойчы, на яго пачатку. Ён таксама пабачаны вачыма Сімки і Гальяша, якія яшчэ нічога не ведаюць пра яго асобу, таму каментар дзяўчыны гучыць гарэзліва-іранічна. *“Ну вось гэта неадменна твой продак! – тыцнула я пальцам у фота чалавека ў дыхтоўным касцюме, пры гальштуку, але з тварам паляўнічага, вандроўніка ці ваяра. Вочы быццам свяціліся на загарэлым твары, і напэўна былі шэрага колеру, як у Гальяша, нос, здаецца, перабіты, валасы таксама светлыя, адкінуты назад адкрываючы*

*высокі лоб*". [5, с. 19] Экфрасіс тут цэльны і поўны, г.зн. достаць дэталевы; ён выяўляе галоўнае ва ўспрыманні постаці Каганецкага – яго шляхецкае паходжанне і схільнасць да вандраванняў ці рызыкаўных заняткаў.

Такую ж характаралагічную ролю адыгрывае і экфрасіс з маляваным партрэтам мачахі Шымона Каганецкага, пані Антаніны. *"З партрэту у бронзавай рамы з віньеткамі пазірала мажняя дама з чорнымі зрослымі бровамі і цёмным позіркам. Напэўна пад носам у яе былі вусікі.... Аднак і без гэтага жанчына на партрэце была ўладнай і суровай, не як каралева – хутчэй як ахмістрыня. Белья карункі старасвецкага каптура, што аздаблялі яе твар, здаваліся калючай шэранню*". [5, с.71] Экфрасіс дае дакладнае ўяўленне аб натуры гэтай сквапнай і жорсткай кабеты, якая адправіла на той свет свайго мужа і спланавала, як поўнасьцю завалодаць маёнткам.

Важнае месца належыць у "Дагератыпе" тапаграфічнаму экфрасісу. Пад топаэкфрасісам аўтар гэтага паняцця А. Клінг разумее "апісанне месца дзеяння, якое нясе асобую эстэтычную нагрузку" і дадае, што яго можна "ўжываць толькі у тым выпадку, калі месца дзеяння з'яўляецца героем літаратурнага твора" [8, с. 97]. Такі экфрасіс, з аднаго боку, захоўвае сувязь з тапаграфічнымі прататыпамі, з другога, трансфарміруецца як аўтарскім бачаннем (рэальным аўтарам), так і вобразам аўтара, кругаглядам героя, а таксама экспліцытным і імпліцытным чытачом.

Тапаграфічны экфрасіс у рамане "Дагератып" звязаны з апісаннем маёнтка Жухавічы, які адыгрывае вялікую ролю ў сюжэце, бо ў ім адбываюцца падзеі, важныя для герояў абодвух кніг. Тут Ніхель і Багуслава знаёмяцца з Шыманам Каганецкім; тут кожны з іх распавядае двум іншым пра значныя, лёсавызначальныя моманты іх жыццёвых гісторый. Тут Багуслава і Каганецкі пачынаюць пранікацца ўзаемнай цікавасцю і павагай і ўрэшце адчуваць, што кахаюць адно аднаго. Адсюль, са свайго радавога маёнтка, Шыман Каганецкі накіраваўся, як аказалася, у сваю апошнюю дарогу.

Вобраз маёнтка ўзнікае некалькі разоў у абодвух кнігах і суадносіцца з іх часовымі параметрамі. Такім чынам, перш-наперш яго місія – хранатапічная, бо ўказвае на час і месца падзей. Першасным тапаграфічным экфрасісам у рамане з'яўляецца кароткае апісанне гэтага архітэктурнага аб'екта, пабачанага Сімкай у старым фотальбоме: *"двухпавярховы будынак, масіўныя белья калоны, герб перад уваходам, не разабраць які"*. [5, с.20] Гэты кароткі, звёрнуты экфрасіс даволі схематычны, але ён адыгрывае дзве ролі. Па-першае, ён нагадвае пра даволі распаўсюджаны, так бы мовіць, тыповы выгляд шляхецкіх маёнткаў 19-га стагоддзя, знаёмы нам з малюнкаў Напалеона Орды, а значыць адсылае нас да мінулага нашага краю. Па-другое, такое нейтральнае сухаватае апісанне адлюстроўвае тыповае ўспрыманне нашай сучасніцы. Як высветлілася, будынак добра вядомы Сімцы, бо знаходзіцца непадалёк ад яе роднага мястэчка, і ў савецкія часы называўся Энгельсаўкай; у ім месцілася лясніцтва, а яго старую назву яна ўзгадаць

не можа, бо цікавасць да мясцовай гісторыі, як вядома, тады не ўхвалялася і не стымулявалася. Адсюль, на жаль, характэрная для большасці нашых грамадзян абыякавасць да фактаў мінулага.

Другасны экфрасіс намнога больш падрабязны, гэта апісанне рэальнага будынка, якім ён паўстаў перад вачыма Багуславы. *“Дом быў выкладзены так званай разынкавай кладкай: паміж шэрых камянёў у расчынні цямнелі дробныя каменчыкі як разынкі. Вузкія вокны з аблезлымі драўлянымі рамамі, калісьці нафарбаваныя у белы колер, зялёна-шэрая, як спіна пракаветнай чарапахі, чарапіца на даху і навесе над ганкам, які абапіраўся на дзве нязграбныя калоны. Над уваходам мацаваўся высечаны з мармуру герб: падзеленае на дзве часткі поле шчыта, у левай пастцы – рука ў рыцарскай пальчатцы трымае меч, у правай – прадказальна – ашчэраная ваўчыная пыса са смешна высарапленым языком, быццам геральдычны звер падрыхтаваўся лізаць цукровага пеўніка на палачцы. <...> дом здаваўся мёртвым бы леташня павута. [5, с. 50]* Тое, як апісанне будынка падаецца ў гэтым выпадку, адпавядае тлумачэнню экфрасіса як “запісу паслядоўнасці рухаў вачэй і ўражанняў” [9, с. 10], прапанаванага Л. Гелерам. Сапраўды, позірк чытача як бы рухаецца ўслед за вачыма Багуславы, успрымаючы адну за адной дэталі гэтага архітэктурнага аб’екта. Пра тое, што гэта не аб’ектыўнае апісанне маэнтка, а суб’ектыўна-іранічнае ўражанне гераіні, сведчаць стылістычныя сродкі – яскравыя параўнанні: *“як спіна пракаветнай чарапахі” і “быццам геральдычны звер падрыхтаваўся лізаць цукровага пеўніка на палачцы”, “здаваўся мёртвым бы леташня павута” і эпітэты “нязграбныя”, “смешна высараплены”.*

Найбольш дэталёвае апісанне маэнтка Жухавічы прысутнічае напрыканцы рамана, але гэта ўжо яго сучасны выгляд. За прайшоўшае больш чым стагоддзе маэнтак многа раз мяняў уладальніка. Жухавічы напаткаў лёс многіх былых панскіх маэнткаў, які альбо былі разбураны падчас двух сусветных войнаў, альбо былі разрабаваны і зруйнаваны, альбо, у лепшым выпадку, выкарыстоўваліся пад школы, шпіталі санаторыі і іншыя патрэбы, а то і пад склады для ўгнаенняў: *“Рэвалюцыя, грамадзянская вайна... Немцы, палякі, бальшавікі... Будынак рэквізавалі, зладзілі ў ім бальніцу. Потым, у апошнюю вайну немцы таксама размясілі ў ім свой шпіталь. Па чутках, была палата, у якой трымалі мясцовых дзетак, каб браць кроў для раненых акупантаў”. [5, с. 220]* І вось яго сучасны выгляд: *“Дом даўно пазбавіўся прыбудоваў і ўсялякіх архітэктурных лішкаў. Толькі аблезлыя калоны стаялі як ногі даўно памерлага слана. Над дзвярыма, дзе калісьці красаваўся герб з ваўчынай пысай, бачыўся прамавугольны след ад сарванай шыльды і чорныя дзіркі мацаванняў. У некаторых вокнах першага паверху захаваліся краты ў выглядзе сонейка. Можна бачылі такія, савецкага часу: у куце – круг, ад яго па ўсім перыметры разыходзяцца промні-прэнты. Быццам прыдумалі здэклівы сімвал, згадваючы беларускі адраджэнчэскі лозунг “Загляне сонца і ў наша аконца” [5, с. 220].* Такім ён паўстаў перад вачыма маладых герояў

“Кнігі знешняга кола”, што прыехалі, каб пабачыць “спадчыну” Гальяша, які ў сілу абставін, у першую чаргу палітычных, толькі зараз выпадкова даведаўся пра лёс сваіх продкаў.

Як бачым, Жухавічы выступаюць не толькі як месца дзеяння дзвюх частак рамана, але і як сімвал дзвюх эпох, з’яднаных трагічнай жыццёвай гісторыяй адной сям’і. У гісторыі Жухавіч, як у лютэрку, адлюстраванаўся лёс многіх архітэктурных помнікаў былых часоў, закінутых і дажываючых свой век у адзіноце і непатрэбнасці. Для Сімкі Жухавічы зараз – гэты ўжо не проста стары будынак пад іранічнай назвай Энгельсаўка. Для Гальяша гэтае раней зусім невядомае месца надало пачуццё ўкаранёнасці, якога яму так не хапала, і дапамагло, такім чынам, набыць новую ідэнтычнасць. Вобраз Жухавіч напоўніўся для абодвух імёнамі і людскімі лёсамі; больш таго лакальная, асабістая гісторыя стала для іх ўвасабленнем агульнай гісторыі і лёсу краіны. Гэтае ўсведамленне азначае новы этап у станаўленні маладых герояў. А гэта значыць, што топаэксфарсіс тут мае не толькі хранатапічную функцыю, не толькі паказвае часавыя зрэзы, а з’яўляецца і паказальнікам трансфармацыі светапоглядаў персанажаў.

Такім чынам, разгляд рамана Л. Рублеўскай з выбранага пункту гледжання паказвае наяўнасць у ім некалькіх відаў немімэтычнага (неіснуючага у рэальнасці) эксфарсісу – фатаграфічнага, жывапіснага і тапаграфічнага. І ўсе яны выконваюць у творы некалькі роляў. Па-першае, яны маюць сюжэтаарганізуючую функцыю, бо знаходка дагератыпа і фатаграфій і, адпаведна, іх рэпрэзентацыя, запускаяць сюжэт усяго рамана. Па-другое, яны становяцца важным сродкам стварэння вобразаў персанажаў “Кнігі ўнутранага кола” як праз адлюстраванне іх знешнасці, так і праз іх ўспрыманне нашымі сучаснікамі, і такім чынам становяцца характаралагічным сродкам. Па-трэцяе, эксфарсісы граюць хранатапічную ролю, бо апісанне двух архітэктурных аб’ектаў – фотаатэлье Ніхеля і маёнтка Жухавічы, а таксама дэталю адзення на партрэце і фатаграфіях дакладна вызначаюць час і месца дзеяння гэтай часткі рамана. Па-чацвёртае, яны спрыяць выяўленню светапоглядаў персанажаў і, несумненна, самога аўтара. Нарэшце, эксфарсісы маюць сімвалічны сэнс, бо адлюстроўваюць вехі драматычнай гісторыі Беларусі, а сцержнявы вобраз дагератыпа прымушае чытача задумацца над уласнымі каранямі.

## ЛІТАРАТУРА

1. *Heffernan, J. A. W. Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery* / J. Heffernan. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2004. – 257 p.
2. *Тулякова, И. И. Экфрастический дискурс в романе Трейси Шевалье «Девушка с жемчужной сережкой»* / И. И. Тулякова, Н. С. Бочкарева // *Мировая лит-ра в контексте куль-ры.* – 2008. – № 3(1). – С. 150–154.

3. *Бовсунская, Т.* Экфрастические жанры в литературе XXI века: Эрик-Эмануэль Шмитт и Гвен Купер / Т. Бовсунская // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Колл. мон-ия под научн. ред. Т. Автухович. – Siedlce: ELPiL, 2018. – С. 451–462.
4. *Малкина, В.* Фотоэкфрасис в лирическом стихотворении: постановка проблемы / В. Малкина // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения. Коллективная монография под научн. ред. Т. Автухович. – Siedlce: ELPiL, 2018. – С. 413–431.
5. *Рублеўская, Л.* Дагератып. – Мінск : Выдавец А. М. Янушкевіч, 2017. – 245 с.
6. *Бароўка, В. Ю.* “Дагератып” Л. Рублеўскай як мастацкі дыялог з дэкадансным раманам / В. Ю. Бароўка // Mode of access : <https://docviewer.yandex.by/view/0>. Date of access : 08.02.2021.
7. *Ходель, Р.* Экфрасис и «демодализация» высказывания / Р. Ходель // Экфрасис в русской лит-ре: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М. : Изд-во МИК, 2002. – С. 23–30.
8. *Клинг, О.* Топоэкфрасис: место действия как герой литературного произведения (возможности термина) / О. Клинг // Экфрасис в русской лит-ре: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. – М. : Изд-во МИК, 2002. – С. 97–110.
9. *Геллер, Л.* Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе / Л. Геллер // Экфрасис в русской лит-ре: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. – М. : Изд-во МИК, 2002. – С. 5–23.

*Поступила в редакцию 13.06.2023*

**Чарота Кацярына Міхайлаўна**  
магістр мастацтвазнаўства,  
аспірант аддзела беларускай літаратуры  
XX–XXI стст.  
Цэнтра даследаванняў беларускай  
культуры, мовы і літаратуры  
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі  
г. Мінск, Беларусь

**Katsiaryna Charota**  
Master of Art History  
PhD Student of Department of Belarusian  
Literature of the 20-21<sup>st</sup> centuries  
Center for Belarusian Culture, Language  
and Literature Research of the National  
Academy of Sciences of Belarus  
Minsk, Belarus  
katherine988@mail.ru

ПРАЎДА ПРА ВАЙНУ Ў АПОВЕСЦІ “ДНІ І НОЧЫ” К. М. СІМАНАВА  
І РАМАНЕ “СМУТАК БЕЛЫХ НАЧЭЙ” І. Я. НАВУМЕНКІ

THE TRUTH ABOUT THE WAR IN THE STORY *DAYS AND NIGHTS*  
BY K. M. SIMONOV AND THE NOVEL *THE SADNESS*  
*OF WHITE NIGHTS* BY I. Y. NAVUMIENKA

Дадзены артыкул прысвечаны аналізу рамана “Смутака белых начэй” І. Я. Навуменкі. У ім вызначаецца, якое месца займае гэты твор у ваеннай прозе народнага пісьменніка Беларусі, прасочваецца яго сувязь з папярэдняй творчасцю празаіка. Дзеля аб’ектыўнай ацэнкі ўнёску айчыннага пісьменніка ў распрацоўку тэмы вайны твор І. Я. Навуменкі супастаўляецца з аповесцю “Дні і ночы” К. М. Сіманава. Кампаратыўны метада дазваляе вызначыць агульнае і адрознае ў падыходах рускага і беларускага пісьменнікаў да адлюстравання і раскрыцця героікі і трагізму ваенных гадоў.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *ваенная проза; роман; аповесць; трагізм; вобраз героя.*

This article is devoted to the analysis of the novel *The sadness of white nights* by I. Y. Navumienka. It determines the place of this work in the military prose of the People’s writer of Belarus, traces its connection with the previous work of the writer. I. Y. Navumienka’s novel is compared with the novel *Days and nights* by K. M. Simonov in order to make an objective assessment of the contribution of the Belarusian writer to the development of the theme of the front-line war. The comparative method allows to determine the common and distinctive features in the approaches of Russian and Belarusian writers to the reflection and disclosure of the heroics and tragedy of the war years.

K e y w o r d s : *war prose; novel; story; tragedy; image of the character.*

Іван Якаўлевіч Навуменка (1925–2006), народны пісьменнік Беларусі, прызнаны і вядомы перш за ўсё як аўтар твораў пра Вялікую Айчынную вайну. Свае апавяданні, аповесці і раманы 1950–1970-х гг. ён прысвяціў тэмам абпаленага полымем вайны юнацтва, жыцця пад нямецкай акупацыяй, падпольнай і партызанскай барацьбы беларускага народа супраць захопнікаў.

У дадзеным артыкуле мы вырашылі даследаваць роман “Смутака белых начэй” (1979), у якім беларускі пісьменнік чарговы раз звяртаецца да ваеннай тэматыкі. Мэта нашага даследавання – вызначыць, якое месца займае гэты твор у ваеннай прозе І. Я. Навуменкі, прасачыць яго сувязь з папярэдняй

творчасцю народнага пісьменніка Беларусі, прааналізаваць, што новага сказаў празаік пра ваеннае ліхалецце і як у рамане адлюстраваны героіка і трагізм тых гадоў.

Навізна “Смутку белых начэй” у кантэксце творчасці І. Я. Навуменкі заключаецца ў тым, што ў яго літаратурнай спадчыне гэта «першы ...твор пра вайну, так сказаць, “армейскую»» [1, с. 121]. Як прызнаваўся сам аўтар, пісаўся гэты твор цяжка і доўга (з 1970 па 1979 год), нягледзячы на тое, што ў ім вядзецца гаворка “...пра падзеі, якія я бачыў, – пра вайну, пра баі на Ленінградскім фронце, у якіх я сам удзельнічаў, але я адкладаў, чагосьці не хапала” [1, с. 180]. Такім чынам, становіцца зразумела, што і гэты раман беларускага пісьменніка мае аўтабіяграфічную аснову. Як мы памятаем, у ваеннай трылогіі, якую склалі раманы “Сасна пры дарозе” (1962), “Вецер у соснах” (1967) і “Сорак трэці” (1973), аб’яднаныя самім аўтарам адной назвай – “Акупацыя” [1, с. 109], І. Я. Навуменка расказаў пра час акупацыі немцамі роднага мястэчка (з 1941 г.), пра ўдзел у дзейнасці падпольнай камсамольскай групы за “Радзіму” і пра тое, як быў партызанам Васілевіцкай брыгады імя П. К. Панамарэнкі, якая дзейнічала восенню 1943 года ў Васілевіцкім раёне Палескай вобласці [1, с. 683]. У “Смутку белых начэй” ён працягвае дзяліцца ўласным вопытам і расказвае ўжо пра новы этап свайго жыцця і змагання з ворагам: перажытае ў той час, калі ён быў мабілізаваны і салдатам рэгулярнай арміі ваяваў пад Ленінградам, на Карэльскім перашийку. Па словах І. Я. Навуменкі, у апошнім з названых твораў “...у нейкай меры завяршаецца тэма пакалення, пра якое я шмат пісаў – найбольш у апавяданнях, троху і ў раманах, – іменна тэма пакалення сямнаццаці-васямнаццацігадовых, але тут ужо на фронце, ва ўмовах зусім іншых” [1, с. 110].

Цяпер звернемся непасрэдна да рамана “Смутак белых начэй”, які, на думку карэспандэнта “Літаратурной газеты” Г. Грыбоўскай, уяўляе сабою “дзённік маладой душы” [1, с. 132]. Дзеля таго, каб аб’ектыўна ацаніць унёсак І. Я. Навуменкі ў распрацоўку тэмы франтавой вайны, “выявіць ...сапраўдную мастацкую сутнасць, адметнасць і самабытнасць” [2, с. 3] яго твора, мы вырашылі супаставіць раман “Смутак белых начэй” з аповесцю “Дні і ночы” (1943–1944) К. М. Сіманова (1915–1979). У аснову аповесці, якую аўтар называў сваім “сталінградскім дзённікам” (тут і далей пераклад з рускай мовы – *К. М. Чарота*) [3, с. 52], былі пакладзены асабісты вопыт, назіранні і ўражанні рускага пісьменніка, а таксама сабраны ім фактычны матэрыял падчас службы ваенным карэспандэнтам на Сталінградскім фронце ў 1942 годзе. Наш выбар менавіта гэтага твора для параўнання з раманам беларускага пісьменніка абумоўлены не толькі аднолькавай тэмай і падабенствам у падыходах да яе раскрыцця. Выпадкова ці не, але ў перыяд, калі ствараўся раман “Смутак белых начэй”, І. Я. Навуменка неаднаразова згадвае аповесць К. М. Сіманова ў сваіх артыкулах. Так, у артыкуле “Сквозь время” (1975) ён адзначае, што аповесць “Дні і ночы”, якая “...ўпершыню пры-адкрыла адну са старонак Сталінградскай эпопеі, адлюстравалі і франта-

вья будні, франтавы быт, спрадвечныя чалавечыя пачуцці, што не гаснуць і ў цяжкі час” [4, с. 138–139], была прачытана ім яшчэ на вайне і надоўга пакінула яркі след у яго свядомасці [4, с. 139]. Да таго ж у артыкуле “Эпас народнага подзвігу” (1975) беларускі прэзаік сцвярджаў: твор рускага пісьменніка ўваходзіў у лік тых, што былі “магутным стымулятарам” развіцця беларускай ваеннай прозы [4, с. 166]. На нашу думку, пры напісанні свайго франтавога рамана І. Я. Навуменка ўлічваў вопыт папярэдніка і працягнуў больш глыбока і шматаспектна распрацоўваць узнятую адным з першых К. М. Сіманавым тэму ў кірунках, некаторыя з якіх былі ўжо намечаны ў аповесці “Дні і ночы”.

Творы абодвух аўтараў паказваюць змаганне з ворагам на фронце знутры, не прыхарошваючы яго, нічога не выпускаючы з-пад увагі, закрапаючы нават тэмы, пра якія ў тыя часы яшчэ было не прынята пісаць. І рускі, і беларускі пісьменнікі праўдзіва апісваюць суровыя франтавыя будні і ўвесь цяжар “*бруднага, стамляючага, бязлітаснага агонага жыцця*” [5, с. 7]. У гэтым жыцці кароткія наступленні чаргуюцца з доўгімі перыядамі, калі чырвонаармейцы абараняюцца. Вайна на фронце падаецца К. М. Сіманавым і І. Я. Навуменкам як цяжкая штодзённая праца, пасля якой байцы часам маюць заслужаны адпачынак. Чытаючы абодва творы, “нібы знаходзішся ў музеі франтавога быту, дзе ўсё можна ўбачыць, адчуць і як быццам дакрануцца” [1, с. 133].

Дзесяцца аўтары аповесці і рамана з чытачом простымі салдацкімі ісцінамі, “*веданне якіх давала ім [байцам Чырвонай Арміі – К.Ч.] упэўненасць, што іх не так і лёгка забіць*” [5, с. 6] і прыёмамі, якія дапамагалі байцам заставацца баяздольнымі і жывымі. Не ўтойваюць пісьменнікі і таго, што іх героям давлялося бачыць шмат “*дарэмна накапаных агонаў і равоў*” [5, с. 52] што былі і загады камандзіраў ісці ў “*дурныя атакі*”, у якіх “*непатрэбна загінулі людзі*” [5, с. 108–109], што сваімі ж бомбамі, снарадамі былі забіты і паранены чырвонаармейцы [5, с. 117, 6, с. 476], што на фронце існавалі праблемы з правіянтам і абмундзіраваннем і г. д.

Калі гаварыць пра адлюстраванне гераізму ў аповесці “Дні і ночы”, то, здавалася б, што час патрабаваў ад К. М. Сіманова паказаць прыклады выключных гераічных подзвігаў, здзейшаных воінамі ў бітве за Сталінград, але пісьменнік пайшоў іншым шляхам. Ён “адлюстроўвае масавасць гераізму” [7, с. 96], г. зн. сапраўдным героем лічыць не толькі таго, “*хто самалёты збівае*” [5, с. 155], а кожнага, хто ў невыносна цяжкіх, жахлівых умовах змагаецца за горад. Учынкi і дзеянні, за якія персанажы яго аповесці былі ўзнагароджаны ордэнамі, чалавеку, які сам не бачыў вайны і не прайшоў праз яе пякельныя выпрабаванні, могуць падацца нязначнымі і не такімі ўжо геройскімі.

І. Я. Навуменка таксама бачыў гераізм многіх персанажаў свайго рамана ў тым, што яны знаходзілі ў сабе сілы быць вернымі свайму доўгу – абараняць Радзіму, сумленна выконвалі свае ваенныя абавязкі, чым рабілі

пасільны ўнёсак у агульную перамогу над ворагам. Беларускі пісьменнік не ўтойвае, што сярод хлопцаў-равеснікаў Сяргея Каліноўскага былі і тыя, хто *“хацеў прыхавацца ад прызыву”* [6, с. 380]. Дзеля гэтага яны ішлі на падман і мянялі свой год нараджэння ў дакументах. Аўтар рамана “Смутац белых начэй” адзначае, што былі і тыя, якія, ужо трапіўшы на фронт, каб не ваяваць, не ісці на перадавую, дэзерціравалі або наўмысна калечылі сябе. Ён прыгадвае выпадак, калі *“малады салдацік, які толькі што прыбыў з папаўненнем, прастрэліў сабе левую руку”* [6, с. 562].

Пішучы пра вайну, асабліва пра баі на фронце, мастакі слова звычайна ўзнімаюць у сваіх творах адвечныя пытанні жыцця і смерці, любові і нянавісці. У аповесці “Дні і ночы” і рамане “Смутац белых начэй” аўтары паглыблена і шматаспектна разглядаюць праблему смерці. Яны адзначаюць, што “парог адчувальнасці” да смерці, якая ледзь не штохвілінна пагражала, у салдат быў значна павышаны. Разам з тым пісьменнікі адзначаюць гібель кожнага чалавека на вайне з гуманістычных пазіцый і ўспрымаюць яе не толькі як трагедыю адной асобы, але і як трагедыю родных, блізкіх, грамадства. Вось што кажа К. М. Сіманаў пра наступствы смерці Парфёнава для яго сям’і: *“Але там, у Пензе, на вуліцы Маркса, 24, гэтыя словы – “ён забіты” – былі катастрофай, стратай усіх надзей. Пасля гэтых слоў там, на вуліцы Маркса, 24, жонка пераставала звацца жонкай і рабілася ўдавой, дзеці пераставалі звацца проста дзецьмі – іх ужо звалі сіротамі. Гэта было не толькі гора, гэта была поўная перамена жыцця, усёй будучыні”* [5, с. 90–91]. У рамане “Смутац белых начэй” за некалькі імгненняў да смерці Косця Русаковіч хвалюецца не за сваё жыццё, а за будучыню жонкі і яе дзяцей: *“Насці дадуць пенсію, думае Косця. На ўсіх траіх дзяцей. Ён жа з ёй запісаўся ў загсе”* [6, с. 517]. Распавядае І. Я. Навуменка і пра гора маці Косці Цітка, якая засталася адна, без мужчынскай апоры і падтрымкі, бо на вайне загінулі і муж, і абодва сыны. Увогуле, гібель равеснікаў Сяргея Каліноўскага беларускі пісьменнік паказвае як трагедыю яшчэ большага маштабу: *“Толькі вельмі многа гіне хлопцаў. Вынішчаецца цэлае пакаленне”* [6, с. 555]. Як адзначаў аўтар “Смутку белых начэй”, яго раман – гэта “рэквіем” па свайму пакаленню, гэтым творах ён аддаў “даніну яго светлай памяці” [1, с. 110], напісаўшы пра незаменную страту беларускага народа – пра вялікую колькасць загінуўшых маладых людзей.

Агульнае ў творах рускага і беларускага пісьменнікаў і тое, што ў іх адсутнічаюць вобразы ворагаў: яны безаблічныя і пазбаўлены індывідуальных рыс. Выключэннем з’яўляецца толькі той фрагмент рамана “Смутац белых начэй”, дзе І. Я. Навуменка апісвае *“ўпершыню зблізку”* ўбачаных Васілём Лебедзем забітых фінаў: *“Абодва салдаты маладыя, светлавалосыя. Ляжаць на спіне. На тварах, якія яшчэ здаюцца жывымі, нібы напісана недаўменне. У аднаго пасма валасоў прыкрывае высокі юнацкі лоб. Мундзіры ў фінаў пад колер падзолістай лясной зямлі. У такі колер сяляне фарбуюць*

даматканае сукно, шыюць з яго світкі” [6, с. 466]. Пры гэтым герой у думках сам сабе адзначае: “У яго няма ніякага варожскага пачуцця да забітых. Наадварот, думае пра тое, што фіны маладыя, на год-два старэйшыя за яго, і самая пара ім жыць” [6, с. 466]. Трэба заўважыць, што і ў аповесці “Дні і ночы” К. М. Сіманаў не піша пра вялікую лютую нянавісць сваіх персанажаў да тых, з кім яны змагаліся на перадавой.

Калі параўноўваць галоўных герояў твораў К. М. Сіманавы і І. Я. Навуменкі, то відавочна, што яны вельмі розныя. У аповесці “Дні і ночы” – гэта камандзір батальёна, капітан Аляксей Іванавіч Сабураў. Ён быў ураўнаважаным, адказным і сціплым чалавекам. А за свае 29 гадоў жыцця Сабураў многае перажыў і шмат пабачыў. Да таго, як трапіў у Сталінград, ён ужо “тры разы выходзіў з акружэння, два разы быў узнагароджаны і пяць разоў ранены і кантужаны” [5, с. 49]. Дзеля таго, каб поўна ахарактарызаваць свайго героя і каб чытач меў больш дакладнае ўяўленне аб яго жыццёвым вопыце, разумеў, наколькі Сабураў быў падрыхтаваны да ваеннага ліхалецця псіхалагічна, К. М. Сіманаў тлумачыць: “людзі, якія, як і ён сам [Сабураў – К. Ч.], пачалі самастойнае жыццё ў гады першай пяцігодкі, прайшлі такую цяжкую школу жыцця, поўную самаахварнасці і самаабмежаванняў, што вайна, калі з яе выключыць пастаянную магчымасць смерці, не магла здзівіць іх сваімі штодзённымі цяжкасцямі” [5, с. 49]. У творы капітан Сабураў прадстаўлены як цэльная і сфарміраваная асоба, якая мае моцную матывацыю для змагання з ворагам – бязмерную любоў да Радзімы. Пачуццё абавязку ў галоўнага героя аповесці “Дні і ночы” стаіць на першым месцы. Нават у сітуацыі, калі медсястра Аня Кліменка, якая яму падабаецца, знаходзіцца ў небяспечным становішчы, капітан стрымлівае свае парывы адправіцца на яе выратаванне, бо ўсведамляе, што “гэта быў не той выпадак, калі ён меў права рызыкаваць жыццём” [5, с. 67]. З аповесці мы даведваемся, што ў далейшым капітан Аляксей Іванавіч Сабураў, які ўсе свае сілы аддаваў дзеля перамогі над ворагам і самааддана змагаўся з ім, усё ж такі намаганнямі волі не здолеў заглушыць у сабе ўсе чалавечыя пачуцці і ўпершыню па-сапраўднаму пакахаў. Яго абранніцай стала ўжо згаданая васьмнаццацігадовая санітарка Аня, якая, нягледзячы ні на што, кожны дзень пад бясконцымі абстрэламі немцаў на сваіх плячах выносіла параненых з поля бою. Дзяўчына адказвае Сабураву ўзаемнасцю, і К. М. Сіманаў апісвае іх зямныя адносіны такімі, якімі яны звычайна бываюць паміж мужчынам і жанчынай.

Але ёсць сярод персанажаў аповесці “Дні і ночы” і такі, які вельмі нагадвае Сяргея Каліноўскага з рамана “Смутак белых начэй”, – лейтэнант Міша Масленікаў. Ён толькі на год старэйшы за галоўнага героя твора І. Я. Навуменкі, а паводзіны і склад думак шмат у чым падобныя. Міша Масленікаў імкнуўся на вайну, “у якой, як яму здавалася, ён так незаслужана доўга не прымаў удзел” [5, с. 7]. Ён быў шчаслівы, калі прыняў удзел у баі, і “ўрачыста” аб’яўляе, што яго ледзь не параніла ў нагу [5, с. 33].

Капітан Сабураў па-бацькоўску ставіўся да яго і даў Масленікаву наступную трапную характарыстыку: *“добры, абстраляны, толькі, відаць, надта часта думае пра тое, каб прыдумаць нешта такое, каб стаць сапраўдным героем”* [5, с. 65].

Абавязкова стаць героем хацеў і Сяргей Каліноўскі. У яго ёсць пачуццё абавязку перад Радзімай, ён шчыра парываецца зрабіць свой унёсак у агульную перамогу над нямецка-фашысцкімі захопнікамі, аднак юнак марыць здзейсніць подзвіг не ў імя высокай мэты. На гэта ў галоўнага героя рамана *“Смутақ белых начэй”* была свая прычына, больш праявітая і асабістага характару. Сяргей Каліноўскі, малады чалавек з заніжанай самаацэнкай, лічыў сябе недастойным дзяўчыны, якую пакахаў яшчэ да вайны, і быў перакананы, што подзвігам зверне на сябе ўвагу каханай і заваюе яе сэрца: *“Галя прыгожая, кавалераў хоць адбаўляй, а ён не зрабіў нічога такога, каб яна кінулася яму на шыю. Няма ў яго камандзірскага шыняля, бліскучых пагонаў. Няхай пройдзе праз агонь вайны, здабудзе ўсё гэта, тады думае пра каханне такой дзяўчыны, як Галя”* [6, с. 389]. Сяргей быў кніжнікам і, відаць, на яго светапогляд і ўяўленне пра *“сапраўднае”* каханне моцны ўплыў аказалі творы мастацкай літаратуры. Ён нагадвае галоўнага героя сярэдневяковых рыцарскіх раманаў, які *“дзеінічае дзеля ...асабістай славы і ў імя прыгожай дамы”* [8, стб. 920]: *“Праводзячы цяпер дні пад снарадамі, мінамі, кулямі, сутыкаючыся з пагрозай смерці, Сяргей вастрэй адчувае цяну жыцця, асноўная вартасць якога – Галя. Ён бачыць кроў, гразь, бруд, але, калі ўспамінае Галю, усё гэта адступае на задні план, расплываецца, губляецца. Ён адольвае стомленасць, страх, блукае побач са смерцю, як бы заслужваючы Галіну прыхільнасць”* [6, с. 486]. З вышыні свайго ўзросту і жыццёвага вопыту І. Я. Навуменка паблажліва ставіцца да свайго героя, які *“пра сябе самога, пра Галю думае больш, чым пра самыя буйныя падзеі вайны...”* [6, с. 441], і ні ў якім разе не асуджае яго, добра разумеючы, што Сяргей сустрэў вайну ў тым узросце, калі ён толькі пазнаваў сябе і жыццё, калі яму быў самы час кахаць, а не ваяваць.

Як вядома, да таго, як трапіць на фронт, Сяргей Каліноўскі ўжо прайшоў праз жорсткія выпрабаванні, г. зн. жыў пад акупацыяй, удзельнічаў у падпольнай барацьбе супраць захопнікаў і партызаніў у родных мясцінах, але, нягледзячы ні на што, ён усё роўна *“пра жыццё ... думае высока, узнёсла”* [6, с. 389], застаецца чыстым, сумленным, прастадушным, летуценным, ранімым і даволі наіўным маладым чалавекам, чый характар І. Я. Навуменка карпатліва даследуе і глыбока раскрывае ў сваім творы. У рамане *“Смутақ белых начэй”* пісьменнік неаднаразова заўважае, што яго героі, чыя сямнацатая вясна супала з пачаткам вайны, застаюцца нясталымі хлопцамі з уласцівымі іх узросту жаданнямі вылучыцца, самасцвердзіцца, дабіцца прызнання. Так, напрыклад, галоўны герой хацеў *“падурэць перад месачковымі дзяўчатамі”*, таму *“выменяў сваю вінтоўку на аўтамат”*,

якім, дарэчы, “карыстацца як след ... не ўмеў” [6, с. 395–396]; “Каб узвысіцца ў вачах Галі”, хлопец збіраўся “наслаць ёй фотакартку, на якой зняты ў афіцэрскай форме”, а мундзір дзеля гэтага ён бы пазычыў у якога-небудзь лейтэнанта [6, с. 561].

Іван Навуменка не ідэалізуе свайго аўтабіяграфічнага героя Сяргея Каліноўскага і не паказвае яго на старонках рамана толькі ў выгадным святле. У прыватнасці, не перабольшвае пісьменнік смеласці юнака. У першы дзень на перадавой ім авалодвае некантралюемы страх: “Увесь дзень быў ва ўладзе дрыжыкаў. Ціўкне куля – і ён прысядае. Але стараўся не паказаць, што баіцца” [6, с. 450]. Яму няёмка, бо побач знаходзяцца таварышы з роднага мястэчка, перад якімі не вельмі хацелася б выглядаць баязліўцам. У сувязі з гэтым аўтар твора апісвае яшчэ адзін канфуз, што выйшаў з Сяргеем Каліноўскім. На гэты раз галоўны герой быў гатовы скрозь зямлю праваліцца ад сораму, бо сведкамі яго “ганьбы” сталі дзяўчаты-санітаркі: “Прачынаецца ад блізкіх, пранізлівых выбухаў ... і, не разабраўшы са сну, што адбываецца, не саўладаўшы з сабой, з усіх ног кідаецца прэч. Праз некалькі хвілін цверазее. Праз заслон знішчальнікаў прарваўся нямецкі самалёт, кінуў некалькі бомб. Вось і ўсё. Сяргею страшэнна сорамна. Толькі ён адзін пабег. На вачах у дзяўчат” [6, с. 545].

У канцы рамана пісьменнік паказвае балючае і хуткае сталенне Сяргея, нават, можна сказаць, перараджэнне. Справа ў тым, што навіна пра смерць Васіля Лебедзя надламала Сяргея: “Думка прарэзалася назаўтра: ён не хоча жыць. Навошта жыць? Агітаваў таварышаў ехаць на фронт у адной маршавай роце. Паслухалі яго. Цяпер яны мёртвыя, ён жывы. Не мае права жыць. Ён не можа ўявіць, як прыедзе ў мястэчка, што скажа, калі сустрэне маці Васіля Лебедзя, Косці Цітка ці іншых таварышаў. Таварышы ляжаць у зямлі, ён прыедзе. Дзеля чаго?.. Думка аб тым, што сёння ці заўтра ён загіне, прыносіць задавальненне. Дзіўна ён сябе адчувае: няма жаданняў, крыўд, страху, чаго-небудзь другога, што б звязвала яго з пясчанай, камяністай зямлёй, на якой ліецца кроў, людзі бязлітасна забіваюць адзін другога” [6, с. 572]. На нашу думку, менавіта ў гэтым шчырым і прасякнутым болем унутраным маналогам яскрава выявілася “новая святдомасць” [1, с. 113] Сяргея Каліноўскага. Калі да гэтага моманту паводзінамі, учынкамі і меркаваннямі герой быў больш падобны да падлетка, то тут ён ужо разважае як дарослы мужчына. Па-сапраўднаму зразумеўшы крывавую сутнасць вайны, страціўшы сэнс жыцця і духоўныя арыенціры, малады чалавек сам шукае смерці. Праз дзень яго “кантузіла выбуховай хваляй міны, ... пераламала руку” [6, с. 575]. Пасля гэтага ранення пачынаецца новы этап у жыцці галоўнага героя рамана “Смутак белых начэй”. Спачатку хлопец знаходзіўся ў стане глыбокай дэпрэсіі: апатыя і абьякавасць ахапілі ўсю яго істоту, тое, што “ў ранейшым жыцці” было дорага, грэла душу Сяргею і цікавіла яго, цяпер страціла сваё значэнне [6, с. 576]. Аднак з цягам часу юнак знаходзіць

у сабе душэўныя сілы, каб кожнай ночы “*шукаць пункт апоры*”, змагацца з тымі цяжкімі панурымі думкамі [6, с. 577]. Гэтая напружаная духоўная работа па асэнсаванні перажытага ім і пераасэнсаванні сваіх ідэалаў, каштоўнасцей паступова дала свой плён: “*Ланцугі халоднай абыякавасці да жыцця, якія трымалі ў сваёй абладзе Сяргею душу, нарэшце спалі*” [6, с. 579]. Заканчваецца раман тым, што галоўны герой гадае, «*на які фронт трапіць?*» [6, с. 579]. Тое, што Сяргей Каліноўскі пачаў думаць пра сваю будучыню, яшчэ раз пацвярджае вылячэнне яго параненай душы і маральную гатоўнасць працягваць змаганне з ворагам.

Праведзенае даследаванне дазваляе сцвярджаць, што ў аповесці “Дні і ночы” і рамане “Смутац белых начэй” паказваецца змаганне з ворагам на фронце знутры, не прыхарошваючы яго, нічога не выпускаючы з-пад увагі, закранаючы нават тэмы, пра якія ў тыя часы яшчэ было не прынята пісаць. К. М. Сіманаў і І. Я. Навуменка праўдзіва апісваюць суровыя франтавыя будні і ўвесь цяжар акупнага жыцця. Вайна на фронце падаецца рускім і беларускім пісьменнікам як цяжкая штодзённая праца. Абодва мастакі слова ацэньваюць гібель кожнага чалавека на вайне з гуманістычных пазіцый і ўспрымаюць яе не толькі як трагедыю адной асобы, але і як трагедыю родных, блізкіх, грамадства. Яны лічылі сапраўднымі героямі ўсіх тых, хто знаходзіў у сабе сілы быць вернымі свайму доўгу, сумленна выконваў свае ваенныя абавязкі, рабіў свой пасільны ўнёсак у агульную перамогу над ворагам. Галоўныя героі твораў К. М. Сіманава і І. Я. Навуменкі вельмі розныя: у аповесці “Дні і ночы” дваццацідзевяцігадовы капітан Аляксей Іванавіч Сабураў, ураўнаважаны, адказны і сціплы чалавек, паказаны як цэльная і сфарміраваная асоба, якая мае моцную матывацыю для змагання з ворагам, а ў рамане “Смутац белых начэй” дзевятнаццацігадовы Сяргей Каліноўскі, чысты, сумленным, прастадушны, летуценны, ранімы і даволі наіўны юнак, які толькі ў канцы твора па-сапраўднаму ўсведамляе крываваю сутнасць вайны і хутка сталее.

## ЛІТАРАТУРА

1. *Навуменка, І. Я.* Збор твораў : у 10 т. / І. Я. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 2012–2017. – Т. 10 : П’еса, вершы, інтэрв’ю, анкеты, выступленні, водзвывы на дысертацыі, некралогі, аўтабіяграфія, успаміны, дзённікавыя запісы, лісты / падрыхт. тэкстаў, камент. і паслясл. Н. Пыско. – 2017. – 989 с.
2. Літаратурная карта Еўропы: кантакты, тыпалогія, інтэртэкстуальнасць / А. В. Вальчук [і інш.] ; навук. рэд. М. У. Мікуліч ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 577 с.

3. *Симонов, К.* Каждый день – длинный : Из воен. дневников 1941–1945 гг. / К. Симонов. – М. : Сов. Россия, 1965. – 157 с.
4. *Навуменка, I.* Збор твораў : у 6 т. / I. Навуменка. – Мінск : Маст. літ., 1981–1984. – Т. 6 : Літаратурная крытыка. – 1984. – 535 с.
5. *Сіманаў, К.* Дні і ночы : Аповесць / К. Сіманаў ; пер. з рус. А. Кудраўца. – Мінск : Маст. літ., 1979. – 256 с.
6. *Навуменка, I. Я.* Збор твораў : у 10 т. / I. Я. Навуменка. — Мінск : Маст. літ., 2012–2017. – Т. 6 : Сорак трэці; Смутац белых начэй : раманы / падрыхт. тэкстаў, камент. і паслясл. А. Лапаты-Загорскага. – 2015. – 797 с.
7. *Мясников, А.* Роман К. Симонова «Дни и ночи» / А. Мясников // Большевик. – 1944. – № 13–14. – С. 91–96.
8. *Абрамова, М. А.* Рыцарский роман / М. А. Абрамова // Лит-ая энцикл. терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина ; Ин-т научн. информации по общ. наукам РАН. – М. : НПК Интелвак, 2001. – Стб. 919–920.

# ВЕСТНИК МГЛУ

*Серия 1. Филология*

№ 3 (124), 2023

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *О. В. Луцинская*

Редакторы: *В. М. Василевская, Л. А. Каштанова*  
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован  
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.  
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск  
E-mail: [vestnik@mslu.by](mailto:vestnik@mslu.by)

Подписано в печать 27.06.2023. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.  
Ризография. Усл. печ. л. 6,05. Уч.-изд. л. 6,43. Тираж 100 экз. Заказ 28.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172